

ГОДИЧНИЙ АКТЪ

ВЪ

РШЕЛСКОМЪ ЛИЦЕЪ,

22-го Июля 1847 года.

[Handwritten signature]

41
9

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

41
9

ВВЕДЕНИЕ.

Соборнымъ Уложениемъ Царя Алексѣя Михайловича начинается у насъ настоящій періодъ уголовного законодательства. Уложение со всею возможною полнотою излагаетъ сущность запрещенныхъ дѣйствій и со всею подробностію опредѣляетъ наказанія, установленныя за дѣйствія, признавныя нарушающими общественный порядокъ. — Уложение въ полномъ смыслѣ уголовный кодексъ, въ которомъ какъ значеніе преступленія, такъ и наказаніе получаютъ опредѣленность, а обычай и судебная практика теряютъ силу самостоятельнаго источника юрисдикціи. Превычайныя же наказанія, которыхъ назначеніе зависѣло отъ усмотрѣнія судьи, уступаютъ мѣсто догмѣ закона. Характеръ Уложенія, какъ уголовного кодекса, весьма замѣтителенъ; по времени изданія своего, относясь къ періоду, въ которомъ преимущественно преобладала въ цѣлой Европѣ цѣль устрашенія, Уложение имѣло то преимущество передъ прочими современными кодексами, что главное его стремленіе было основать наказаніе на чистыхъ началахъ правды и справедливости, а не на временныхъ и преходящихъ.

Разрѣшеніе вопроса, откуда Уложение почерпало матеріалъ для своихъ постановленій, находимъ въ самомъ Уложеніи. Царь Алексѣй Михайловичъ, приступая къ составленію его, далъ такое повелѣніе: «которыя статьи написаны въ «правилахъ Св. Апостолъ и свѣтъ Отець и въ градскихъ законахъ Греческихъ «Царей, а пристойны тѣ статьи къ Государственнымъ къ Земскимъ дѣламъ, и «тѣбы статьи выписать, и чтобы прежнихъ Великихъ Государей, Царей и Великихъ «Князей Россійскихъ и отца Его Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодо- «ровича всея Россіи, указы и боярскіе приговоры на всякія Государственныя и «Земскія дѣла собрать и тѣ Государскія указы съ старыми судебниками справить.

»А на которыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ Государей въ прежнихъ «судебникахъ Указу не положено и Боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи небыло, «и тѣбы статьи потому же написать и положить по его Государеву указу общимъ «совѣтомъ.» — Такимъ образомъ въ составъ Уложения вошли: 1) Правила Св. Апостолъ и Св. Отецъ; 2) Градскіе Законы Греческихъ Царей; 3) прежніе судебники, Указы Государей и Боярскіе приговоры; 4) статьи совершенныя ии прежними судебниками, ии Царскими Указами; и 5) хотя и неупомянутый въ повелѣніи, Статутъ Литовскій.

Россия познакомила съ Церковнымъ Греческимъ Правомъ со введеніемъ Христіанской вѣры. При составленіи Уложения немного замечено постановленій изъ него, но Церковное право важное имѣло вліяніе на Уложение тѣмъ, что оно сообщило свой характеръ системѣ наказаній; такъ что въ опредѣленіи внутренняго соотношенія между преступленіемъ и наказаніемъ Уложение слѣдовало древнему ученію, и тѣмъ самымъ почти оставило въ сторонѣ систему, развитую въ возрожденной Европѣ.

Уложение не имѣло въ виду измѣнить существующее законодательство въ Россіи, но главное его стараніе было обращено на собраніе разбросанныхъ правилъ закона въ одно систематическое цѣлое; новыя же введенія большею частию не измѣняли, но пополнили прежніе законы. По сему Уложение усвоило себѣ много постановленій судебника, указовъ и боярскихъ приговоровъ. Преимущественно сохранились постановленія древняго Русскаго права въ судопроизводствѣ, въ разбойныхъ и татинскихъ дѣлахъ; а сверхъ того и въ другихъ статьяхъ часто являются слѣды прежнихъ постановленій.

Литовскій Статутъ былъ самымъ обильнымъ источникомъ уголовныхъ постановленій Уложения. Вліяніе его преимущественно замѣтно въ изложеніи правилъ о преступленіяхъ Государственныхъ, о преступленіяхъ противу службы военной, и нарушеній правъ казны, о преступленіяхъ противу личности частныхъ лицъ, а въ особенности въ убыткахъ, ущербахъ и поврежденіяхъ чужаго имущества. Впрочемъ замѣтно, что составители Уложения искали въ Статутѣ Литовскомъ преимущественно матеріала для догмы закона. Уложение, принимая случай, изложенный въ Статутѣ, тогда только усвоивало наказаніе, когда оно было согласно съ системою, которую оно приняло. Вообще же если наказанія, принятые Статутомъ, были несогласны съ его системою, когда Уложение измѣняло его по сему. Въ особенности Уложение старалось смягчить строгость Литовскаго Статута, что должно приписать милосердію Царя Алексѣя Михайловича.

Важнымъ могутъ быть пособіемъ для изслѣдованія, какія были источники каждой статьи Уложения, отмѣтки на поляхъ, поставленныя противу каждой статьи, въ подлинномъ спискѣ Уложения, хранившася въ Оружейной Палатѣ⁽¹⁾, несмотря на то, что въ этихъ отмѣткахъ есть пропуски.

Уложение подвергалось уже два раза критическому изслѣдованію ученыхъ. Первый по времени былъ г. Владиміръ Строевъ, который издалъ въ 1833 году *Историко-Юридическое изслѣдованіе Уложения*; но гораздо важнѣе *Речь объ Уложении и послѣдующемъ его развитіи*, профессора Московскаго Университета О. Л. Морошкина, въ которой, со всѣмъ знаніемъ исторіи отечественнаго права, сочинитель подвергалъ изслѣдованію источники Уложения, Государственныя и гражданскія законы и судопроизводство; но къ сожалѣнію авторъ не рассматривалъ уголовного права. Самостоятельность воззрѣнія и правильное представленіе состоянія разсматриваемыхъ имъ предметовъ въ древней Россіи и въ періодъ Уложения, поставляютъ эту рѣчь въ число важнѣйшихъ сочиненій по части исторіи Русскаго права. Весьма замѣчательна тоже рѣчь профессора С.-Петербургскаго Университета г. Баршева, *О вліяніи обычая, практики, законодательства и науки на развитіе уголовного, въ особенности Русскаго Права*, и диссертация Харьковскаго профессора г. Гордѣнкова: *Въ чемъ должно состоять Ученое Уголовное Законодѣніе въ Россіи въ настоящее время*. Оба сочинителя, рассматривая развитіе уголовного права въ Россіи, обращаютъ вниманіе на значеніе, которое въ опомъ имѣло Уложение.

Если пріять во вниманіе, что Уложение сохранило въ себѣ много постановленій, относящихся къ временамъ древнѣйшимъ, то нельзя умолчать о новѣйшихъ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію древняго Русскаго права. Въ особенности примѣчательны: г. Калачова *Изслѣдованія о русской правдѣ и Объ уголовномъ припадкѣ по судебнику Царя Іоанна Васильевича*; г. Иваншева *о платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою* и г. Палюмбецкаго *О системѣ судебныхъ доказательствъ древняго Германскаго Права сравнительно съ русскою правдою и позднѣйшими русскими законами*. Всѣ эти сочиненія представили много результатовъ и объяснили много предметовъ; бывшихъ до того неясными, и всегда останутся важнымъ пособіемъ для позднѣйшихъ составителей полной исторіи русскаго Уголовнаго Права.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ МЕНДІ ПАНІКОВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ВООБЩЕ.

1). *Раздѣленіе преступленій.*

Древніе памятники законодательства Русскаго показываютъ намъ, что въ нашемъ отечествѣ дѣйствія, нарушающія сферу свободной дѣятельности частныхъ лицъ, а въ послѣдствіи и тѣ случаи, въ которыхъ частная воля возносилась выше воли общественной, преслѣдовались всею тяжестью карательной системы, которая выражалась различною наказанностію, развиваемою временемъ. Договоры Олега и Игоря, Русская Правда, Грамоты, Судебники и уставы служатъ намъ доказательствомъ, что всеобщее вниманіе было обращено на пресѣченіе всякаго зла, подъ какимъ видомъ оно ни проявлялось, если только это зло не было согласно съ началами правды и справедливости и съ видами общественного спокойствія и безопасности. Каждый изъ этихъ памятниковъ нашей юридической дѣятельности, отдавая впрочемъ дань всеобщему историческому развитію идей Уголовнаго Права, въ длинный періодъ семи вѣковъ, грозно стоялъ на защитѣ элементовъ, необходимыхъ для образованія государственнаго бытія. — Жизнь Русская, со временъ Московскаго государства, потекла величаво, сбросила при усиленной борьбѣ все то, что препятствовало ея самостоятельности, и древній обычай, озаряемый юридической практикой, завязалъ ядро народнаго законодательства. Но въ этотъ бурный

моментъ некогда было останавливаться надъ систематическимъ раздѣленіемъ юридическихъ понятій; поэтому, во всѣхъ постановленіяхъ закона до Уложения нигдѣ зло не опредѣлялось; виды его нечислялись по мѣрѣ того, какъ юридическая практика замѣчала новые случаи, а гдѣ не было явныхъ постановленій, врожденное чувство справедливости не затруднялось возстановлять нарушенія права.

Но Уложеніе застало Россію уже на высшей степени народной силы и было точнѣе и опредѣлительнѣе. — Хотя въ самомъ текстѣ закона нѣтъ опредѣленія преступленія, но въ заглавіяхъ мы встречаемъ уже наименованія запрещенныхъ дѣяній; а распредѣленіе предметовъ по главамъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что составители Уложения умѣли отличать различныя виды преступленій. — Уложеніе знаетъ слѣдующіе виды преступленій: 1) преступленія противу вѣры; оно называетъ преступниковъ *Богохульниками и церковными мятежниками* (2), безчинниками (3); 2) преступленія государственныя, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *Государева великаго дѣла, Государева дѣла и слова* (4); лицъ, покушающихся на особу Монарха, называетъ мыслящими на *Государское здоровье злое дѣло* (5), умышляющихъ *злое дѣло* противу цѣлости государства называетъ *измѣнниками* (6). Самая измѣна называется *измѣннымъ дѣломъ* (7). Къ измѣнѣ причисляется зажженіе города; зажигатель назывался *зажигальщикомъ* (8). Къ оскорбленію Величества, Уложеніе относитъ *безчинство и брань на Государевомъ дворѣ*; мѣры для пресѣченія сего рода преступленій, изложены въ III-ей главѣ *о Государевъ дворѣ, чтобъ на Государевъ дворъ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было*. Скопъ и заговоръ не только противу Царскаго Величества, но противу лицъ, входящихъ въ составъ управленія, также причислялись къ государственнымъ преступленіямъ (9). Судя по порядку, въ которомъ слѣдуютъ главы, легко замѣтить, что Уложеніе относитъ къ государственнымъ преступленіямъ нарушенія въ исполненіи повинностей, нарушенія противу правъ казны и ея доходовъ и злоупотребленія по службѣ: такъ глава II говоритъ о *подписчикахъ и о тѣхъ, которые печати поддѣлываютъ*, V-я глава *о денежныхъ мастерахъ, которые учинятъ дѣлати воровскія деньги*, VI-я глава *о провъзжихъ грамотахъ, въ чиня государства*, VII-я *о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства* и X-я *о судѣ*, гдѣ между прочимъ полагается взысканіе за преступленія лицъ, участвующихъ въ судѣ, XXV-я глава, извѣстная подъ названіемъ: *Указы о корчмахъ*, въ которой преслѣдуются нарушенія постановленій о выдѣлкѣ и продажѣ горячихъ напитковъ и о куреніи табаку. 3) Преступленія

противу нарушеній частныхъ лицъ излагаются въ X, XXI и XII главахъ Уложения; въ первой изъ нихъ, помѣщаются обиды личныя, ущербы и убытки по имуществу, во второй, т. е. XXI, которая носитъ названія *о разбойныхъ и о татинныхъ дѣлахъ*, помѣщены разбой, грабежъ, воровство и нѣкоторые случаи убійства; наконецъ въ главѣ XXII, названной: *указы, за какія вины кому чинити смертная казнь и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе*, преимущественно излагаются дѣйствія, направленные противъ личнаго существованія человека и преступленія противъ собственности, какъ вредящія вещественнымъ средствамъ существованія частныхъ лицъ. Въ эти данныя ведутъ насъ къ заключенію, что независимо отъ прежняго древняго Русскаго дѣленія преступленій по подсудности, Уложеніе усвоило себѣ новое дѣленіе на *Государственныя и частныя*. Уложеніе приняло древнее Римское дѣленіе, что слѣдуетъ приписать вліянію Градскихъ законовъ; поему въ Уложеніи не видно раздѣленія, принятаго въ средніе вѣка, на преступленія тяжкія и легкія, основаннаго на необходимости поддержанія общественной безопасности, преобладавшей надъ всеми частными и побочными цѣлями. Впрочемъ, Уложеніе понимаетъ, что не всѣ запрещенныя дѣянія приносятъ одинаковій вредъ, и въ каждомъ отдѣлѣ принятаго имъ раздѣленія, оно разсматриваетъ во-первыхъ преступленія, которыя уничтожаютъ права общественнаго союза или частныхъ лицъ; во-вторыхъ преступленія, которыя потрясаютъ права общественныя или частныя, и въ-третьихъ тѣ дѣйствія, которыя не уничтожаютъ и не потрясаютъ правъ, но только нарушаютъ средства, придуманныя обществомъ для обезпеченія всякому лицу пользованія предоставленными ему правами.

Въ Уложеніи преимущественно полагается наказаніе за противозаконныя дѣянія; впрочемъ есть случаи, когда наказанія преслѣдуютъ неисполненіе нѣкоторыхъ дѣйствій (10).

2). О преступленіи, относительно воли дѣйствующаго лица.

Къ условіямъ, образующимъ сущность дѣйствія противозаконнаго, принадлежитъ воля дѣйствующаго лица. Только воля можетъ сдѣлать то, что дѣйствіе совершенное бываетъ законнымъ или противозаконнымъ. Воля оживляетъ всякое дѣйствіе и придаетъ ему характеръ и свойства. Не каждый человекъ владѣетъ волею въ равной степени, и не всегда одинаково владѣетъ волею своею. Однако человекъ дѣйствуетъ, не смотря на то, что совершенно лишенъ возможности употребить волю, или не употребляетъ ее такъ, какъ бы

желалъ. Человѣкъ, дѣйствуя при обладаніи волею, не всегда равно виноватъ; во-первыхъ, онъ совершаетъ дѣйствія, предпринимаемыя безъ намѣренія нарушить законъ, но слѣдствіе есть противузаконіе, которое могло быть предвидѣно дѣйствующимъ лицомъ, если бы онъ больше обратилъ вниманія; во-вторыхъ, онъ предпринимаетъ дѣйствія противузаконныя добровольно, имѣя въ виду достиженіе какой нибудь особой цѣли; и въ-третьихъ, онъ предпринимаетъ дѣйствія съ тою цѣлію, чтобы совершить какое нибудь нарушеніе закона, какое представляется его вниманію. Не вдумавшись сдѣлалась понятна та огромная лѣстница, которая отдѣляетъ дѣйствія, совершаемыя безъ всякаго участія воли, отъ дѣйствій, предпринятыхъ съ полнымъ размышленіемъ; въ древности обращали вниманіе на вѣншее дѣйствіе, не вникая во внутреннія побужденія человѣка; только юридическія понятія, развитыя въ духъ Христіанскаго ученія, обратились къ внутренней сторонѣ человѣка. Основныя понятія первоначальныхъ законодательствъ Европейскихъ народовъ не благопріятствовали развитію науки о противузаконной волѣ. По своей сущности, вѣра смотрѣла болѣе на вознагражденіе вѣншняго вреда, на оцѣнку дурныхъ послѣдствій противузаконнаго дѣйствія, чѣмъ на опредѣленіе участія, которое имѣла воля при совершеніи нарушенія. По этому умысленно-ли кто совершилъ убійство, убивалъ-ли и увѣчалъ-ли отъ неосторожности, тѣмъ не менѣе долженъ былъ платить окупъ. Впрочемъ, Русская Правда отличаетъ *ставшаго на разбой безъ всякой свадьбы* (11). Когда характеръ наказаній измѣнился, въ Россіи начали раздѣлять преступленія на *хитростныя и безхитростныя*; но подъ именемъ послѣднихъ разумѣлись болѣею частью дѣйствія случайныя (12); притомъ такія, которыя нисколько не зависѣли отъ воли человѣка; напр. если вода принесетъ мертваго, или кто съ *древа убьетца*, или *отъ своихъ рукъ утерлетца*, или *возомъ сотретъ*, или въ водѣ утонетъ, или громъ убьетъ, или кого звѣрь съестъ (13). Въ Выпускѣ Уставной книги разбойнаго приказа (14) видно различіе между умысленнымъ убійствомъ и убійствомъ *неумысленнымъ или пьянымъ дѣломъ*. Уложеніе пользуется тѣмъ, что установлено было прежде по сему предмету: постановленіе 90-й статьи судейника, въ которомъ говорится о безхитростной уtratѣ денегъ или товара купцемъ, взятыхъ у своего товарища, повторяется въ кодексѣ Алексѣя Михайловича (15). Только вмѣсто слова *безхитростное дѣло*, употребляется *невольный случай*. Постановленія о неумысленномъ убійствѣ встрѣчаются въ Уложеніи (16). Уложеніе не довольствуется тѣмъ, что нашло; оно дѣлаетъ значительный шагъ впередъ въ изслѣдованіи умысла въ дѣйствіяхъ противузаконныхъ. Уложеніе отличаетъ убійство съ *умысленіемъ* (17), под-

жегъ *умысленіемъ* (18), вредъ сдѣланный *нарочнымъ дѣломъ* (19), *хитростию* (20) и *небреженіемъ* (21), отъ убійства учиненнаго *безъ умысленія, безъ хитрости не нарочнымъ дѣломъ* (22), т. е. отъ стеченія обстоятельствъ случайныхъ, зависящихъ не отъ воли, но отъ дѣйствія посторонняго, отъ убійства учиненнаго надъ лицомъ, выданнымъ на праведъ (23), отъ убійства и увѣчья по неволѣ *отъ себя бороняся* (24), отъ убійства при преслѣдованіи татя (25), отъ *гибели*, учиненной безъ хитрости (26), отъ нарушеній должности безъ хитрости (27). Наконецъ Уложеніе допускаетъ невѣдѣніе, какъ обстоятельство, освобождающее отъ наказанія (28).

3) О преступленіи въ отношеніи къ дѣйствію вѣншему.

Разные переходы преступнаго дѣйствія отъ того момента, въ которомъ оно завязалось въ мысли лица, помышляющаго о нарушеніи до самаго совершенія обдуманнаго заранее зла, впервые подверглись изслѣдованію глосаторовъ. Италіянскіе практики развили немного подробнѣе ученіе о покушеніи; но только уголовное Уложеніе Карла V (29) обратило вниманіе на степень наказанности, которую должно нести покушеніе. Криминалисты Нѣмецкой школы XVI и XVII столѣтій мало сдѣлали успѣховъ въ ученіи о умыслѣ, о приготовленіи къ преступленію и покушеніи; посему, хотя въ Уложеніи этотъ предметъ не подвергся строгому розысканію, однако предусмотрѣніе тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ преступленіе разсматривается прежде исполненія, показываетъ, что составители Уложенія, предугадывали тѣ запутанныя обстоятельства, сопутствующія преступленію отъ его начала до окончанія, которыя наконецъ разгаданы критическимъ изслѣдованіемъ Криминалистовъ XVIII и XIX столѣтій. По Уложенію въ преступленіяхъ государственныхъ полагается наказаніе на того, кто *учнетъ мыслити на Государское здорovie злое дѣло, кто злое дѣло мыслити и дѣлатъ хотѣлъ* (30), и на того, кто, *хотя Московскимъ государствомъ завладѣть и Государемъ быть*, и для того начнетъ *ратъ собирать* или *Гарьскаго Величества съ недруги учнетъ дружитися и совѣтными грамотами ссылалися и помочи имъ вслѣски чинити* (31). Въ преступленіяхъ противу частныхъ лицъ предвидѣнъ случай, если кто учнетъ *похвалятися на кого смертнымъ убійствомъ* (32), или похвалятися какимъ *лихимъ дѣломъ*, что онъ хочетъ домъ его или гумно съ хлѣбомъ сжечь, или иной какой убытокъ учинить (33), или, если слуга помыслитъ смертное убійство на того, кому онъ служитъ, или вынетъ какое оружіе, намѣревался его убить (34).

4). *О лицахъ, совершающихъ преступленіе.*

Совершеніе преступленія находится въ связи со временемъ. Въ этомъ отношеніи представляются три момента, въ которыхъ преступленіе можетъ быть разсматриваемо: прежде совершенія, въ минуту совершенія, и послѣ совершенія. При первомъ взглядѣ кажется, что преступленіе прежде совершенія — дѣло постороннее для законодателя и судьи. Что заключается въ мысли, покрыто непроницаемой завѣсой. Что перешло въ сферу дѣйствія вѣшняго, не нарушаетъ юридическаго порядка. Но общество не можетъ довольствоваться взглядами чисто юридическими, оно идетъ дальше и старается утвердить за собою общественную безопасность. Общество, желая обезпечить себя, должно обращать вниманіе на готовящуюся грозу; на этомъ основаніи, лице знающее о преступленіи, должно обратить вниманіе общества, бодрствующаго надъ своею безопасностію. Приобрѣтеніе свѣдѣнія о приготовляемомъ противозаконіи, можетъ представить многочисленныя средства къ предупрежденію и къ оглоушенію угрожающаго зла. По этому общество должно вмѣнить всѣмъ членамъ своимъ въ обязанность доносить о извѣстныхъ приготовленіяхъ къ преступленію. Кто не радѣетъ объ исполненіи этой обязанности, дѣлается виновнымъ противу общественной безопасности.

Въ Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ съ усиленіемъ монархической власти началъ водворяться порядокъ, вниманіе Правительства, въ особенности обращено было на устроеніе общественнаго спокойствія. Для достиженія этой цѣли, сверхъ учрежденія губныхъ старостъ и губныхъ избъ въ городахъ, чтобы преслѣдовать разбой⁽³⁵⁾, частныя лица обязаны были доносить о извѣстныхъ имъ преступленіяхъ. Мы видимъ, что въ клятвенныхъ записяхъ лица присягающія обѣщались между прочимъ объявлять все то, что услышатъ о добрѣ или лихѣ Государя и его дѣтей, и въ этомъ представляли за себя порукъ⁽³⁶⁾, » а у кого послышу изъ имркъ такое лихое дѣло и умышленье и » сылку, и мнѣ такого челоуѣка не покрити и его поймати и приводити его » въ городѣхъ къ бояромъ и воеводамъ и къ приказнымъ людемъ, а въ воло- » стяхъ и въ селѣхъ къ земскимъ старостамъ и къ лучшимъ людемъ; а не » будетъ моеѣ силы что его поймати, и мнѣ на такого челоуѣка такія злыя » умышленія и сылки извѣцати въ городѣхъ Государевымъ бояромъ и вое- » водамъ и приказнымъ людемъ, въ правду«⁽³⁷⁾. Уложеніе развиваетъ дальше найденныя имъ положенія: оно назначаетъ награду тому, кто приведетъ или убьетъ измѣнника, » а тому, кто его приведетъ или убьетъ, дать Государеву

» жалованье изъ его животовъ, что Государь укажетъ«⁽³⁸⁾; кто свѣдаетъ или услышитъ на Царское Величество въ какихъ людехъ скопъ и заговоръ, или иной какой злоѣ умыселъ, тотъ обзаетъ былъ объ этомъ извѣщать Государю Царю или его боярамъ и ближнимъ людемъ, воеводамъ и приказнымъ⁽³⁹⁾. Лица, которыя знали объ этихъ преступленіяхъ, наказывались смертью безъ всякой пощады⁽⁴⁰⁾. Лица, связанныя съ преступникомъ самыми ближайшими узами родства, какъ жена и дѣти⁽⁴¹⁾, отецъ, мать, братья родные или неродные, дядя или другіе родственники⁽⁴²⁾, если только вѣдали о преступленіи, подвергались тоже смертной казни. Служителямъ и крестьянамъ, живущимъ за кѣмъ нибудь въ *крестьянцѣхъ*, давали вѣру въ этихъ великихъ дѣлахъ, не смотря на то, что кромъ тѣхъ великихъ дѣлъ, ни въ какихъ дѣлахъ такимъ извѣтчикамъ не велѣно было вѣрить⁽⁴³⁾.

Участье лицъ, способствующихъ къ совершенію преступленія, можетъ быть непосредственное или посредственное, и должно всегда обращать вниманіе законодателя, по началамъ чистой справедливости. Оцѣнка же дѣйствій, предпринятыхъ послѣ совершенія преступленія, если только эти дѣйствія не составляютъ новаго преступленія, не можетъ быть сдѣлана по строгимъ началамъ чистой справедливости. Впрочемъ, начала благоустройства и благосогласія, которыя необходимо должны быть поддерживаемы въ обществѣ, не позволяютъ, чтобы этотъ предметъ ускользнулъ отъ вниманія законодателя; по этому, при разсмотрѣніи сего предмета, слѣдуетъ тщательно вникнуть, было ли принято участіе въ преступленіи прежде, чѣмъ оно было исполнено, или послѣ его исполненія; то-есть: имѣло ли преступленіе участниковъ или пособниковъ. Всѣ эти отношенія довольно точно и опредѣленно изложены въ Уложеніи, которое, какъ и всегда, объявъ собою понятія, приготовленныя предшествующими постановленіями, передало ихъ въ полнѣйшемъ видѣ. Въ особенности достойно примѣчанія, что Уложенію извѣстенъ *поучающій къ преступленію*, который, еслибы даже не принималъ участія въ исполненіи преступленія, подвергался наказанію одинаковому съ исполнившимъ преступленіемъ⁽⁴⁴⁾; къ участникамъ преступленія Уложеніе относитъ *учинившихъ помощь*⁽⁴⁵⁾ *товарищей*⁽⁴⁶⁾, которыя наказывались легче, чѣмъ преступники и *стакавшіеся*⁽⁴⁷⁾. Люди, защищавшіе господина своего, при отраженіи его отъ предпринятаго имъ противозаконнаго дѣйствія и даже учинившіе убійство, не считались участниками; ихъ преступленіе не ставилось имъ въ вину, а велѣно спрашивать того убійства на томъ, кому они служили⁽⁴⁸⁾. Это постановленіе имѣетъ нѣкоторое сходство съ Статутомъ Литовскимъ, въ которомъ слуги вообще не

считались помощниками въ преступленіи своихъ господъ⁽⁴⁹⁾. Весьма много матеріаловъ противу способствованія преступникамъ, послѣ совершенія преступленія, нашло Уложеніе въ своихъ источникахъ; въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа приняты мѣры противу укрывавшихъ въ обыскѣ разбойниковъ и татей; противу бывшихъ въ *пріѣздахъ, въ подводѣ, въ поповкѣ, въ поклажесѣ*, о которыхъ языки говорили, что у нихъ положили за разбойное и за татиное или что положили за чисто, или противу людей, о которыхъ языки говорили въ продажѣ за разбойное или за татиное или за чисто безъ поруки⁽⁵⁰⁾. Цѣль всехъ этихъ распоряженій явно выражена, *чтобъ всякимъ людямъ у себя воровъ, татей и разбойниковъ держать не повадно, а ворами бы, татями и разбойниками нигдѣ приѣзжца небыло*⁽⁵¹⁾. Видно, что не смотря на запрещенія, пособничество въ воровствѣ и разбоѣ было довольно значительно распространено; лица, опредѣляемые въ должности и даже нанявшіяся въ работы, должны были представить ручательство въ слѣдующемъ: *никакимъ воровствомъ не воровати, не красть и не разбивать и ворами татями и разбойниками и никакимъ воровскимъ людямъ приходу и пріѣзду къ себѣ недержати, и воровскою, татиною, разбойною ружьядю не промышляти*⁽⁵²⁾. Въ Уложеніи включено все, что было постановлено прежде: въ немъ запрещается укрывать и у себя держать татей и разбойниковъ, у которыхъ уши рѣзаны; съ нарушителей сего правила опредѣлена пеня въ десять рублей. Основаніемъ сему наказанію было то самое правило, какое встрѣчалось въ Уставной книгѣ, что бы на то смотря, инымъ не повадно было такъ дѣлать, а татями бы и разбойникамъ нигдѣ пристанища не было⁽⁵³⁾. Наказывались тоже тѣ, которые *ухороняли* людей оговорныхъ⁽⁵⁴⁾. Въ Уложеніи также повторяется постановленіе о людяхъ, на которыхъ учнутъ языки говорить съ пытокъ въ поклажѣ разбойныя и татиныя ружьяди и скажутъ, что у нихъ положили за разбойное, или за татиное, или за чисто, или на которыхъ языки учнутъ говорить въ продажѣ разбойной *ружьяди*⁽⁵⁵⁾, въ *пріѣздахъ* и въ *подводахъ*⁽⁵⁶⁾. Подвергались *заповѣди* тѣ, которые, видя воровъ, не изымали и въ приказъ не приводили и изымать было ихъ *мощно*⁽⁵⁷⁾. Такъ же считались виновными тѣ, которые *слѣду не отвели*⁽⁵⁸⁾. Наконецъ господинъ, если слуга учинилъ убійство безъ вѣдома его, чтобы очистить себя, долженъ былъ привести въ приказъ *и про такія убійства извѣстити*⁽⁵⁹⁾. Правило совершенно сходное съ постановленіемъ Статута Литовскаго, въ которомъ предписано господину, такого слугу поймать, посадить въ тюрьму и родствениковъ убитаго извѣстити⁽⁶⁰⁾.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ ВѢРЫ.

Сохраненіе чистоты Св. Вѣры, по ученію Апостольскому и по положенію Святыхъ Соборовъ, было постоянною заботою пастырей древней Русской Церкви. Они старались пресѣчь ереси и расколы, разрѣшали сомнѣнія низшаго духовенства, объясняя имъ истинный смыслъ догматовъ и преданій истинныя Святыя Церкви, поучали житію сообразно съ саномъ своимъ, и старались пресѣкать все отступленія и ложныя толкованія. Драгоценными памятниками этого попеченія о чистотѣ Св. Вѣры служатъ посланія къ духовенству и къ мірянамъ, многихъ знаменитыхъ пастырей, какъ то: Митрополитовъ Фотія, Юны и Симона, Архіепископовъ Новгородскихъ Симеона, Евонмія, Архіепископа Ростовскаго Феодосія и многихъ другихъ⁽⁶¹⁾; въ этомъ отношеніи примѣчательно тоже *Поученіе Свѣщеннослужителямъ*, относящееся къ 1449 г.⁽⁶²⁾. Въ Стоглавѣ Царя Іоанна Васильевича Грознаго между прочимъ есть правила о сохраненіи благочинія въ церквахъ, «да никто изъ Князей Великихъ и всѣхъ добрыхъ Христіанъ не входитъ въ церковь съ главою покровенною⁽⁶³⁾.

Кощунство, колдовство и остатки языческихъ обрядовъ, обратили тоже вниманіе Царя Законодателя; онъ говоритъ: «Духовенство обязано искоренять языческія и всякія гнусныя обыкновенія. Напримѣръ: когда истецъ съ отвѣтчикомъ готовится въ судъ къ бою, тогда являются волхвы, смотрятъ на звѣзды, гадаютъ въ какія то *Аристотелевы Врата* и въ *Рафли*, предсказываютъ побѣду счастливому, умножаютъ зло кровопролитія. Легковѣрные держатъ у себя книги Аристотелевскія, звѣздочетныя, зодіаки, алмахахи, исполненные еретической мудрости⁽⁶⁴⁾. Наканунѣ Іоаннова дни люди сходятся ночью, пьютъ, играютъ, пляшутъ цѣлыя сутки; безумствуютъ и наканунѣ Рождества Христова, Василья Великаго и Богоявленія. Въ Субботу Троицкую плачутъ, вопятъ и шумятъ на кладбищахъ, прыгаютъ, быютъ въ ладоши, поютъ сатаническія пѣсни. Въ утро Великаго Четверга палятъ солому и кличутъ мертвыхъ, а священники въ сей день кладутъ соль у престола и лечатъ ея недужныхъ. Лживые пророки бѣгаютъ изъ села въ село, нагіе, босые съ распущенными волосами, трясутся, падаютъ на землю, баснословятъ о явленіяхъ Св. Анастасіи и Св. Пятницы, Ватаги скомороховъ, человекъ до ста, скитаются по деревнямъ, объѣдаютъ, опииваютъ земледѣльцевъ, даже

»грабятъ путешественниковъ на дорогахъ, клянутся во лжи именемъ божіимъ и сквернословятъ.« Такое состояніе Россіи побудило Царя обратить вниманіе на прекращеніе безпорядковъ; онъ говоритъ: »Отцы Духовные! пресѣките зло, наставляйте, грозите! Казните эпитимей: ослушники да не входятъ въ церковь! Учите Христіанъ страху Божію и премудрости, да живутъ мирно въ сосѣдствѣ, безъ лбеды, кражи, разбоевъ, лжезвѣдѣтельства и клятвеннаго преступленія; да будетъ вездѣ благоправіе въ нашемъ любезномъ отечествѣ и дѣти да чтутъ родителей«⁽⁹⁶⁾.

Карамзинъ рассказываетъ⁽⁹⁶⁾ о ереси, произведенной въ Новгородѣ въ концѣ XV столѣтія жидомъ Схаріей, и открытой Архіепископомъ Геннадіемъ, который доносилъ, что сіи отступники злословятъ Христа и Богоматерь, плюютъ на кресты, называютъ иконы болванами, грызутъ оныя зубами, повергають въ мѣста нечистыя, не вѣрятъ ни Царству небесному, ни воскресенію мертвыхъ, и, безмолствуя при усердныхъ христіанахъ, дерзостно развращаютъ слабыхъ. Нашъ Исторіографъ рассказываетъ о наказаніи, которому подверглись еретики; онъ говоритъ, что соборъ, дѣйствуя согласно съ желаніемъ Великаго князя Іоанна III Васильевича, проклялъ ересь, и безумныхъ еретиковъ осудилъ на заточеніе. Многіе изъ осужденныхъ были посланы въ Новгородъ: Архіепископъ Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней, лицомъ къ хвосту, въ одеждѣ вывороченной, въ шляпахъ берестовыхъ, острыхъ, какія изображаются на бѣсахъ, съ мочальными кистями, съ вѣнцемъ соломеннымъ съ надписью: *се естъ Сатанино воинство!* Такимъ образомъ возили сихъ несчастныхъ изъ улицы въ улицу: народъ плевалъ имъ въ глаза, восклицая: *се враги Христовы!* и въ заключеніе сжегъ у нихъ на головѣ шлемы. Въ Актахъ Историческихъ, въ I томѣ (подъ № 285) помѣщена грамота 1487 г. Февраля 15 Великаго Князя Іоанна Васильевича и Митрополита Геронтія Новгородскому Архіепископу Геннадію, о предаши этихъ жидовствующихъ еретиковъ суду. Въ грамотѣ Великаго Князя сказано, что онъ велѣлъ тѣхъ изъ нихъ, которые обличены въ преступленія, казнить (наказать) въ Москвѣ градскою казнію: да казнивъ, послать къ нему, Архіепископу, для того, чтобы ихъ наказалъ, и только ни покаются, то послать къ Великняжескимъ намѣстникамъ, и ни тамо велѣтъ казнити градскою же казнію; а необличенныхъ преступниковъ велѣлъ Великій Князь обличать, и которыхъ обличешь, по правилу Св. Апостолъ и Св. Отецъ будетъ достойны вашей казни церковной ино и то и самъ въдаешь; а будутъ достойны по правилу

градскіе казни, и ты тѣхъ пошли къ своимъ намѣстникамъ, и ни ихъ велѣтъ казнити градскою казнію по разсужденію.

Важный документъ разсматриваемаго нами рода преступленій издавъ подъ заглавіемъ: *Акты, относящіеся къ собору на Матѣя Башкина*⁽⁹⁷⁾, въ которомъ описанъ ходъ дѣла о ложныхъ мнѣніяхъ дьяка Ивана Михайлова Висковатаго, который въ нихъ покался и подвергся наказанію эпитимей на три года: »Едино ти лѣто плакаться подобаетъ, виѣ дверей стоя церковныхъ и входящимъ вѣрно молясь, молитву творити за ся, исповѣдая своя согрѣшенія; потомъ же второе лѣто, послушаючи божественныхъ писаній, приять будещи въ церковь; и третье лѣто да стоиши съ вѣрными въ церкви, общенія жъ не приемиши; скончавшимъ же си тремъ лѣтомъ святыхъ таинъ причастникъ будещи, потому что еси по три годы отъ своего мнѣнія не испытавъ божественнаго писанія, о тѣхъ Святыхъ честныхъ иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопилъ и взмуцалъ народъ православныхъ христіанъ, въ соблазнъ и въ поношеніе многимъ«.

Мы уже видѣли, что Уложеніе называетъ преступниковъ противу вѣры: *Богохульниками, церковными лжежениками и безчинниками*. Богохуленіе строго запрещается. »Будетъ кто иновѣрцы, какія ни буди вѣры или и Русской челоуѣкъ, возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодѣву Марію, или на честный крестъ, или на Святыхъ его угодниковъ: и того Богохульника, обличивъ, сжечь«⁽⁹⁸⁾. На поляхъ подлиннаго списка Уложенія, хранившагося въ Москвѣ, въ оружейной палатѣ⁽⁹⁹⁾, отмѣчено, что источникомъ этой статьи былъ Мойсеевъ законъ; по всему видно, что основаніемъ этой статьи было правило, изложенное въ кормчей книгѣ, Част. II, на лис. 25. Отвлекавшій Русскаго челоуѣка какими либудь мѣрами, насильствомъ или обманомъ, къ бусурманской вѣрѣ, и обрѣзавшій его, подвергался тому же наказанію, т. е. сожженію. Отступившій же отъ православія отсылался къ патриарху или другой власти, для учиненія ему указа по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ⁽¹⁰⁰⁾. Вѣрно повodomъ къ этой статьѣ были частые отступленія отъ православія въ Казни, новокрещенцовъ, которые оставался жить съ Татарами, не только что не исполняли обязанностей христіанскихъ, но даже не крестили новорожденныхъ; для отклоненія сего, новокрещенныхъ велѣно отнять отъ Татаръ. Впрочемъ, не только новокрещенные и Русскіе жили у Татаръ, у Черемисы, у Чувашъ, но и пьютъ съ ними и пѣдѣтъ съ одного, и вступали въ бракъ у нихъ; а нѣкоторые Русскіе сверстные и не-

доросли жили у Нѣмецъ по слободамъ и деревнямъ добровольно и въ деньгахъ, отпадали отъ православія и превратились у Татаръ въ Татарскую вѣру, а у Нѣмецъ въ Римскую и Люторскую вѣру, для предупрежденія этихъ отступленій, запрещено было Русскимъ жить и служить у Татаръ и Нѣмцевъ⁽⁷¹⁾. Безчинникъ, который, пришедъ въ церковь, во время литургіи, и какимъ ни буди *объмаемъ* Божественныя литургіи *совершити* не дастъ, подвергался смертною казни⁽⁷²⁾. Вошедшій въ церковь во время литургіи или другаго церковнаго пѣнія, и начавшій говорить непристойныя рѣчи духовнымъ особамъ, и тѣмъ учинившій Божественному пѣнію *мѣтежъ*, подвергался торговой казни⁽⁷³⁾. Въ Уложеніи также запрещалось въ церквахъ убивать⁽⁷⁴⁾, дѣлать раны⁽⁷⁵⁾, наносить удары⁽⁷⁶⁾ и безчестіе словами⁽⁷⁷⁾, бить чѣломъ по какому либо дѣламъ Царю, Патриарху, Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ, чтобы отъ того «въ церкви Божіей Церковному пѣнію смятенія не было, » понеже церковь Божія устроена приходити на молитву. И православнымъ » Христіанамъ подобаетъ въ церкви Божіей стояти и молитися со страхомъ » а не земная мыслити«⁽⁷⁸⁾. Къ сожалѣнію есть доказательства, что определеніе наказаній за нарушеніе благочинія въ церквахъ произошли отъ замѣченныхъ безпорядковъ. Въ церквахъ чинился мѣтежъ и соблазнъ и нарушеніе святыхъ вѣры, мірскіе люди, приходившіе въ церковь, стояли въ церкви съ безстрашіемъ и небреженіемъ, и во время святаго пѣнія творили бесѣды *неподобныя съ смѣхотвореніемъ*, дѣти мірскихъ людей входили во время службы въ алтари, пищіе ходили во время служенія по церкви, съ *безстрашіемъ* челоуѣкъ по десяти и больше, и *отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мѣтежъ*, и въ церквахъ *овогда* бранятся, *овогда* и дерутся, другіе клали пелены на блюдахъ и свѣчи будтобы на постройку церквей, другіе притворялись малоумными, другіе ходили въ одеждахъ пустынниковъ, въ веригахъ съ растрепанными волосами, другіе наконецъ ползали по церкви, пискъ творили и великій соблазнъ полагали въ простыхъ челоуѣкахъ⁽⁷⁹⁾.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ.

Почти до начала XVII столѣтія понятія о преступленіяхъ государственныхъ, преимущественно выражавшіяся въ измѣнѣ, носятъ въ себѣ отпеча-

токъ прежняго государственнаго управленія въ Россіи, т. е. усилія удѣльныхъ князей дѣйствовать отдѣльно и независимо отъ Великихъ князей, и постоянного стремленія Великихъ князей, со времени Іоанна Калиты, къ одержанію первенства и власти надъ князьями удѣльными; а наконецъ, къ образованію единой державы въ Россіи, слитіемъ владѣній князей съ державою Велико-Княжескою. Со временъ Іоанна III, Московское самодержавіе начало возвышаться надъ удѣльными Князьями, которые были принуждены медиатизироваться въ Москвѣ, что продолжалось до временъ между-царствія. Въ періодъ удѣловъ, бояре, бывшіе членами дружины княжеской, служившіе Князю по дружбѣ и товариществу⁽⁸⁰⁾, могли по желанію вступать въ службу того или другаго удѣльнаго Князя и свободно переходить отъ одного къ другому. Князья поддерживали это право бояръ, которое помогало умноженію ихъ дружины: *а Болроумъ межѣ насъ вольнымъ воля*, выраженіе, которое неизмѣнно встрѣчается въ грамотахъ между великими и удѣльными Князьями. Поэтому отношеніе служилаго боярина къ Государю походило болѣе на договоръ, въ обезпеченіе котораго употреблялась поручная записка; а самая измѣна была не болѣе, какъ нарушеніе вѣрности, данной князю тѣмъ или другимъ бояриномъ, касательно службы. Даже съ утвержденіемъ единой державы, когда понятіе о свободныхъ переходахъ должно было измѣниться, бояре не могли долго привыкнуть къ новой для нихъ подчиненности; своевольно переходили не только въ Литву, но и въ Польшу, и изъ этихъ державъ обратно возвращались въ Россію. Сила обычая была такъ могущественна, что даже Іоаннъ IV, который, по доносу Волынскаго, казнилъ смертію въ одинъ день 120 челоуѣкъ, подозрѣваемыхъ въ томъ, что хотѣли передать Новгородъ Литвѣ, покорялся ему. Онъ прощалъ возвращавшихся и обязывалъ ихъ вѣрностью, посредствомъ такъ называемыхъ клятвенныхъ записей. Въ этихъ записяхъ обыкновенно виновный сознавался, «что онъ *во многихъ винахъ* » *проступилъ* противу Государя своего Царя и Великаго Князя, или что Богу, » святымъ Божіимъ Церквамъ и всему Православному Христіанству вѣры своей » не соблюлъ, Государю, его землямъ и всему Православному Христіанству » измѣнилъ; и что виновный за свою вину билъ челоуѣкъ Государю такими то » лицами« (слѣдуетъ перечисленіе лицъ, принявшихъ передъ Царемъ ходатайство за виновнаго: эти лица обыкновенно были духовныя власти) » и Государь, » для прощенія и челоубитья такихъ то лицъ, меня такого то своего холопа » пожаловалъ, вѣны мнѣ отдалъ.« Послѣ, виновный обязывается Царю и его дѣтямъ служить и ихъ землямъ, *примити во всемъ въ правду, безъ всякой*

хитрости, по крестному цѣлованію, » не отвѣхати отъ Государя и отъ Государева роду къ иному Государю «; обыкновенно слѣдуетъ исчисленіе Государствъ, въ которыя вповнѣ не отвѣхати. Такъ князь Федоровичъ Мстиславскій далъ обѣщаніе, что не отвѣхати, ни къ Турскому Государю, ни къ Цесарю, ни къ Литовскому, къ Стефану Королю и къ инымъ королямъ Литовскимъ, ни къ Испанскому, ни ко Франковскому, ни къ Чешскому, ни къ Датцкому, ни къ Угорскому, ни къ Саксонскому королямъ, ни въ Ангилью, ни въ иные ни въ которые Нѣмцы, ни въ Ирмъ ни въ Наган. Сверхъ того, виновный давалъ обѣщаніе *лиха* и измѣны *ни учинити*, быть въ службѣ, гдѣ Царь прикажетъ, въ Москвѣ ли, въ другихъ ли городахъ или въ походѣ, никакого города не сдавать и никакой измѣны не дѣлать; къ лиходѣямъ Государя не приставать и съ лиходѣями на него и на его дѣтей *лихо* ни какъ ни думать, ни мыслить, *ни дѣлати ни какими дѣлы*, ни какою хитростью до своего живота. » А кто мнѣ учнетъ говорить » какія рѣчи на Государя моего лихо Великаго Князя, и о его Великой Княгинѣ, и о ихъ дѣтѣхъ, и о ихъ земляхъ, Государя ли нашего земель, чело- » вѣкъ какой ни буди, мой ли господинъ, или мой братъ, или родной мой » братъ или моего племени, кто ни буди, или иной кто ни буди, Государя » нашего земель чело- » вѣкъ, или иные земли чело- » вѣкъ, Литвинъ ли, или Тата- » ринъ, или Немчинъ, или Фрляинъ, или иной кто ни буди, учнетъ мнѣ го- » ворити какіе рѣчи ни буди на Государя моего лихо Великаго Князя, и о » его Великой Княгинѣ и о ихъ дѣтѣхъ; и о зелье о лихомъ кто стапетъ гово- » рити, чтобы дати Государю моему Великому князю, или его Великой кня- » гинѣ или ихъ дѣтемъ какое зелье дати, или иное что лихо учинити; и мнѣ » къ Государя своего лиходѣемъ ни какъ не приставати, и съ ними о томъ » ни говорити и не думати, и не дѣлати мнѣ того самому, и имъ того не » думати, ни дѣлати ни которыми дѣлы, ни которою хитростью, и тѣхъ мнѣ » на лихо рѣчей у нихъ ни какъ не слушати; а которые рѣчи кто ни буди » учнетъ мнѣ говорити, и мнѣ тѣхъ его рѣчей никакъ не угаити, а сказати » мнѣ тѣ рѣчи въ правду, безъ всякой хитрости; котораго лиходѣя извѣдаю, » или услышу, думаячи о зелье и о иномъ какомъ лихе ни буди: и мнѣ того » чело- » вѣка ни какъ не угаити, сказати мнѣ то на него въ правду безъ всякіе » хитрости. « Въ исполненіи обѣщанія виновный клялся, чтобы за всякое нарушение клятвенной записи не имѣть ему милости Божіей и Пречистой Богородицы и Вселенскихъ семи соборовъ и великихъ чудотворцевъ Московскихъ Петра, Алексѣя, и Юды и всѣхъ Святыхъ и не имѣть благословенія преосвя-

щеннаго Митрополита, Архіепископовъ, Епископовъ и Архимаандритовъ и Игуменовъ и всего священнаго собора Русской Митрополи и быть ему прокляту въ семь вѣкъ и въ будущемъ⁽⁸¹⁾. Для большей вѣрности, виновные цѣловали крестъ и иногда представляли за себя порукъ, которые отвѣчали за ихъ вѣрность денежной суммой, иногда весьма значительной; такъ по князь Охлябининъ поручители обязались платить двѣ тысячи рублей⁽⁸²⁾, по бояринъ Охинъ Пльщевъ четыре тысячи⁽⁸³⁾, по бояринъ Салтыковъ пять тысячъ рублей⁽⁸⁴⁾, по князьяхъ Пронскомъ и Бѣльскомъ и по бояринъ Шереметьевъ десять тысячъ⁽⁸⁵⁾, по князьяхъ Воротынскихъ по пятнадцать тысячъ⁽⁸⁶⁾, по князь Мстиславскомъ двадцать тысячъ рублей⁽⁸⁷⁾. Для большаго обезпеченія денежной пени, всегда требовалась другая поручная записъ по поручителяхъ, въ случаѣ ихъ несостоятельности; въ этой поручной записи пеня раздроблялась на каждаго поручителя по частямъ.

При возшествіи на престолъ Василія Іоанповича Шуйскаго, люди всякаго званія, при приведеніи ихъ къ присягѣ на вѣрность ему, клялись *ему хотѣть добра* во всемъ вправду, служить вѣрою и правдою безъ всякой хитрости, другаго Государя не хотѣть, гдѣ онъ велитъ быть на службахъ, тамъ и быть, ситися съ недругомъ его вправду безъ всякой хитрости и товарищей своихъ Государевыхъ людей на бою не выдавать, *лиха* никакого педумать и не мыслить, и *рѣчей неподобныхъ никакихъ не говорити*, *лихова* зелья и кореня никакого у себя не держать и никого не портить, не таить, что увидитъ и услышитъ какое лихо или какія неподобныя рѣчи, объ этомъ сказывать боярамъ и воеводамъ и приказнымъ людямъ; ложно ни на кого пикакого дѣла не затѣвать ни на кого не сказывать. Скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходиться, до смерти никого не убивать, съ Государевой службы не съзжати, не измѣнять, въ другія Государства не отвѣзжати, и служить безъ всякой хитрости до своей смерти. Въ случаѣ неисполненія присяги, присягавшій клялся, чтобы ему не было милости Божіей, Пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ, и чтобы не было благословенія всего вселенскаго освященнаго собора. Татары и Остяки, вмѣстѣ крестнаго цѣлованія, давали шерть по своей вѣрѣ и прочитавъ клятвенную записъ, говорили слѣдующія слова: » Даю шерть » Государю своему Царю и Великому Князю на томъ, на всемъ, какъ въ сей » записи писано, по тому мнѣ служить и прямити и до своего живота, на » своей вѣрѣ, по шерти; а не учну лъзъ какъ Государю своему Царю и Вели- » кому князю Василью Ивановичу всей Русь служить, какъ въ сей записи писа-

»и по и буди на мнѣ Божій огненный мечъ, і побей меня Государева хлѣбъ и соль і ссеки мою голову та вострай сабля«⁽⁸⁹⁾.

Подкрестная запись на верность службы Борису Федоровичу Годунову, хотя по времени старшая клятвенного обещания, даннаго Шуйскому, по раздо его полнѣе; въ содержаніи ея встрѣчаются предметы, о которыхъ въ прежнихъ записяхъ нигдѣ не упоминается. Въ ней повторяется все то, что обыкновенно заключалось въ другихъ записяхъ, и что считалось прежде государственнымъ преступленіемъ, т. е. служить Царю въ правду, безъ хитрости, быть на его службахъ, никуда не отъѣзжать, не думать и не мыслить *лиха* на Государя, пѣвчать о всѣхъ помышляющихъ о томъ, и тому под., какъ мы выше видѣли. Но сверхъ того являютя новые предметы, показывающіе, что понятіе о государственныхъ преступленіяхъ расширилось, и что въ это время начали понимать въ Россіи, что могутъ быть другія преступленія государственныя, кромѣ измѣны; въ этой записи клятвенно еще приводимые къ присягѣ, не приходять скопомъ и заговоромъ на Царей и Бояръ и ближнихъ людей. Въ случаѣ присылки Царемъ кого либо обыскивать про *Государевы* или про *земскія дѣла*, про разбой, про татьбу, и про убивство, и про пожоги, и про истцовы иски, или про какія нибудь другія дѣла, то присягнувшему сказывать противъ дѣла въ правду, другу не дружить, и не *затѣять ни на кого ни которыми дѣлами*, по дружбѣ татей и разбойниковъ и душегубцевъ и всякихъ лихихъ людей не укрывать и добрыми людьми не называть, а на добрыхъ людей по недружбѣ, разбою и татьбы въ обыскахъ не *взводить*, разбойныхъ и тативыхъ дѣлъ, по дружбѣ, въ грабежныя дѣла не сказывать, а грабежевъ по недружбѣ въ разбойныя дѣла не сказывать; посуловъ и поминковъ ни отъ кого не брать. Наконецъ, присягнувшій давалъ обещаніе сказывать Государю, Его Боярамъ и ближнимъ людямъ на тѣхъ, кто *учнетъ* въ обыскахъ лгать и татей, разбойниковъ и душегубцевъ укрывать⁽⁸⁹⁾.

Мы уже прежде замѣтили, что преступленія, противу особы Государя и членовъ Царскаго дома, Уложеніемъ названы: *о Государской чести и какъ Его Государское здоровье оберегать*. Тотъ, кто какимъ умышленіемъ начиналъ мыслить на Государское здоровье злое дѣло, тотъ подвергался смертной казни⁽⁹⁰⁾. Тому же наказанію подвергались тѣ, которые, намѣреваясь завладѣть государствомъ и престоломъ, начинали рать собирать, или съ государственными недругами дружили, и *свѣтлыми грамотами* ссылались, чтобы имъ дать помощь для завладѣнія Московскимъ государствомъ⁽⁹¹⁾ и измѣнники,

сдавшіе городъ измѣною, или принявшіе для измѣны изъ другихъ государствъ зарубежныхъ людей⁽⁹²⁾. Тотъ, кто умышленіемъ и измѣною городъ зажжетъ или дворы, тотъ безъ всякаго милосердія подвергался сожженію⁽⁹³⁾. Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ помѣстья, вотчины иivotы (движимое имущество) измѣнника поступали на Государя, т. е. конфисковались⁽⁹⁴⁾. Жена и дѣти измѣнника, если не знали объ измѣнѣ, не подвергались наказанію; имъ отдѣлялось изъ имѣнія измѣнника *на прожитокъ* то, что Государь пожалуетъ⁽⁹⁵⁾; если же знали, *вѣдали*, то они подвергались смертной казни⁽⁹⁶⁾. Дѣти, жившіе въ раздѣлъ съ отцемъ своимъ измѣнникомъ, и не знавшіе объ измѣнѣ, сохраняли свое имущество, если оно было у нихъ особое⁽⁹⁷⁾. То-же правило распространялось на родителей, на братьевъ родныхъ и неродныхъ, на дядей и на другихъ лицъ того же *роду*, хотя бы имѣніе у нихъ было общее; но если они знали объ измѣнѣ, то также подвергались смертной казни⁽⁹⁸⁾. Конфискація имущества была необходимымъ наказаніемъ измѣны, и даже, если царь *пожаловалъ* измѣнника, и *велитъ ему вину отдати*, то прежнія помѣстья не могли быть ему возвращены, а въ вотчинахъ его *Государь воленъ*⁽⁹⁹⁾. Статья 15-я I-й главы служить намъ доказательствомъ, что измѣнникъ лишился общаго покровительства законовъ: каждый могъ, догнавъ его на дорогѣ, убить, или, поймавъ, могъ привести къ Царю, и тому, кто его приведетъ или убьетъ, давалось Государево жалованье, что Государь укажетъ.

Запрещалось приходить на Царя и на властей, имъ установленныхъ, *самовольствомъ, скопомъ и заговоромъ*, и никого не грабить и не побивать, а тѣхъ, которые это дѣлали, вѣрно было казнить смертію безъ всякой пощады⁽¹⁰⁰⁾.

Сравнивая Уложеніе съ постановленіями прежними, видно, что названія государственныхъ преступленій, остались почти тѣ-же; но самое понятіе о нихъ измѣнилось. Взглядъ, приличествующій временамъ близкимъ къ удѣльному періоду, долженъ былъ измѣниться тогда, когда единоедержавіе сильно укрѣпилось и ввело правильное управленіе государствомъ. Впрочемъ, въ этомъ измѣненіи, истекающемъ изъ новаго образованія устройства государственнаго, нельзя не замѣтить, что Статутъ Литовскій служилъ образцемъ. Не говоря о томъ, что, по Литовскому Статуту, совершившій и сдѣлавшій покушеніе на здравіе Государя, заговорщикъ и буитовщикъ подвергались смертной казни⁽¹⁰¹⁾, потому что каждое законодательство, безъ всякаго подражанія одно другому, необходимо должно опредѣлить этотъ родъ наказанія, за столь огромное преступленіе, разрушающее существованіе государства; мы встрѣчаемъ, что въ

Литовскомъ Статутѣ есть сходство съ прочими статьями Уложенія: такимъ образомъ смертной казни подвергался во-первыхъ тотъ, кто хотѣлъ овладѣть государствомъ и престоломъ, и для того собиралъ рать ⁽¹⁰²⁾; также тотъ, кто имѣлъ сношеніе съ непріятелемъ и съ нимъ переписывался совѣтными грамотами, или давалъ ему какую нибудь помощь; во-вторыхъ, кто сдавалъ городъ измѣннически непріятелю, или приводилъ непріятельскихъ людей въ государство. Измѣнникъ лишался своего имущества, которое обращалось въ пользу Государя ⁽¹⁰³⁾ и никогда ему не возвращалось ⁽¹⁰⁴⁾. Сыновья, въдавніе о преступленіи отца, тоже подвергались смертной казни; дѣти и жена преступника, если не въдали о преступленіи отца, не наказывались, однако лишались отцовскаго имущества ⁽¹⁰⁵⁾. Если же дѣти жили въ раздѣлѣ съ отцемъ, и имущество у нихъ было отдѣлено отъ отцовскаго, то оно у нихъ не отнималось ⁽¹⁰⁶⁾. Кто измѣнника на дорогѣ убьетъ или поймавши приведетъ предъ Государя, тотъ не только не подвергался никакому взысканію, но признавался достойнымъ милости Государя ⁽¹⁰⁷⁾.

Правило, изложенное въ 4-й статьѣ II-й главы Уложенія, о зажигателяхъ городовъ и домовъ умышленіемъ и измѣною, заимствовано изъ церковныхъ законовъ ⁽¹⁰⁸⁾.

Къ оскорбленію Величества Уложеніе относитъ всѣ дѣйствія самоуправства, нарушающія права частныхъ лицъ, сдѣланныя или въ присутствіи Царя или въ Царскомъ дворцѣ. Уложеніе, сверхъ частнаго удовлетворенія, которое полагалось на виновнаго въ пользу обиженнаго, по общей системѣ взысканій, принятыхъ въ частной обидѣ, полагаетъ еще другое взысканіе за *неопасеніе* чести Государя и за честь Государева дворца. Преступленія сего рода изложены въ III-й главѣ Уложенія, которая носитъ названіе: *о Государевомъ дворцѣ чтобы на Государевомъ дворцѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было*. До Уложенія нигдѣ объ этомъ родѣ преступленій не упоминается; внесеніе его въ законодательную книгу, надобно приписать влиянію Литовскаго Статута. Не можетъ быть, чтобъ случаи, исчисленные въ III-й книгѣ Уложенія, не встрѣчались до его изданія, особенно при безпрестанныхъ спорахъ о *мѣстѣ* лицъ, окружавшихъ Царя и составлявшихъ его дворъ; навѣрное, опредѣленіе наказанія, при молчаніи положительныхъ законовъ, затрудняло власти, которымъ поручался разборъ этихъ дѣлъ, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что составители Уложенія усвоили въ законодательствѣ соплеменнаго народа случаи, которые бывали часто на практикѣ. Лучшимъ тому доказательствомъ есть то, что изъ 9-ти статей, изъ которыхъ состоитъ третья глава, первая семь чисто заим-

ствованы изъ 9-го и 10-го артикуловъ 1-го раздѣла Литовскаго Статута; въ двухъ же послѣднихъ излагаются случаи, которыхъ въ немъ нѣтъ, но навѣрное они нашли мѣсто въ Уложеніи потому, что уже встрѣчались на практикѣ. Впрочемъ, хотя случаи взяты изъ Литовскаго Статута, но наказанія за нѣкоторыя преступленія измѣнены, не только въ степени, но и въ родѣ, соображаясь съ общою системою наказаній, принятою въ Уложеніи.

Если кто обезчеститъ кого словомъ при Царскомъ Величествѣ, въ Его Государевомъ дворцѣ и въ Его Государевыхъ палатахъ, то за честь Государева дворца, обидчика вѣчно посадить въ тюрьму на двѣ недѣли, а кого онъ обезчеститъ, и тому *указати* на немъ безчестіе ⁽¹⁰⁹⁾. Въ Статутѣ за такое же преступленіе, кромѣ безчестія, которое доправлялось съ обидчика въ пользу обиженнаго на общемъ основаніи закона: виновный за Государеву вину подвергался тюремному заключенію въ продолженіе шести недѣль ⁽¹¹⁰⁾. Тотъ, кто въ Государевомъ дворцѣ другаго *задереть*, и съ дерзости ударитъ рукою, тотъ на мѣстѣ подвергался задержанію *тутъ же изымати* и, не отпуская его, дѣлался сыскъ про таковой бой, и за честь Государева дворца виновный сажался на мѣсяць въ тюрьму, а обиженный доправлялъ на немъ безчестіе.

А если обидчикъ ударялъ до крови, то за честь Государева дворца сажался въ тюрьму на шесть недѣль, а обиженный доправлялъ безчестіе вдвое ⁽¹¹¹⁾. По Литовскому Статуту, виновный за такой поступокъ также задерживался на мѣстѣ и, не отпуская его, производилось слѣдствіе, и за Государеву вину онъ наказывался трехъ-мѣсячнымъ содержаніемъ въ тюрьмѣ, и долженъ былъ заплатить безчестіе обиженному *sowito*; если же ударилъ до крови, то подвергался полугодовому содержанію въ тюрьмѣ ⁽¹¹²⁾. Далѣе по Уложенію, если кто выметъ при Государѣ на кого саблю, или иное какое оружіе, и тѣмъ оружіемъ кого ранитъ, и отъ этой раны тотъ, кого онъ ранитъ, умретъ, то убійца подвергается смертной казни; если бы раненый не умеръ, то виновный *убійца* тоже наказывался смертною казнью, а изъ животомъ его брались кабальные долги убитаго ⁽¹¹³⁾; за такое же преступленіе виновный по Литовскому Статуту подвергался тоже смертной казни и долженъ былъ платить *головщину* или *навзку* ⁽¹¹⁴⁾. Уложеніе наказываетъ отсѣченіемъ руки того, кто при Государѣ выметъ на кого, какое бы то ни было оружіе, хотя бы и не ранилъ, и не убилъ ⁽¹¹⁵⁾. Совершенно въ такомъ же случаѣ, Статутъ Литовскій полагаетъ тоже самое наказаніе ⁽¹¹⁶⁾. По Уложенію, кто въ Государевомъ дворцѣ, однако не въ присутствіи Государя, выметъ на кого оружіе, но не ранитъ, тотъ сажался на три мѣсяца въ тюрьму. А если ранитъ, то

раненый доправлялъ безчестіе и утѣше противу оклада вдвое, а виновный отдавался на поруки въ томъ, что ему безъ указа изъ того города, гдѣ онъ кого ранитъ, не съѣзжать до тѣхъ поръ, пока раненый не обмозжется или не умретъ. А если раненый не обмозжется, то тому, кто его ранитъ, отскалась рука; если же раненый отъ раны умретъ, то виновный подвергался смертной казни⁽¹¹⁷⁾. По Литовскому статуту, вышедшій оружіе на другаго въ замкъ, въ дворецъ или на Государевомъ дворѣ, хотя бы и не ранилъ, подвергался тюремному заключенію тоже на три мѣсяца, безъ всякаго снисхожденія. А если ранитъ, то лишался руки, а изъ имущества его недвижимаго или движимаго, раненый получалъ *совитую* навязку. Если же рана была опасная, такъ что могло быть сомнѣніе на счетъ выздоровленія раненаго, то виновный клялся не отлучаться, пока раненый или не умретъ отъ этихъ ранъ, или не оправится; если раненый умретъ, то преступникъ подвергался смертной казни, а изъ имущества его платилась *совитая* голова на⁽¹¹⁸⁾. Въ шестой статьѣ разсматриваемой нами главы Уложенія, запрещено во дворецъ Царскаго Величества въ Москвѣ, или гдѣ изволитъ Царское Величество въ объездъ быть, стрѣлять изъ пищалей и изъ луковъ или изъ другаго какого либо оружія безъ Государева указа, и съ такимъ оружіемъ въ Государевомъ дворѣ не ходить; если же кто въ Государевомъ дворѣ въ Москвѣ или въ объездъ кого ранилъ или кого убилъ до смерти, то того тоже вельно казнить смертію⁽¹¹⁹⁾. Въ Статутѣ Литовскомъ существуетъ тоже запрещеніе и полагается одинаковое наказаніе, какъ и въ Уложеніи⁽¹²⁰⁾. Далѣе въ законѣ Царя Алексѣя Михайловича сказано, что если кто начнетъ ходить въ Государевомъ дворѣ въ Москвѣ въ объездъ съ пищалями и съ луками, хотя не для стрѣльбы, и изъ этого оружія никого не ранилъ и не убьетъ, то и за эту вину полагается наказаніе: виновнаго вельно бить батогами и вкинуть въ тюрьму на недѣлю⁽¹²¹⁾. По Литовскому Статуту тотъ, кто вопреки запрещенію дерзалъ ходить съ пищалями и лукомъ по городу или по двору Государеву, хотя бы не стрѣлялъ и никого не убилъ и не ранилъ, лишался оружія и подвергался платежу двѣнадцати копѣ грошей; если же виновный не былъ въ состояніи заплатить денежнаго взысканія, то подвергался тюремному заключенію въ продолженіи двѣнадцати недѣль⁽¹²²⁾. Наконецъ по Уложенію того, кто во дворецъ Царскаго Величества что-нибудь украдетъ, въ первый разъ вельно бить кнутомъ; а если же того татя съ краденымъ въ Государевомъ дворѣ поймутъ во второй разъ, то вельно бить кнутомъ, да вкинуть на полгода въ тюрьму. Если же этотъ татя будетъ пойманъ съ кра-

деннымъ въ Государевомъ дворѣ въ третій разъ, то ему отскалась рука, чтобы на то смотря, инымъ неподавно было воровать, въ Государевомъ дворѣ красть⁽¹²³⁾.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНІЯ.

Сопротивленіе распоряженіямъ правительства и неповиновеніе властямъ наказывалось слѣдующимъ образомъ:

Люди, которые оговоренныхъ людей выбивали у посланныхъ за ними, наказывались кнутомъ, и съ нихъ бралось на Государя по пятидесяти рублей⁽¹²⁴⁾. Человѣкъ, который пристава съ понатыми не давалъ вынуть поличнаго, или отнималъ вынудое поличное, подвергался пыткамъ и надъ нимъ чинился указъ *до чего доведется*⁽¹²⁵⁾ — правило, заимствованное изъ Уставной книги разбойнаго приказа, статьи 23. Люди, которые въ городахъ учнутъ дѣлаться сильными, и на поруки не учнутъ даваться въ томъ, что станутъ на судъ и воеводы будутъ писать о томъ Государю, то по тѣмъ воеводскимъ отпискамъ посылались Государевы грамоты, съ повелѣніемъ, по тѣхъ *слушниковъ* посылатъ стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, и по повмкъ, когда они были представлены въ Москву въ приказъ, вельно наказывать батогами, кромъ удовлетворенія истца за убытки⁽¹²⁶⁾. Отвѣтчикъ, отбившійся отъ пристава, посланнаго отъ суда, сверхъ удовлетворенія истца за то, что онъ Государева Указу непослушалъ, поруки не далъ, и отбился у пристава, въ Москвѣ бѣгалъ, подвергался тюремному наказанію въ продолженіи недѣли⁽¹²⁷⁾; если же отвѣтчикъ не объявлялся, жемъ этимъ нанести проволочку истцу, то ему за ослушаніе чинилось наказаніе, *что Государь укажетъ*, а сверхъ того судъ на него давался и указъ чинился *до чего доведется*⁽¹²⁸⁾. Но если отвѣтчикъ отъ пристава ухоронится или учинится силенъ, то, когда сего ослушника изымавъ приведутъ въ Москву, то за его ослушаніе онъ подвергался наказанію батогами; а если же такой непослушникъ сдѣлаетъ это въ третій разъ, то такъ же, сверхъ взысканій судебныхъ по иску, вельно было бить его батогами, и вкинуть въ тюрьму на мѣсяць⁽¹²⁹⁾.

Взысканіе за оскорбленіе и явное неуваженіе къ присутственнымъ мѣстамъ и къ чиновникамъ при отправленіи должности, излагается въ 105,

106, и 142-й статьих десятой главы Уложения. Все сии статьи заимствованы изъ Литовскаго Статута; впрочемъ наказанія измѣнены въ нѣкоторыхъ случаяхъ, относительно степени и рода; сверхъ того Уложение не довольствовало тѣмъ, что нашло, но сдѣлало нѣкоторыя пополненія. Кто, пришедши въ приказъ къ суду или для другаго какого нибудь дѣла, обезчеститъ судью *непригожимъ* словомъ, того за *Государеву пеню* били кнутомъ, или батогами, смотря потому, какъ Государь укажетъ, а судья получалъ безчестіе⁽¹⁵¹⁾. По Литовскому Статуту за ту же вину, виновный наказывался шестидѣльнымъ тюремнымъ содержаніемъ за вину Государеву; обиженному же долженъ былъ заплатить *навязку* по состоянію его⁽¹⁵¹⁾. По Уложенію, тому, кто судью тѣмъ *зашибетъ*, или ранитъ, отсѣкалась рука, а судья за раны и за безчестіе получалъ *безчестіе* вдвое⁽¹⁵²⁾. По Литовскому Статуту за это преступленіе виновный подвергался смертной казни, а съ имущества его раненый получалъ *совитую навязку*⁽¹⁵³⁾. По Уложенію, кто убьетъ судью въ приказѣ или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, тотъ наказывался смертною казнію, а изъ его животовъ попоилились кабальные долги убитаго⁽¹⁵⁴⁾; по Статуту полагалась тоже смертная казнь и взыскивалась *совитая* головщина съ имѣніи преступника⁽¹⁵⁵⁾. Если же убійца, послѣ того какъ нанесетъ раны или убьетъ судью, убѣжитъ, то послѣ сыску подвергался смертной казни⁽¹⁵⁶⁾; тоже самое опредѣлено въ Литовскомъ Статутѣ⁽¹⁵⁷⁾. По Уложенію вельпо истцу и отвѣтчику, ставъ передъ судьями искать и отвѣчать *въжливо*, смирию и не шумно, и передъ судьями ни какихъ невѣжливыхъ словъ не говорить и между собою не браниться; если же истецъ и отвѣтчикъ въ судѣ побранятся, и кто кого изъ нихъ обезчеститъ *непригожимъ* словомъ, то того, за судейское безчестіе, вельпо посадить въ тюрьму на недѣлю; а обиженному доправлялось безчестіе по указу. А если съ *дерзости* рукою *зашибетъ*, а не ранитъ: то долженъ былъ платить обиженному безчестіе вдвое. По Литовскому Статуту, за обиду словомъ, виновный сажался на шесть недѣль въ тюрьму; за обиду дѣйствіемъ, сверхъ того, долженъ былъ заплатить обиженному вмѣсто навязки двѣнадцать рублей грошей. Кто замахнется передъ судьями на кого нибудь какимъ либо оружіемъ или пожемъ, а не ранитъ, того, по Уложенію, били батогами, а если ранитъ то били кнутомъ; по Литовскому Статуту, замахнувшемуся, но не ранившему отсѣкалась рука, за рану наказывался *ни чьмъ инымъ*, какъ сказано въ самомъ законѣ, какъ смертною казнію. Впрочемъ, Уложение постановляетъ тоже смертную казнь безъ всякой пощады, если раненый умретъ отъ раны или если на мѣстѣ будетъ убитъ; а изъ животовъ и вотчинъ убійцы

доправлялись кабальные долги убитаго; по Литовскому Статуту убійца лишался чести и жизни, и головщина взыскивалась *совито* съ имущества преступника въ пользу дѣтей и ближнихъ. Убійца, бѣжавшій изъ Суда, который учинится пленъ и не дастъ себя поймать, послѣ поимки наказывался по Уложенію смертною казнію⁽¹⁵⁸⁾. Наконецъ, Уложение наказываетъ тѣхъ, которые нанесли обиды лицамъ, посылаемымъ съ разными порученіями отъ Правительства: такъ, если приставъ будетъ посланъ съ наказною памятю, или если сынъ Боярскій съ Государевыми Грамотами, а тотъ къ кому они будутъ посланы, начнетъ бить или велитъ его бить своимъ людямъ или крестьянамъ или постороннимъ, или же наказныя и приставныя памяти или Государевы Грамоты отниметъ и изорветъ и тѣмъ своимъ поступкомъ обезчеститъ тѣхъ приказныхъ, отъ которыхъ приставъ былъ посланъ; то такого непослушника вельно было за Государеву Грамоту бить кнутомъ и посадить въ тюрьму на три мѣсяца, а недѣльщику доправлялось безчестіе и увѣчье противу оклада вдвое. Если же съ недѣльщикомъ были въ понятыхъ сторожніе люди, то и они получали безчестіе и убытки вдвое по сыску, противу того, что у кого будетъ взято. По Литовскому Статуту, за нанесеніе побоевъ *возному*, обязанность котораго была почти таже, что у насъ пристава и недѣльщика, виновный подвергался тюремному заключенію на двѣнадцать недѣль, а обиженнымъ платилъ *совитую* навязку и вознаграждалъ все убытки *совито*. А кто недѣльщика или помянутыхъ прибьетъ до смерти, тотъ подвергался смертной казни, а съ его помянутыхъ вотчинъ и животовъ взыскивались кабальные долги убитаго; по Литовскому Статуту, убійца тоже наказывался смертною казнію, а съ имѣніи его взыскивалась головщина *совитая*. Наконецъ, Уложение постановляетъ, что если побои нанесены были людьми или крестьянами безъ приказанія Господина, то они подвергались наказанію кнутомъ, и съ нихъ взыскивались убытки пристава и помянутыхъ вдвое⁽¹⁵⁹⁾.

О взломѣ тюремъ въ Уложеніи ничего не сказано, только если разбойники, подрывавъ тюрьмы, бѣжали безъ хитрости цѣловальниковъ и сторожей, то *выть* истца взыскивалась съ тѣхъ лицъ, кому надзоръ за тюрьмою былъ порученъ; а если они были несостоятельными, то *выть* взыскивалась съ людей, которые избрали цѣловальниковъ и сторожей, а съ губныхъ старостъ *выть* взыскивалась вдвое, потому что въ городахъ тюрьмами завѣдывали губные старосты, и губнымъ старостамъ имѣнялось въ обязанность осматривать *почасту* тюрьмы и тюремныхъ сидѣльцевъ, чтобы тюрьмы были крѣпки, а у сидѣльцевъ (арестантовъ) ничего не было, чѣмъ имъ изъ тюрьмы

вырѣзываются: «а въ городахъ воры уходятъ изъ тюремъ небреженіемъ и недосмотромъ губныхъ старостъ» (140). Основаніемъ для составленія этого правила служила 68-я статья Уставной книги Разбойнаго приказа, по которой впрочемъ выть взыскивалась съ выборныхъ людей тогда только, когда о томъ Государь указывалъ.

По всему видно, что Уложеніе при рассмотреніи подложныхъ составленій Государевыхъ грамотъ и приказныхъ писемъ, которымъ посвящается IV глава, состоящая изъ 4-хъ статей, имѣло въ виду Статутъ Литовскаго раздѣлъ 1-й, артикулъ 16-й; какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ исчисляются почти одинаковые виды преступленія и полагается почти одинаковое наказаніе: смертная казнь; и какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ одинаковое повѣщеніе преступленія лицамъ, которыя пользовались подложными актами по невѣдѣнію. Вотъ что говоритъ Уложеніе о составленіи подложныхъ грамотъ: если кто напишетъ грамоту отъ Государя самъ себя *воровски*, или въ подлинныхъ Государевыхъ грамотахъ, или въ другихъ какихъ нибудь приказныхъ письмахъ, что переправитъ своимъ вымысломъ мимо Государева Указу и боярскаго приговору, или подпишетъ подъ руку думныхъ и приказныхъ людей или подъячихъ, или сдѣлаетъ у себя такую печать, какова Государева печать; тотъ за эти вины подвергается смертной казни (141). Такому же наказанію подвергались и тѣ, которые воровствомъ отнимали Государевы печати отъ Государевыхъ грамотъ или отъ приказныхъ писемъ и прикладывали къ воровскимъ письмамъ, и тѣ, которые *нарѣкали* эти письма или же переправляли приказныя письма (142). Также смертной казни подвергались и тѣ, которые, хотя и не составляли актовъ, но, зная объ ихъ подложности, пользовались ими (143); если же незная держали у себя, то ихъ за то не вѣдно было казнить смертію (144). Отлучаться изъ Московскаго государства для торговли или для другихъ какихъ либо дѣлъ, по Уложенію, можно было иначе, какъ получивъ проѣзжую грамоту, которую въ Москвѣ давалъ Государь, а въ городахъ воеводы (145); кто ѣздилъ въ другія государства безъ проѣзжей грамоты для измѣны или для иного какого лихаго дѣла, того вѣдно было казнить смертію (146). Если же кто ѣздилъ въ другое государство безъ проѣзжей грамоты для торговаго промысла, а не для измѣны, тотъ подвергался наказанію плутомъ, чтобы на то смотря, инымъ неповадно такъ было дѣлать (147). Изъ этого общаго правила исключались владѣльцы, которыхъ вотчины и помѣстья лежали съ Литовскими Нѣмецкими порубежными землями; имъ позволялось ѣздить изъ города въ городъ чрезъ пору-

бежные земли безъ проѣзжихъ грамотъ и сѣзжаться съ Литовскими и Нѣмецкими людьми, и это имъ въ вину не ставилось потому, что они съ Литовскими и Нѣмецкими порубежными людьми живутъ смежно (148).

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ЛИЦЪ, СЛУЖАЩИХЪ ПО СЛУЖБѢ ГРАЖДАНСКОЙ.

1). *Общая обязанность служащихъ.*

Общаго наставленія для лицъ, состоящихъ въ службѣ Государевой, не встрѣчаемъ какъ въ древнемъ Русскомъ законодательствѣ, такъ и въ Уложеніи; впрочемъ въ крестоприводныхъ записяхъ Царямъ Борису Федоровичу Годунову, Василю Ивановичу Шуйскому, Михаилу Федоровичу и Алексѣю Михайловичу, видно, что каждый служащій присягалъ исполнять возложенную на него обязанность и клялся не дѣлать злоупотребленій, имѣвшихъ связь съ порученнымъ имъ дѣломъ. Бояре, Окольничіе и Думные люди клялись *самовольствомъ безъ Государева вѣдома, никакихъ дѣлъ не дѣлать и царской Души и Боярскаго приговора никому не переносить*; казначей и казенные дѣяки *обѣщались Государевою казною некорыстоваться и во всемъ оберегать*; Думные дѣяки — Государевыхъ тайныхъ дѣлъ ни Русскимъ, ни иноземцамъ не *сказывать*, а править *правду* по крестному цѣлованію; Стряпчіе — Государю *служить и лиха никакого Государю не мыслить*; Стольники — Государя ничѣмъ въ вѣствѣ не испортить, земля и коренья лихова ни въ чемъ не дать, самому не чинить, другимъ не вѣлеть; Постельничьи — въ Государево платье и постеляхъ, и въ изголовьяхъ, и въ подушкахъ, и въ одѣялахъ Государевыхъ *никакова дурна не учинить*, земля и лихова коренья не положить; ясельничіе и конюшіе — Государю *беречь* отъ всякаго лиха, никакого злаго умышленія и волшебства не учинить, ни въ гриву у аргамака, ни у коня, ни въ узды, ни въ сѣдла, ни въ сани коренья не вязать. Для подъячихъ была особенная припись въ крестныхъ грамотахъ только при Царь Федоръ Борисовичъ. Вѣроятно, они тогда возбудили противъ себя особое негодованіе Правительства, которое вооружилось противъ нихъ присягою. Они обѣщались: *за дѣлы челобитчиковъ неволочити, отдѣлывать ни вкорь, посуловъ и поминковъ ни у кого не приимати, но дружбѣ не поровнати, а по недружбѣ ни закого не затѣяти*. Въ XVI части древней Русской Веліюенки помѣщена статья подъ слѣдующимъ

заглавіемъ: »*Чинъ бываемый, егда кто креститъ Государю Царю служити всею правдою у его Государевыхъ дѣлъ.* Подлинникъ находится въ патриаршескомъ книгохранилищѣ. Неизвѣстно, сколько времени существовалъ такой обрядъ присяги, и не случалось ли какихъ отмѣнъ; вѣроятно только то, что обрядъ этотъ установленъ былъ въ позднѣйшія времена, т. е. прежде царствованія Алексѣя Михайловича. Причинами къ оправданію сего предположенія можетъ быть то, что присяги принимались при вступленіи въ службу, чего не видно въ прежнихъ записяхъ, и что присягали уже предъ Евангеліемъ, между тѣмъ какъ прежде клятва утверждалась единственно цѣлованіемъ креста. Обрядъ этой присяги былъ слѣдующій: священнослужитель (архіерей, архимандритъ, игуменъ или священникъ) приходилъ въ церковь съ присягающимъ и поставивъ его противъ Царскихъ дверей, предъ икономъ, облачался въ ризы. Діаконъ возлагалъ на палой напрестольное Евангеліе и ставилъ лампаду со свѣцею предъ лицомъ присягающаго, который клалъ предъ Евангеліемъ три земныхъ поклона, говоря: *Боже! Очисти мя грѣшнаго и помилуй мя, Создатель мой, помилуй мя! Безъ числа согрѣшихъ, Господи! Помилуй мя!* Послѣ того діаконъ начиналъ: *Благослови, Владыко!* а священникъ читалъ молитвы, псалмы, символъ вѣры, тропари, тропарь и кондакъ святаго настоящаго дня, и наконецъ читалась присяга по слѣдующей формѣ: »*Азъ (имя рекъ) объ-
» щуюсь предъ симъ святымъ страшнымъ Евангеліемъ, Государю, Царю и
» Великому Князю и проч., быти у Его Государева дѣла (у денежнаго или
» у какова сбору), сбирати мнѣ въ правду по Его Государеву Указу, другу
» не дружити, недругу не мстити, купити и продавати, какъ цѣна настоятъ,
» въ правду и въ томъ никакою хитростію самому мнѣ не користоватися и
» Государевыми деньгами мнѣ не торговати, и ни съ кѣмъ не ссужатися, и
» ни на какіе расходы, кромѣ Государевыхъ, не держати. По сему Боже-
» ственному и священному Евангелію, ей, ей, дѣлати въ правду!*» Священ-
нослужитель за симъ произносилъ поученія присягающему, обѣщая ему бла-
женство со всеми праведными, если будетъ вѣренъ своей присягѣ; когда же
измѣнитъ, то предавалъ его апавемъ и вѣчному мученію, заключая молитвою,
которую произносилъ, ставъ съ простертыми руками предъ Евангеліемъ:
*Услыши мя, Господи, грѣшнаго, моллшася къ тебѣ всѣмъ сердцемъ! Воздаждь
комуждо по дѣламъ его!* Тогда присягающій подтверждалъ свое обѣщаніе, го-
воря: *Обѣщаюсь предъ Святымъ симъ Евангеліемъ Державнѣйшему и благо-
честивѣйшему Царю и проч. во всемъ въ правду служить. Аще ли явлюсь
преступникъ своего обѣщанія, еже рече Архіерей злая ей, ей, да будутъ на мнѣ,*

якоже и на прежнихъ преступницѣхъ! Священнослужитель заключалъ обрядъ вторичнымъ увѣщаніемъ ⁽¹⁴⁰⁾.

Въ частности преступленія противу службы, встрѣчаемыя въ Уложе-
ніи, суть слѣдующія: лихоимство, неисполненіе должности, неисполненіе
указовъ, превышеніе власти, медленность въ отправленіи должности, подлоги
по службѣ и неправосудіе.

2). Лихоимство.

Лихоимство и мздоимство въ особенности должны обратить вниманіе,
какъ зло, долго существовавшее на практикѣ, не смотря на всѣ запрещенія.
Оно даже часто было терпимо правительствомъ, которое, по свидѣтельству
иностранныхъ современныхъ писателей, явно позволяло лихоимство въ нѣко-
торыхъ случаяхъ. Начало этого зла скрывается въ древней Исторіи нашего
отечества, и самая система управленія древней Руси много способствовала
сему злу; князья перемѣщались изъ одного города въ другой, изъ одной об-
ласти въ другую и тѣмъ отвлекались отъ дѣлъ внутреннихъ. Причиною этихъ
движеній было то, что князья смотрѣли на себя, какъ на членовъ одного
семейства и на области Русскія, какъ на нераздѣльную собственность этого
семейства; при чемъ старшіе владѣли областями лучшими. Общность, нераз-
дѣльность владѣнія одного рода всею землею, съ правомъ старшихъ на луч-
шіе удѣлы, условливали постоянное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной
области въ другую, изъ одного города въ другой. Если бы эти перемѣщенія
слѣдовали порядку старшинства, если бы они были подчинены одному, всеми
равно признаваемому закону, то это отстранило бы всякія враждебныя столк-
новенія между князьями, и постоянство ихъ взаимныхъ родовыхъ отношеній
дало бы имъ возможность сообщать постоянство и самому ихъ управленію.
Но нѣкоторыя линіи князей стремились исключить другія изъ права, и
этимъ вызывали со стороны послѣднихъ усилія поддержать свои притязанія,
отчего происходили междоусобія, часто производимыя претендантами съ раз-
нымъ счастіемъ, отчего одинъ и тотъ же удѣлъ переходилъ изъ рукъ въ
руки, а перемѣщенія постоянно возобновлялись. Съ перемѣною князя, боль-
шею частію измѣнялись лица, которыя пособляли ему въ управленіи. Всѣ бли-
жайшіе, составлявшіе дружину его, чаще слѣдовали за нимъ, чѣмъ оставались
въ прежнемъ его удѣлѣ. Впрочемъ, изъ Лѣтописи видно, что было два рода
дружинъ: одна была дружина городовая, другая собственно княжеская. Если
князья по какому бы то нибыло случаю оставляли городъ, то дружина ихъ

оставалась въ старомъ уѣздѣ и вступала въ службу новаго князя; но часто нѣкоторые изъ ея членовъ, или изъ особенной привязанности къ князю, или отъ нерасположенія къ его преемнику, оставали старый уѣздъ и слѣдовали за любимымъ княземъ въ повый. Такъ въ летописи сказано (въ Ипатьев. лѣт., стр. 27): »И тако побѣже Святославъ изъ Новгорода (Сѣверскаго) Корачеву; »дружина же его, они по немъ идоша, а друзи остаиша его«. Или, на стр. 54, слова Изяслава къ дружинѣ своей: »Вы есте по мнѣ изъ Рускыя земли » вышли, своихъ селъ и своихъ жизни лишився, а ятъ пакы своея дѣдины » и отчины не могу перерзѣти: по любо голову свою сложю, пакы ли отчину » свою палъзу и вашу всю жизнь». Нѣтъ сомнѣнія, что такая дружина пользовалась особенною привязанностию князя, предпочтительно предъ старою дружиною, найденною въ новомъ уѣздѣ; отсюда ропотъ послѣдней и негодование гражданъ; старая дружина, отстраненная новою и униженная ею, всеми силами старалась сбить пришлецовъ. Такъ по смерти Мстислава, Всеволодъ Ольговичъ привелъ въ Кіевъ своихъ Черниговскихъ дружинниковъ, которымъ роздалъ должности, предпочтительно предъ старою дружиною Кіевскою, и пришельцы сильно тѣснили гражданъ⁽¹⁵⁰⁾. На сѣверѣ Россіи является новое начало совершенно особенное отъ южнаго: здѣсь членъ княжескаго семейства, получивъ уѣздъ, смотрѣлъ на него какъ на собственность неотъемлемую; хотя бы даже онъ получилъ Великое Княжество, то онъ не переезжалъ въ столичный городъ, но оставался въ своемъ родовомъ, отчинномъ городѣ, въ своемъ наследственномъ уѣздѣ; по смерти своей онъ, хотя раздроблялъ свой уѣздъ между своими сыновьями, но каждый Князь оставался въ своемъ уѣздѣ и не перемѣнялъ его на другой: отъ того и не было перемѣщеній; между тѣмъ Князья Южные не умѣли понимать новаго порядка вещей, начавшагося на сѣверѣ, все еще смотрѣли на уѣзды какъ на способъ доставленія кормленія дѣтямъ своимъ⁽¹⁵¹⁾. Наконецъ, съ утвержденіемъ власти верховной не только въ одномъ родѣ но и въ одномъ лицѣ, всѣ притѣсненія низшихъ властей, протекавшія отъ передвиженія Князей, должны были кончиться: но тутъ Финансовая система была причиною существованія взятокъ. Служащіе почти не получали жалованья, которое давалось только безномѣстнымъ и преимущественно иностранцамъ. Для прочихъ кормленіе занимало мѣсто жалованья. Виды кормленія были: помѣстья, воеводства куда воеводы посылались для кормленія и, для лицъ служившихъ по судебной части, пошлины съ цѣны иска⁽¹⁵²⁾. Кромѣ перваго рода, остальные два, какъ по самому способу взысканія положеннаго, такъ и по требованію неположеннаго, должны были родить множество злоу-

потребленій. Весьма любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя Татищевымъ о кормленіяхъ; онъ говоритъ⁽¹⁵³⁾, что воеводства жаловались изъ милости для нажитка. Кто хотѣлъ получить Воеводство, писалъ: *прошу отпустить покормиться*. Сперва воеводства жаловались на три года и воеводы боялись грабить или дѣлать обиды. Но когда воеводства начали продаваться и давались безсрочно безъ вниманія къ достоинству лица, то вымогательства до того усилились, что по словамъ Татищева упоминать жалко и стыдно. Хотя Правительство должно было терпѣть такіе беспорядки, однако оно награждало тѣхъ, которые совѣстно исправляли свою должность; этому можетъ служить доказательствомъ случай тоже приводимый Татищевымъ: какой то дворянинъ просилъ Царя Алексѣя Михайловича о воеводствѣ, и объявилъ, что у него два сына годныхъ въ службу, а третій малолѣтенъ; Государь послалъ спросить въ разрядъ, есть ли городъ свободный, чтобы 500 или 600 руб. нажить. Изъ разряда донесли о Костромѣ, куда Царь его и пожаловалъ, сказавъ, чтобы онъ наживъ, деревню купилъ. Дворянинъ, возвратившись съ воеводства, благодарилъ Государя за милость, и донесъ, что нажилъ не болѣе 400 рублей. Государь послалъ тайно спросить дворянъ Костромскихъ о маломъ нажиткѣ воеводы, и узнавъ, что онъ бралъ только то, что ему приносили, а никого не грабилъ, велѣлъ его отпустить на другой лучшей городъ. Впрочемъ, не все воеводы были столь совѣстны какъ тотъ, о которомъ говоритъ Татищевъ; мы видимъ изъ Уставной Вязской грамоты⁽¹⁵⁴⁾, что люди изъ Шенкурья и изъ Вельску били челомъ Царю, что на посадахъ многіе дворы, а въ станахъ и въ волостяхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тиуновъ и отъ доводчиковъ, и что имъ Важскаго намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормить *нельзя*. Царь въ уваженіе ихъ просьбы не велѣлъ быть у нихъ намѣстнику и его пошлиннымъ людямъ, а вмѣсто нихъ велѣлъ быть *налюбленнымъ* (выбраннымъ) головамъ, и людямъ пріѣзжающимъ изъ Москвы за оброкомъ, не велѣлъ посуловъ и поминковъ ни кому не давать. — Не менѣе любопытный примѣръ приведемъ Карамзинымъ⁽¹⁵⁵⁾, относящійся къ Царствованію Великаго Князя Василія Іоанновича: онъ говоритъ, что иноземцы, хваля его любовь къ справедливости, замѣтили однакожъ, что богатый рѣже бѣднаго оказывался у насъ виновнымъ въ тяжбахъ; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душею въ своихъ рѣшеніяхъ. Однажды донесли Василію, что судья Московскій, взявъ деньги съ истца и съ отвѣтника, обвинилъ того, кто ему далъ менѣе. Великій Князь призвалъ его къ себѣ. Судья не запирался, и съ видомъ невиннаго отвѣствовалъ: Государь! я всегда вѣрю

лучше богатому, нежели бѣдному, разумѣя, что первому менѣе нужды въ обманѣхъ и въ чужемъ. Василій улыбулся и корыстолюбецъ остался по крайней мѣрѣ безъ тяжкаго наказанія.—Если доходы намѣстниковъ были незначительны, они обращались къ Государю о прибавкѣ; такъ при Иоаннѣ III Кострома была раздѣлена между двухъ намѣстниковъ, но одинъ изъ нихъ билъ челомъ Государю, что имъ обоимъ на Костромѣ *нельзя быти не съ чего*, и одинъ изъ нихъ пожалованъ всею Костромою, а другой Владиміромъ⁽¹⁶³⁾. По свидѣтельству современныхъ иностранныхъ писателей, судьи могли безнаказанно принимать подарки не дороже 8 рублей, привѣщиваемые къ иконамъ, которыя въ большемъ количествѣ украшали ихъ жилища; также, въ продолженіи 8 дней послѣ Пасхи, вмѣстѣ съ яйцами, имъ позволялось принимать нѣкоторыя малоцѣпныя вещи⁽¹⁶⁷⁾. Въ Актахъ Юридическихъ подъ № 376 помѣщена весьма любопытная роспись расходовъ слуги Прилуцкаго монастыря Ивана Ащерина, при хожденіи его по монастырскимъ дѣламъ въ Московскихъ приказахъ. Въ Стрѣлецкомъ приказѣ онъ далъ дьяку Ивану Максиму денегами десять рублей, пирога цѣною въ три алтына, голову сахару цѣною въ четырнадцать алтынъ, семгу въ тринадцать алтынъ, гребень рѣзной цѣною въ тридцать алтынъ и двѣ деньги, полъ-пуда свѣчей маковыхъ цѣною въ шестнадцать алтынъ четыре деньги, два ведра рыжиковъ цѣною въ шестнадцать алтынъ четыре деньги; да людямъ его далъ два алтына. Старому подъячю Ефиму Зотову далъ деньгами двадцать восемь рублей, пирога въ два алтына и двѣ деньги, ведро рыжиковъ цѣною въ восемь алтынъ и двѣ деньги а его людямъ четыре деньги. Молодому подъячю Семену Забурцову далъ деньгами три рубли да съ нимъ и съ дьячимъ племянникомъ Даниломъ Волковымъ *выино* церковнаго вина на семь алтынъ. Тотъ же самый ходатай, далъ въ печатномъ приказѣ подъячю и сторожамъ два алтына четыре деньги, дьяку Федору Кузмищеву поднесъ голову сахару, коврижку да гусь, за что онъ заплатилъ осемнадцать алтынъ и двѣ деньги, старому подъячю семгу да калачъ купленный за десять алтынъ, молодому подъячю за написаніе памяти далъ три алтына и двѣ деньги. Наконецъ въ приказѣ большой казны далъ дьяку Тимоѣю, Исакову сыну, Козмину ведро рыжиковъ цѣною въ шесть алтынъ и пирога въ три алтына двѣ деньги, подъячю Якову Гаврилову пирога въ два алтына и двѣ деньги, да свѣчъ маковыхъ на пять алтынъ. Кошихинъ⁽¹⁶⁸⁾, рассказывая о распространеніи фальшивой монеты, выдѣлываемой денежными мастерами, говоритъ, что не смотря на строгость законовъ, тѣ изъ нихъ, которые были богаты, отъ бѣды откупились, давши

въ Москвѣ большіе посулы Боярину Милославскому, да думному дворянину Матюшкину, да дьякамъ, а въ городахъ давали посулы воеводамъ и приказнымъ людямъ, и они, для тѣхъ посуловъ, тѣмъ ворами помогали и отъ бѣды избавляли; въ послѣдствіи дѣлатели фальшивой монеты, продолжая свое дѣло въ надеждѣ на покровительство, попались, и съ пытокъ сознались, что тотъ бояринъ, да думный дворянинъ и дьяки и подъячіе, брали большіе посулы и отъ бѣды и смерти ихъ избавляли. На Боярина Царь былъ долгое время гнѣвенъ, а думнаго человѣка велѣлъ отставить прочь отъ приказа, а дьяки и подъячіе подверглись наказанію вмѣстѣ съ дѣлавшими фальшивую монету. Наконецъ, говоря о судьяхъ, Кошихинъ рассказываетъ, что не смотря на то, что за лихоимство полагаются строгія наказанія и что при вступленіи въ должность они цѣлуютъ крестъ съ жестокимъ проклинательствомъ, въ томъ, что посулы не будутъ брать, однако они не страшатся наказаній, отъ прелести очей своихъ и мысли содержать не могутъ и руки свои ко взятію скоро допускаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену или дочь, или сына или брата или человѣка, и не считаютъ того себѣ во взятіи посулы, будто про то и не вѣдаютъ⁽¹⁶⁹⁾. По сказанію иностранцевъ⁽¹⁷⁰⁾, судьи и дьяки, которые брали посулы и кривили душою и были изобличены въ лихоимствѣ, подвергались слѣдующему безчестному наказанію: лихоимцу, заслужившему тѣлесное наказаніе, во время его исполненія привязывали къ шее кошелекъ, серебро, мягкую рухлядь, жемчугъ, даже соленую рыбу или другую вещь, взятую имъ въ подарокъ.

Не смотря на то, что дѣлалось въ практикѣ, положительное законодательство постоянно вооружалось противу лихоимства: въ Судебникѣ Царя Иоанна Васильевича Грознаго, сперва излагается общее правило *никому въ Судь посула не имати; такоже и всякому судь посуловъ въ судь не имати*⁽¹⁷¹⁾. Взятій посулу и обвинившій кого не по суду, кромѣ взысканій въ пользу истца и пошлннъ на Царя, ѣзда, правды, пересудовъ, хоженаго, праваго десятка и пожелзнаго, платныхъ втрое, наказывался еще по усмотрѣнію Царя, а въ пеня, что Государь укажетъ⁽¹⁷²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что на основаніи этой статьи Судебника, по указанію Царей назначался безчестныя наказанія, о которыхъ какъ выше было замѣчено, сообщено намъ извѣстіе современными иностранными писателями. Недѣльщикъ, который просилъ посулы для судей и для другихъ служащихъ лицъ, или бралъ посулы для себя, наказывался торговою казнію; посулы взыскивались съ него втрое и онъ отрѣшался отъ должности, да изъ недѣль выкинути⁽¹⁷³⁾. Съ недѣльщика, который поноро-

вить татию или разбойнику по посуламъ и отпустить его, доправлялся истцовъ искъ, а его вельно было казнить торговою казнію, да вкинуть въ тюрьму, а въ казни, что Государь укажетъ⁽¹⁶⁴⁾. Уложеніе, какъ видно изъ сличенія статей его, въ которыхъ постановлены мѣры противу лихоимства, съ Судебникомъ, имѣло въ виду правила, постановленныя въ семь послѣднемъ; впрочемъ сдѣлапы нѣкоторыя пополненія и измѣненія. Такъ бояринъ, окольникій, думный человекъ, дьякъ или другой какой писудъ судья, если по посуламъ праваго обвинялъ, а виновнаго оправдывалъ, подвергался взысканію иска втрое въ пользу истца; платилъ Государю пошрины, пересудъ и правый десятокъ, да за ту же вину у боярина, у окольникаго, у думнаго человека отнималась честь, а судьи не изъ думныхъ людей подвергались торговой казни и впредь не опредѣлялись къ должности и впередъ имъ у дѣла не быть⁽¹⁶⁵⁾. Тому же наказанію въ городахъ подвергались воеводы, дьяки и всякіе приказные люди⁽¹⁶⁶⁾, и судьи, если поручали брать для себя взятки, брату своему, сыну, племяннику или человеку⁽¹⁶⁷⁾. Взятшаго же посулъ для судьи, безъ его вѣдома наказывали нещадно кнутомъ, а взятое долженъ онъ былъ возратить въ Государеву казну втрое, да сажался въ тюрьму до Государева указа⁽¹⁶⁸⁾. Педъльщика, который норовя по посуламъ, не скоро приставлялъ истцовъ и отвѣтчиковъ къ суду, или, который бралъ хожелаго больше чѣмъ определено было закономъ, вельно бить нещадно батогами, а лишнее хоженое взыскивалось съ него. По 8-й статьѣ Судебника, судья, или педъльщикъ, взявшій лишнее, долженъ былъ возратить втрое. За повтореніе сего преступленія, педъльщика били кнутомъ и отставляли отъ должности (изъ педъльщиковъ выкинуть)⁽¹⁶⁹⁾. Педъльщикъ, посланный для поимки татей и разбойниковъ, если взявъ посулы, отпускалъ ихъ, подвергался наказанію кнутомъ и вельно было вкинуть его въ тюрьму⁽¹⁷⁰⁾.

3). О неправосудіи.

Уже по Судебнику, всѣ чиновники, творившіе судъ Царя и Великаго Князя, какъ-то: бояры, окольникіе, дворецкіе и казначей и дьяки, должны были судъ творить вправду, судомъ никому не мстити и не дружить и посула въ судъ не имать⁽¹⁷¹⁾. Это же правило повторяется въ Уложеніи, только подробнѣе и опредѣлительнѣе. Явно, что Уложеніе имѣло въ виду Судебникъ, потому что обязанность давать судъ вправду, излагается въ 1-й статьѣ Судебника, опредѣленію же этой обязанности посвящена 1-я статья X-й главы

Уложенія, содержапіе которой подобно закону Іоанна IV, посвящено преимущественно суду, и обязанность судить право лицамъ, которымъ порученъ судъ, выражена слѣдующимъ образомъ въ законѣ Царя Алексѣя Михайловича, » Судъ Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича вся Русіи: » судити бояромъ и окольникимъ и думнымъ людямъ и дьякамъ, и всякимъ » приказнымъ людямъ, и судьямъ, и всякая расправа дѣлати всѣмъ людямъ » Московскаго государства отъ большаго и до меньшаго чину вправду. Также » и пріѣзжихъ иноземцевъ и всякихъ прибылыхъ людей, которые въ Московскомъ государствѣ будутъ, тѣмъ же судомъ судити, расправу дѣлати по » Государеву указу вправду, а своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлахъ по » дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавляти, не убавляти и ни въ чемъ » другу не дружити, а недругу не мстити, и никому ни въ чемъ ни для » чего не поровити, дѣлати всякія Государевы дѣла, не стыдятся лица сильныхъ, и избавляти обидящаго отъ руки неправеднаго«. За неправосудіе, какъ въ Судебникѣ, такъ и въ Уложеніи, полагаются наказанія, какъ за лихоимство, т. е. по Судебнику, съ судьи взымался истцовъ искъ, а пошрины на Царя и вѣздъ и правда, пересудъ и хоженое, и правой десятокъ, и пожелезное брались втрое, а въ пень, что Государь укажетъ. Неправосудіе строже наказывалось, если оно было учинено лицами, выбранными отъ сословій, гдѣ въ видѣ исключенія или особой милости, Государь для облегченія жителей отъ намѣстниковъ и его пошлинныхъ людей, поручалъ управление и судебную расправу лицамъ, избраннымъ отъ жителей; такъ выборные старосты и цѣловальники, если судили не прямо и другу въ судъ норовили, а недругу мстили или брали посулы и помпы, и не берегли Царскаго и земскія дѣла, то наказывались смертною казнію безъ отпросу; животы ихъ и статки отдавались истцамъ, а остальное передавалось тѣмъ людямъ, которые на нихъ доведутъ⁽¹⁷²⁾. Не одни посулы вели неправаго судью къ наказанію, но еще обвиненіе праваго и оправленіе виновнаго по дружбѣ или недружбѣ. Отъ умышленнаго неправосудія отличалось неумышленное, если судья просудился безъ хитрости; по Судебнику, просудившемуся въ томъ не было пени, т. е. что это ему не ставилось въ вину, только возвращалъ онъ взятыя имъ пошрины, а спорящія стороны получали судъ съ головы, т. е. искъ подвергался новому разбирательству⁽¹⁷³⁾. Уложеніе заставляетъ судей быть осмотрительнѣе, просудившемуся судью было за то, что Государь укажетъ; для тяжущихся послѣдствія были тѣже какъ и по Судебнику, дѣло поручалось

— 34 —
всѣмъ боярамъ, а если имъ по какой нибудь причинѣ нельзя было его рѣ-
шить, то въ томъ дѣлѣ давался *судъ съ голови* (174).

4). Подлоги по службѣ.

Дьякъ, который по дружбѣ или по недружбѣ къ кому либо, или изъ видовъ корысти велитъ судное дѣло подъячему написать не такъ, какъ въ судѣ было, и какъ въ прежней запискѣ написано за рукою истца и отвѣтчика, и, если по приказанію дьяка, подъячій это судное дѣло напишетъ не дѣломъ, то дьякъ подвергался торговой казни, наказанію кнутомъ и отрѣшался отъ должности, а подъячій наказывался отсѣченіемъ руки (175). За этотъ родъ подлога, наказанія въ Уложеніи гораздо строже, чѣмъ въ Судебникѣ, по которому дьякъ наказывался только денежными штрафами въ половину противу положенныхъ съ бояръ за неправосудіе, и подвергался тюремному заключенію; а подъячій, если записывалъ дѣло не по суду безъ дьячаго приказа, подвергался наказанію кнутомъ (176). Уложеніе подвергаетъ ответственности лицъ, выносящихъ спорныя дѣла изъ приказа для какой нибудь хитрости, и если это дѣло найдутъ за городомъ или на дворѣ, и откроется, что оно было вынесено изъ приказа по дьячему велѣнію; то за такую попоровку, истцевъ искъ и Государевы пошлны доправлялись на дьякъ; да сверхъ того, дьякъ и подъячій наказывались кнутомъ, отставлялись отъ дѣла, и ни къ какимъ дѣламъ впередъ не опредѣлялись (177). Подъячій, который не вносилъ судныхъ дѣлъ въ книги, установленныя въ каждомъ приказѣ для записки судебныхъ пошлнъ, для того, чтобы самому воспользоваться ими, подвергался наказанію кнутомъ у приказу при многихъ людяхъ, за повтореніе сего подлога, подъячаго били кнутомъ по торгамъ, отставляли отъ службы и ссылали въ Украинныя города въ службу, въ какую пригодится (178). Площаднымъ подъячимъ, которые писали фальшивыя крѣпости, заочно отъ тѣхъ, отъ имени которыхъ онѣ даны, отсѣкалась рука (179). Если недѣльщикъ умышленно не представлялъ скоро истцовъ и отвѣтчиковъ, то наказывался такъ, какъ при неисполненіи своей должности изъ видовъ корысти.

Остальные роды преступленій и проступковъ были слѣдующіе: 1) Промедленіе воеводами въ выдачѣ проѣзжихъ грамотъ, за что полагалось имъ быть въ великой опалѣ отъ Государя, а убытки, причиненныя ихъ медленностію частнымъ лицамъ, взыскивались съ нихъ вдвое (180). 2) Медленность въ рѣшеніи дѣлъ изъ какихъ нибудь видовъ корысти, причиняющая проси-

— 35 —
телямъ убытки и волокиту. Вина ихъ наказывалась по усмотрѣнію Государя (181). 3) Умышленная проволочка дьяками и подъячими изготовленія дѣлъ, находившихся на ихъ рукахъ; они обязаны были платить просителю проѣсти по двѣ гривны въ день, да сверхъ того подвергались наказанію тѣлесному: дьяковъ били батогами, а подъячихъ кнутомъ (182). 4) Притѣсненіе воеводами, дьяками и приказными людьми жителей городскихъ и уѣздныхъ; убытки они должны были возратить обиженнымъ и подвергались пепѣ на Государя, что Государь укажетъ, смотря по дѣлу (183). 5) Непредставленіе приставомъ въ приказѣ на третій день послѣ суда поручной записки по истцу и отвѣтчику, въ томъ, что имъ до рѣшенія суднаго дѣла безъ указу изъ Москвы не выѣзжать. За такое промедленіе пристава били батогами нещадно; послѣ наказанія приставъ обязанъ былъ поручную запись принести въ тотъ же день, а если онъ, не смотря на наказаніе, не принесъ записи опять, то онъ отставлялся (184). 6) Отпускъ губными цѣловальниками татей и разбойниковъ (185), и наконецъ 7) Отклоненіе судьи отъ посѣщенія приказа изъ упрямства, а не по причинѣ болѣзни, или не для инаго какого нужнаго недосу; если на этомъ основаніи судья не былъ много дней въ приказѣ, то за его вину назначалось ему наказаніе, что Государь укажетъ (186).

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

О ПРИБУТКЕ И ПРОСТУПКАХЪ ЛИЦЪ, ПРИЗВАННЫХЪ КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ.

Уложеніе посвящаетъ одну главу, а именно VII, посвящую названіе о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства, устройству военныхъ силъ во время службы. Оно разсматриваетъ обязанности ратниковъ, при выступленіи изъ мѣстъ жительства, вникаетъ въ ихъ поступки, когда они собраны, когда выступили противу непріятеля, и наконецъ, когда они возвращались съ Государевой службы.

Уложеніе предписываетъ, чтобы посылать въ города къ Воеводамъ и къ приказнымъ людямъ Государевы грамоты, въ которыхъ назначить: мѣсто куда ратнымъ людямъ слѣдовать, время на который имъ пріѣхать для того, чтобы они высылали ратниковъ безъ всякаго *мочанія* (170). Эта статья испол-

плася слѣдующимъ образомъ: прежде всего объявляли Царскій Указъ на Постельномъ крыльцѣ Стольниковъ, страшимъ, дворянамъ Московскимъ, жильцамъ и другимъ служилымъ людямъ, о повелѣніи Государя идти войною на *сулостатовъ*, или о томъ, что Государь изволилъ своему Государеву недругу мстить *недружбу*, или о необходимости защищать отечество. Для сего повелѣвалось имъ быть готовыми на Государеву службу, лошадей кормить и запасы готовить. Указы подобнаго содержанія разсылались съ гонцами въ рода, которые ближе лежали къ мѣсту дѣйствія для объявленія дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ. — Сословія дворянъ и дѣтей боярскихъ были главнымъ основаніемъ ратей XVI и XVII столѣтій; они составляли многочисленный классъ людей свободныхъ, владѣвшихъ землями, и крестьянами, съ правомъ помѣщиковъ и съ обязанностію оборонять отечество. Оба эти сословія получили свое начало съ перемѣною дружины въ дворы; княжескіе отроки превратились въ дворянъ, а городовые отроки въ дѣтей боярскихъ. Іоаннъ III для достиженія исполненія замысловъ своихъ: охраненія народпой независимости, возвращенія утраченныхъ земель во время монгольскаго ига и для искорененія удѣльной системы, долженъ былъ вступить въ сильную борьбу съ врагами внѣшними и внутренними. Ему нужны были для сего значительныя военныя силы; но великій умъ его постигъ важную истину, что война не можетъ быть дѣломъ всего народа, а должна обязывать только извѣстный классъ подданныхъ; самостоятельность его возрѣнія тѣмъ удивительнѣе, что ближайшіе его сосѣди, съ которыми онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, не представляли ему въ томъ никакого примѣра. Іоаннъ III умножилъ свой дворъ присоединеніемъ къ нему удѣльныхъ дружинъ и увеличилъ число *воевъ*, раздавъ помѣстья многочисленному классу дѣтей боярскихъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ перваго указа, иногда по истеченіи мѣсяца и болѣе, разсылали другіе указы изъ Разряднаго Приказа; въ нихъ опредѣлялось въ какіе города людямъ служивымъ отправлять свои запасы, къ какому сроку и въ какомъ мѣстѣ самимъ являться. Въ войскахъ съ Крымцами и Поляками назначались преимущественно сборными мѣстами Серпуховъ, Коломна, Путивль или Смоленскъ, а срокомъ Ильинъ день, Троицынъ день, Свѣтлое воскресенье или другіе какіе либо праздники. Между тѣмъ отправлялись высельщики въ помѣстья дворянъ и дѣтей Боярскихъ съ объявленіемъ, кто именно долженъ выступить въ походъ, основываясь на спискахъ выдаваемыхъ изъ разряда или отъ воеводъ. По исполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ, выѣзжали ратные люди и везли за собою съѣстные припасы: сухари, толокно, сушеное и соленое мясо

и хлѣбъ, ибо каждый помѣщикъ долженъ былъ заботиться о своемъ продовольствіи на все время похода, получая денежное жалованье только въ самыхъ продолжительныхъ войнахъ. Въ сборныхъ мѣстахъ дѣлали смотръ; назначенный для сего бояринъ выкликалъ поименно каждого ратника, наблюдая особенно за тѣмъ, что бы всѣ означенные въ списокъ были на лицо. Но какъ многіе избѣгали службы, сказывались больными и скрывались въ лѣсахъ, то за неявившимися *илтями*, отправляли высельщиковъ⁽¹⁸⁸⁾. Законными причинами увольненія отъ службы были старость, увѣчья и болѣзнь; ратники эти могли ставить вмѣсто себя достигшихъ 18-ти лѣтняго возраста родственниковъ а именно братьевъ, сыновей, племянниковъ и внуковъ безпомѣстныхъ, которые не служили въ Государевой службѣ и ни въ какіе чины не были записаны. Когда же у нихъ такихъ родственниковъ не было, то должны были поставить даточныхъ людей или внести деньги, количество которыхъ соразмѣрялось съ ихъ помѣстьями, вотчинами и прожиткомъ⁽¹⁸⁹⁾. Ратнымъ людямъ, шедшимъ на Государеву службу, вмѣнялось въ обязанность, на дорогѣ и на станахъ никому не дѣлать убытка и насилія, своихъ и конскихъ кормовъ ни у кого безденежно не брать⁽¹⁹⁰⁾; а покупать прямою цѣною; на поляхъ хлѣба, а въ запертыхъ лугахъ сѣнныхъ покосовъ не травить⁽¹⁹¹⁾. Впрочемъ, когда луга были не заперты, т. е. до Троицына дня, ратники могли ставиться безпечно; когда же луга были заперты, то отъ дороги могли ставиться на одну сторону поперегъ на пять сажень⁽¹⁹²⁾. За насиліе же, ратники подвергались наказанію, смотря по винѣ, а убытки съ нихъ доправлялись⁽¹⁹³⁾; однако же владѣвшимъ запрещалось продавать ратникамъ кормъ не прямою цѣною⁽¹⁹⁴⁾. Тѣже, которые за это требовали дорогихъ цѣнъ, наказывались тоже по винѣ, а лишнее взятое отдавалось ратникамъ⁽¹⁹⁵⁾.

Ратникамъ, распределеннымъ по полкамъ, запрещалось оставлять службу не дождавшаго отпуска; за первый побѣгъ они наказывались кнутомъ, за второй сверхъ наказанія кнутомъ имъ убавлялось изъ помѣстнаго оклада пятьдесятъ четвертей, да деньги съ помѣстнаго ихъ оклада со ста четвертей по рублю, за третій побѣгъ помѣстье у нихъ отнималось и отдавалось въ раздачу⁽¹⁹⁶⁾. Побѣгъ со службы чужезмца, кормоваго челоуѣка, стрѣльца, казака или даточнаго челоуѣка, наказывался строже; бѣглые подвергались жестокому наказанію кнутомъ и выселялись къ службѣ съ приставами; изъ ихъ жалованья производился вычетъ по расчету; за побѣгъ даточнаго челоуѣка, взыскивалось съ того, кто его поставилъ на службу, двадцать рублей⁽¹⁹⁷⁾. Отпускать ратныхъ людей со службы разрешалось боярамъ и воеводамъ въ

самыхъ крайнихъ случаяхъ, какъ то: при домашнемъ разореніи, при побѣгѣ крестьянъ или по инымъ какимъ самымъ пукнымъ дѣламъ⁽¹⁹⁸⁾; но при извѣстїи о непрїятелѣ, отпускъ пи подъ какими предлогомъ не дозволялся⁽¹⁹⁹⁾. Если же бояре и воеводы отпускали ратныхъ людей безъ Царскаго указа, прельщаясь посулами и поминками, то они подвергались жестокому наказанію, по усмотрѣнію Царя⁽²⁰⁰⁾. Сотеннымъ головамъ нельзя было никого отпускать; за нарушеніе сего правила вина ихъ сказывалась при многихъ людяхъ, и они подвергались наказанію кнутомъ и содержанію въ тюрьмѣ для того, чтобы другимъ сотеннымъ головамъ не было повадно такъ поступать⁽²⁰¹⁾. За побѣгъ ратнаго человѣка съ бою, виновному убавлялась половина изъ денежныхъ окладовъ его, половина помѣстій его бралась на Государя и сверхъ того, били его кнутомъ нещадно⁽²⁰²⁾. Измѣнники, т. е. тѣ, которые перезыкали изъ своихъ полковъ въ непрїятельскіе и сообщали извѣстіе непрїятелю, подвергались смертной казни, ихъ вѣшали и имущество ихъ конфисковалось⁽²⁰³⁾. Служилые люди, состоявшіе на Государевой службѣ, если брали насильно хлѣбные запасы и конскіе кормы, или грабили или опустошали дворы и огороды, должны были заплатить убытки вдвое⁽²⁰⁴⁾. Для предупрежденія самоуправства со стороны служилыхъ людей, постановлено было, чтобы ратные люди, у которыхъ не станеть кормовъ и хлѣба, а которые за своею скудостью по дороговизнѣ цѣнъ не были въ состояніи купить оныхъ на торгахъ, обращались къ воеводамъ, если цѣны указныя для кормовъ и хлѣба были дешевле торговой, чтобы имъ позволено было произвести покупку по указнымъ цѣнамъ. Воеводы посылали съ челобитчикомъ приставовъ къ тѣмъ людямъ, у которыхъ онъ присмотрѣлъ хлѣбные запасы и кормы, чтобы эти люди уступили ратнику свои произведенія по указной цѣнѣ. Впрочемъ это распоряженіе допускалось только, когда произведенія были въ избыткѣ противу домашнихъ расходовъ; въ противномъ случаѣ запрещалось брать хлѣбъ и кормы по указнымъ цѣнамъ. — Безъ вѣдома воеводъ и безъ приставовъ нельзя было ратнымъ людямъ брать хлѣбъ и кормы по указнымъ цѣнамъ. Запрещалось тоже ратнымъ людямъ разорять дворы, гдѣ они стояли, городьбу около дворовъ и огородовъ жечь и опустошать и въ полѣ травить хлѣбъ нарочно⁽²⁰⁵⁾. За потраву хлѣба лошадьми, или, если ратники жали хлѣбъ и возили въ станы для корму лошадей, кромѣ платежа вдвое убытковъ, виновные еще наказывались по разсмотрѣнію⁽²⁰⁶⁾. За кражу ратникомъ ружья, виновный подвергался наказанію кнутомъ нещадно и украденная вещь возвращалась хозяину⁽²⁰⁷⁾. За покражу лошади отсыкалась рука⁽²⁰⁸⁾. Наконецъ, если ратные люди, отправ-

ляясь на Государеву службу или возвращаясь домой, становились по селамъ и деревнямъ, въ дворахъ, гумнахъ для воровства и чинили убійства или насиліе женскому полу, то подвергались смертной казни; а за насиліе и грабежъ, какъ то: за потраву хлѣба въ гумнахъ или за насильную ловлю рыбы изъ прудовъ и садовъ, убытокъ доправлялся съ нихъ вдвое и наказаніе имъ чинилось по винѣ⁽²⁰⁹⁾. Если же служилый человѣкъ прїѣхалъ къ кому на станъ по недружбѣ *наряднымъ дѣломъ*, для задора и между ними происходили брань и бой, и прїѣхавшій убьетъ, ранитъ или ограбитъ, то за убійство наказывался смертію; а если ударитъ, но не ранитъ, или словомъ кого обезчеститъ или грабежемъ что либо возметъ, то подвергался наказанію, смотря по винѣ, а обиженный могъ доправить безчестіе и грабежъ вдвое⁽²¹⁰⁾. Хотя въ спискѣ источниковъ, изъ которыхъ почерпнуто Уложеніе, заимствованномъ изъ подлиннаго списка Уложенія, хранившагося въ Москвѣ въ Оружейной палатѣ, противу VII главы помѣчены только три статьи, а именно: 30 ст. изъ Литовскаго Статута, а 28-я и 29-я изъ градскихъ законовъ; однако ближайшее сравненіе II раздѣла Литовскаго Статута показываетъ, что кромѣ 30-й статьи многія другія составлены при видимомъ вліяніи Кодекса западной Россїи. Впрочемъ, это сходство обонхъ постановленій преимущественно усматривается въ наказаніяхъ за преступленія и проступки служащихъ лицъ, и въ порядкѣ сбора и замѣненїи ратныхъ людей. Основныя начала защиты Государственной были различны; въ Россїи, какъ мы видѣли уже, кромѣ постоянныхъ войскъ, учрежденныхъ въ позднѣйшія времена, защита отечества по мудрому взгляду на сей предметъ Великаго Князя Іоанна III, поручалась въ особенности свободному сословію дворянъ и боярскихъ дѣтей, между тѣмъ какъ въ Литвѣ всѣ сословія призывались къ этому дѣлу⁽²¹¹⁾. Лицо, обязанное службою, если не являлось или, явившись, оставляло службу безъ отпуска, лишалось своего имущества⁽²¹²⁾. Служилые люди собирались посредствомъ писемъ хорунжихъ какого уѣзда; въ письмахъ извѣщалось мѣсто и время назначенныя для сбора⁽²¹³⁾. Служащіе при дворѣ должны были поставить вмѣсто себя брата, родственника или дворянина, столь добраго, какъ и они сами⁽²¹⁴⁾. Вольные могли вмѣсто себя поставить датчнаго человѣка добраго и достойнаго⁽²¹⁵⁾, а дворянинъ могъ вмѣсто себя поставить сына, достигшаго 18-ти лѣтняго возраста, если только сынъ не былъ отдѣленъ отъ отца⁽²¹⁶⁾. Это явное сходство съ неверстанными стѣзьями, о которыхъ говоритъ Уложеніе. Бѣжавшій съ боя, лишался чести и имущества⁽²¹⁷⁾. Кто изъ служилыхъ людей имѣлъ недостатокъ въ провіантѣ или оружїи, тотъ съ вѣдома Гетмана

могъ брать оныя, за цѣну установленную отъ Государя или Гетмана; впрочемъ Гетманъ долженъ былъ назначить видоконъ, которые присутствовали при производствѣ этой покупки⁽²¹⁸⁾. Однако тѣ, которые имѣя провіантъ и фуражъ въ достаткѣ, не смотря на это, искали себѣ въ другомъ мѣстѣ, должны были взятое *совито* возвратить. Также запрещалось разрушать дворы, жечь заборы, ловить рыбу въ прудахъ и садахъ и травить нарочно хлѣбъ и за всѣ эти ущербы доправлялся убытокъ *совито*⁽²¹⁹⁾. Кто же прѣхавъ въ лагерь (на станъ), или дорогою началъ споръ или же напалъ на кого нибудь и произвелъ убійство или нанесъ раны, тотъ подвергается смертной казни. Если же не ранилъ, но умышленно ударилъ, или даже, если не ударилъ, но обидѣлъ неприличнымъ словомъ или нанесъ какой нибудь убытокъ, то долженъ былъ подвергнуться наказанію по усмотрѣнію Гетмана и по силѣ особыхъ постановленій, которые издавались для охраненія спокойствія въ войскѣ⁽²²⁰⁾. Наконецъ въ 18-мъ артикулѣ 11-го раздѣла Литовскаго Статута полагается наказаніе за тѣ самые случаи, которые изложены въ 30-й статьѣ VII главы Уложенія: вотъ что въ немъ сказано: кто слѣдуя на службу или возвращаясь домой со службы, сдѣлаетъ нападеніе на домъ или гумно или насильно будетъ ловить рыбу изъ прудовъ и садовъ, или же будетъ наносить какой либо ущербъ, и при этомъ насиліе: кого либо убьетъ, ранитъ, приьетъ или нанесетъ насиліе женскому полу, то подвергается смертной казни; если же не ранитъ, не убьетъ и не причинитъ ни какихъ побоевъ, а только возметъ что либо или нанесетъ вредъ, то насиліе и убытокъ доправлялись съ него *совито*; какъ въ Статутѣ Литовскомъ, такъ и въ Уложеніи, въ случаѣ недостатка доказательствъ, позволялось подкрѣплять истцу свою претензію присягою.

Источникомъ 28-й и 29-й статей разсматриваемой нами главы, о похищеніи лошадей и ружья во время войны, были градскіе законы, въ которыхъ сказано: »Иже во станъхъ и въ полкахъ на войнъхъ крадующія, или оубо оружія оукрадетъ, соурово повелѣваемъ бити его, аще же подъяремника, рекше коня, или мца или ося, таковымъ роудъ оустьченъ бываютъ⁽²²¹⁾. Статя 20-я, въ которой говорится о измѣнникахъ, какъ намъ показываютъ подлинныя отмѣтки объ источникахъ Уложенія, тоже заимствована изъ градскихъ законовъ; впрочемъ, самый видъ смертной казни Уложеніе измѣнило: оно предписываетъ вѣшать измѣнниковъ, между тѣмъ по Градскимъ законамъ » предаваяй противнымъ своя, главы оустьченіемъ моучится«⁽²²²⁾.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ и ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВУ ИМУЩЕСТВА и ДОХОДОВЪ КАЗНЫ.

1). О дѣланіи фальшивой монеты.

Чеканъ монеты въ древнѣйшія времена производился подъ надзоромъ Правительства. Князья устанавливали вѣсъ и пробу, поручали дѣланіе монеты частнымъ людямъ, со взысканіемъ съ нихъ известной платы; въ послѣдствіи право чекана монеты ограничилось нѣкоторыми только мѣстами⁽²²³⁾. Известно, что вездѣ, гдѣ только чеканъ монеты поручался частнымъ лицамъ, злоупотребленія были значительны; потому нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ Россіи, при такомъ порядкѣ дѣлъ, часто происходили безпорядки. Вотъ извѣстіе, сообщаемое Карамзинымъ, почерпнутое имъ изъ Синодальной Новгородской лѣтописи, № 349, л. 152. »Того же лѣта (1446) начаша Новгородци » денги хулити серебряныя, и вси люди, другъ на друга смотря; и бысть » межю ими голка и мятежъ и нелюбье, и посадникъ и тысяцкій, и весь » Новгородъ уставиша 5 человекъ денежниковъ, и начаша въ старыхъ деньгахъ новія ковати, въ ту же мѣру, на четыре почкы таковы же, а отъ » лѣта отъ гривнъ по полуденгъ, и бысть христіаномъ убытокъ великъ и по » вѣдомостямъ: да и сіе незабвенно будетъ въ послѣднихъ родѣхъ. Того же » лѣта оушлиша Новгородци старыи рубли, и бысть денежникамъ прибытокъ, » а рубли передѣлали на денги, а у денежниковъ посулы поимаша«. Въ Синодальной Новгородской лѣтописи, № 347, г. 1447, сказано: » Выведе Съкира посадникъ ливца и вѣсца серебрянаго Федора Жеребца, и напоивъ его, » нача сочити: на кого еси лилъ рубли? онъ же оговори 18 человекъ, и по » его рѣчамъ иныхъ отъ мосту сметаша, иныхъ дома разграбиша и изъ церквей вывозиша животы ихъ; а преже того по церквамъ не искивали. И еще » того же Федора начаша безправдивіи бояре науцати говорить на многихъ » людей, претяще ему смерти. Опъ же протрезвился, рече: на всихъ есмь » лилъ и вѣсилъ съ своею братею ливци. Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи, » а голодники и ябедники радешаху; только бы на кого выговорилъ и того » самага смерти преда (посадникъ), да животь его въ церкви раздѣли и разграби. И бысть въ градѣ мятежъ великъ, и оттолъ и самъ Съкира разболѣлся и умре«⁽²²⁴⁾. Въ царствованіе Юлія IV опять были безпорядки:

» Князь Великій и мати его, видѣвъ неправду въ людехъ, денегъ умножись
» поддѣльныхъ и рѣзанныхъ, и восхотѣ то дурное вывести, и повелѣ дѣ-
» лати деньги новые, изъ гривенки по три рубли, а старые и поддѣльные и
» рѣзанные передѣлывати, а поддѣльнымъ и рѣзаннымъ не ходити; а въ ста-
» рыхъ въ деньгахъ въ добрыхъ въ Новгородкахъ и въ Московкахъ, въ гри-
» венкѣ полтретья рубля съ гривною; и Великая Княгиня велѣла прибавити
» въ гривенку новыхъ денегъ, чтобъ было людямъ не великій убытокъ отъ
» лихихъ денегъ и впредь не велѣла лихимъ деньгамъ ходити; а
» поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ велѣла обыскивати и казнити. Повелѣ Вели-
» кій Князь дѣлати новые деньги на свое имя безъ всякаго примѣса изъ
» гривенки изъ каловые 300 денегъ Новгородскихъ, а въ Московское число
» три рубля ровно; а по указу отца его изъ гривенки дѣлали 250 денегъ
» Новгородскихъ, а въ Московское число полтретья рубли съ гривною
» Безуміе въ толико безуміе пришедше, яко половину у всякой деньги отрѣ-
» зати и гривенку доспѣти въ 500 денегъ и больше и того ради въ
» людехъ клятвы и злыхъ словесъ безъ числа наполнися инии вмалѣ
» обогатѣша, а вскорѣ погибоша; многи напрасными и безгодными смертми
» изомроша И пачаща (въ Новгородѣ) дѣлати новые деньги Юня въ
» 20; а въ дворѣ денежномъ велѣлъ Князь Великій смотрѣти накрѣпко ма-
» стеровъ своему гостю Московскому Богдану Семенову, сыну Курюкова съ
» товарищи! Въ лѣто 7042 (1534) Сент. на Москвѣ казнили многихъ людей
» въ деньгахъ, Москвичъ и Смольничъ, и Костромичъ, и Воложанъ и Яро-
» славцовъ, и иныхъ многихъ городовъ Московскихъ, а казнь была: олово
» лили въ ротъ, да руки съкли» (226).

Весьма примѣчательна окружная грамота Царя Михаила Федоровича, объ учиненномъ наказаніи дѣлателямъ ложной монеты, съ строгимъ подтвержденіемъ, что впредь таковыя преступники будутъ по прежнему казнимы смертію (226). Изъ нея мы видимъ, что въ прошлыхъ годахъ и въ 7145 году (1637) обпаружились денежныя воры, которые были пойманы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; они въ распросахъ и съ пытокъ показали, что они сами рѣзали матошники, и съ матошниковъ переводили чеканы, и деньги чеканили мѣдныя, и тѣ деньги серебрили или мѣдь мѣшали въ серебро въ половину или въ треть, а другіе лили въ опоки и разнымъ воровствомъ деньги дѣлали, и наконецъ нѣкоторые завѣдомо покупали воровскія деньги у денежныхъ воровъ, и тѣ деньги сбывали на разныя покупки врознь. При прежнихъ Великихъ Государяхъ, таковымъ ворами бывала казнь смертная:

заливали горло воровскими деньгами; а при Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ эта казнь была отмѣнена и велѣно наказывать поддѣльвателей монеты торговою казнію. Царь надѣялся, что воры уймутся отъ наказанія безъ смертной казни; но воры Государевой милости къ себѣ не узнали и отъ воровства не унялись, а напротивъ число ихъ умножилось, такъ что многіе простые невинные люди отъ того пострадали. Царь по своему милосердию *обычаю*, тѣмъ ворами, которые пойманы до изданія этой грамоты, смертную казнь *отдалъ*, т. е. не велѣлъ ихъ наказывать смертію, а велѣлъ ихъ наказывать кнутомъ, а послѣ наказанія разослать въ города въ тюрьмы по смерти скованныхъ, и залить желѣза до ихъ смерти, а для улики впередъ велѣлъ ихъ клеймить на щекахъ, а въ клеймѣ написать слово *воръ*, чтобы эти воры впередъ были *знатны*. А на будущее время Царь приказалъ всѣхъ поддѣлывающихъ монету или торгующихъ фальшивою монетою, наказывать по прежнему безъ всякой пощады, а именно: пущимъ заливать горло растопленными воровскими деньгами, и имущество ихъ конфисковать, а прочихъ въ томъ числѣ и вѣдающихъ объ этомъ преступленіи и неизвѣстившихъ, казнитъ смертію *разными казнями*. А людей, которые *узнаютъ* за кѣмъ *денежное дѣло* и приведутъ воровъ къ воеводѣ, а если чья мочь *поймать не слѣзетъ*, извѣстятъ объ этомъ, велѣно награждать всѣмъ имуществомъ преступниковъ; эту награду велѣно выдавать даже участникамъ въ преступленіи, если они откроютъ своихъ товарищей. Для всеобщаго извѣстія велѣно было эту Государеву грамоту объявить людямъ всякихъ чиновъ; во время торговъ, въ городахъ, въ селахъ, въ волостяхъ и по слободамъ и по малымъ торжкамъ *кликать бирючанъ* въ продолженіи многихъ торговыхъ дней, и списки съ сего Указа велѣно приклеивать въ таможенныхъ и у городовыхъ воротъ, въ рядахъ, по улицамъ и по малымъ торжкамъ, и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бывають собранія людей, за исключеніемъ церковей.

Не смотря на строгость мѣръ, принятыхъ Царемъ Михаиломъ Федоровичемъ, злоупотребленія часто повторялись. Кошкинъ (227) говоритъ, что денежныя мастера наемались изъ вольныхъ людей, съ порукою и крестнымъ цѣлованіемъ въ томъ, что *они будучи у Царскаго дѣла*, не воровать серебра и денегъ не красть, и въ серебрѣ мѣди и олова не примѣшивать, и въ домахъ своихъ воровскихъ денегъ не дѣлать, чекановъ не красть и воровски подѣ чеканы не подрѣзывать. Когда мастера приходили въ денежный дворъ или выходили изъ онаго, то ихъ осматривали донага, чтобы они не приносили мѣди, олова и свинцу, или со двора чего не снесли. При открытіи злоупо-

требленія мастеровъ, ихъ пытали для узнания сколько разъ они воровали, кому что продавали и кто ихъ сообщники. Главнымъ виновникамъ заливали горло оловомъ, а прочимъ, смотря по винѣ, отсѣкали руку, отрѣзывали уши, били кнутомъ, отнимали дома и животы, и ссылали въ ссылку. Во время войны Царя Алексѣя Михайловича съ Польскимъ Королемъ Яномъ Казиміромъ, появилось въ Москвѣ и въ другихъ городахъ много воровскихъ денегъ; лицъ, пойманныхъ съ фальшивою монетою, задерживали и пытали о томъ, откуда они имѣли эти деньги; но они въ воровствѣ не винились, а говорили, что они ихъ получали отъ разныхъ людей съ другими деньгами. Тогда начали подозрѣвать денежныхъ мастеровъ, серебряниковъ, котельниковъ и оловянишниковъ, потому что до введенія мѣдныхъ денегъ, они жили не богатыми, а при мѣдныхъ деньгахъ построили себѣ дворы каменные и деревянные, и платятъ себѣ и женамъ подѣлами съ боярскаго обывала, и начали покупать дорогою цѣною въ рядахъ товары, серебряные сосуды и съестные запасы, не жалься денегъ. Послѣ того какъ мастера сознались, нѣкоторыхъ подвергли смертной казни, а прочимъ отсѣкали руки и прибывали у денежныхъ дворовъ на стѣнахъ, а дома и имущество ихъ было конфисковано. Однако, денежные мастера не смотрѣли на всѣ мученія, на смерть и разрешеніе, они постоянно дѣлали фальшивую монету, пока существовали мѣдные деньги, такъ что немногіе изъ нихъ не подверглись наказанію. Не только мастера, но и головы и цѣловальники, приставленные для присмотра, приѣма и расхода мѣди и денегъ, участвовали въ дѣланіи фальшивой монеты; они покупали мѣдь и привозили на денежные дворы вмѣстѣ съ Царскою мѣдью, вельми дѣлать деньги, и сдѣлавъ, свозили съ денежнаго двора съ Царскими деньгами; Царскія деньги отдавали въ казну, а свои къ себѣ отвозили. Они тоже были наказаны, когда открылось ихъ злоупотребленіе; имъ отсѣкали руки, ноги и пальцы отъ рукъ и отъ ногъ, и ссылали въ ссылку въ дальніе города.

Не смотря на разнородность наказаній, о которыхъ говоритъ Кошкинъ, въ законѣ Царя Алексѣя Михайловича полагается одно наказаніе — заливаніе горла, какъ за дѣланіе мѣдныхъ, оловянныхъ и укладныхъ денегъ, такъ и за примѣсъ къ серебру мѣди, олова и свинца⁽²²⁰⁾.

2). О корчемствѣ.

Продажа питей, кажется, всегда была ограничена и составляла особую принадлежность Князей, а въ городахъ, въ которыхъ элементы муниципаль-

ной жизни развились, самихъ городовъ. Въ Псковской судной грамотѣ, изданной г. Мурзакевичемъ, сказано: »а княжимъ людемъ по дворамъ корчмы не держать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду не продавати«⁽²²⁰⁾. Карамзинъ⁽²³⁰⁾ сообщаетъ выписку изъ сочиненія діакона Тимофея Каменевича-Рвовскаго, о древностяхъ Россійскихъ, писаннаго его собственною рукою и хранящагося въ Синодальной библіотекѣ подлѣ № 529, въ которой между прочимъ сказано, что на Мологѣ было 70 кабаковъ винныхъ и питей всякихъ. Въ договорѣ, заключенномъ Новгородцами съ Польскимъ Королемъ Казиміромъ въ 1471 году, сказано: *а медъ и пиво съ перевиры по силѣ*⁽²³¹⁾; изъ чего можно заключить, что съ варенья пива и меду платилась известная пошлина. Въ Уставной Вязской грамотѣ 1552 года Марта 21⁽²³²⁾ вмѣнено въ обязанность выборнымъ головамъ *накрѣпко* смотрѣть, чтобы посадскіе люди, становые и волостные крестьяне не держали питей въ продажу, на разстояніи пяти и десяти верстъ отъ Шенкурья и Вельска, а у тѣхъ, которые будутъ держать питея для продажи, вельмо *вынимать питея, а заповѣди имать* съ нихъ на Царя два рубля, а съ *питуховъ* по полуполтинѣ съ человека, а тѣмъ людямъ, которые впередъ будутъ держать корчмы, бытъ отъ Царя казнешнымъ (наказаннымъ); а тѣмъ людямъ, которымъ случится варить наканунѣ праздниковъ, или родителей помануть, или крестины или родины, вельмо было докладывать выборнымъ головамъ, которые разрешали варить питея и распивать дня на три, четыре или пять, а по минованіи урочныхъ дней, если головы найдутъ питея, то должны были брать *заповѣди* по указу.

Въ Уложеніи встрѣчаемъ слѣдующія постановленія противъ корчемства: у кого *вымутъ* корчму или кто на продажу куритъ вино, то съ того взыскивалось *заповѣди* пять рублей, а съ *питуховъ* по полуполтинѣ съ человека; за повтореніе проступка *заповѣдь* удваивалась, и сверхъ того, корчемниковъ били кнутомъ по торгамъ, а *питуховъ* били батогами⁽²³³⁾. Если же въ третій разъ попадались въ этомъ продавцы, то должны были платить *заповѣди* двадцать рублей, подвергались наказанію кнутомъ, да сажались въ тюрьму до Государева указа; если же *питухи*, то платили одинъ рубль и наказывались кнутомъ⁽²³⁴⁾. За тайную продажу питей, если продавцы запырались, послѣ пытки они наказывались кнутомъ по торгамъ, да взыскивалось съ нихъ *заповѣди* за первый разъ пять рублей; за второй разъ, кромѣ наказанія кнутомъ, десять рублей, и сверхъ того, они отдавались на крѣпкія поруки; за тайную продажу въ третій разъ они наказывались тоже

кнутомъ по торгамъ, да сажались въ тюрьму на полгода; покупщики же за первый разъ платили заповѣди два рубля, да наказывались батогами *нещадно*; за повтореніе запрещеннаго дѣйствія платили четыре рубля, наказывались кнутомъ на козлѣ и сажались въ тюрьму на два недѣли; за третій же разъ заповѣди взыскивалось шесть рублей, наказывали кнутомъ на торгахъ и сажали въ тюрьму на мѣсяць, и сверхъ того, виновные отдавались на поруки въ томъ, что они корчемнаго вина нигдѣ не будутъ покупать и пить. Кто же наконецъ продавалъ корчемное вино въ четвертый разъ, тому вельно чинить *жестокое* наказаніе кнутомъ по торгамъ и ссылатъ въ дальніе города, куда Государь укажетъ, а животы всѣ, дворы, помѣстья и вотчины брались на Государя; а покупщики за покушку корчемнаго вина въ четвертый разъ подвергались жестокому наказанію кнутомъ по торгамъ и сажались въ тюрьму на годъ⁽²⁵⁵⁾. Если въ корчемствѣ изобличены были принадлежащіе кому либо крестьяне или дворники, провинившіеся безъ вѣдома бояръ своихъ, то наказывались кнутомъ по торгамъ и отдавались господамъ своимъ, для того, чтобы они *накрѣпко* за ними смотрѣли. Если же они были изобличены вторично въ той винѣ, происшедшей отъ небреженія тѣхъ, у кого они жили, то съ господъ взыскивалось пени по десяти рублей съ человека, а винопродавецъ вельно бить кнутомъ по торгамъ и сажать въ тюрьму до Государева указа⁽²⁵⁶⁾. Пяти рублей заповѣди и конфискаціи напитка подвергались тѣ, которымъ не вельно держать питья *безъявочно*⁽²⁵⁷⁾.

ОТДѢЛЪ ОСЬМОЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВУ ОБЩЕСТВЕННАГО БЛАГОУСТРОЙСТВА И БЛАГОЧИНІЯ.

1). О нарушеніи правилъ, постановленныхъ о путяхъ сообщеніяхъ.

Собираніе платы съ мытъ и перевозовъ позволялось только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существовали изстари, и на которое были даны жалованная грамоты⁽²⁵⁸⁾; кто же заводилъ вновь для своего *пожитку своимъ вымысломъ* безъ указа, то у него все бралось на Государя⁽²⁵⁹⁾. Тоже самое правило, и тѣ самыя взысканія положены были въ Статутъ Литовскомъ⁽²⁶⁰⁾. Впрочемъ,

позволялось владѣльцамъ, у которыхъ проѣзды на дорогѣ были худы, или у которыхъ никогда не было гатей на грязяхъ и мостовъ на грязныхъ рѣкахъ, просить позволенія сдѣлать для проѣзду мосты, съ тѣмъ, чтобы на пополненіе издержекъ собирать съ проѣзжихъ людей мостовщину, наравнѣ съ другими мостами⁽²⁶¹⁾; въ Литовскомъ Статутѣ этотъ случай тоже предвидѣнъ⁽²⁶²⁾. Владѣльцы, которые до изданія Уложенія завели самовольствомъ мыты, перевозки и мостовщины и собирали мыто, перевозъ или мостовщину или въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ прежде онѣ существовали, или же вновь поставили мельницы и тѣмъ воду подняли, а прежде въ сихъ мѣстахъ бывали дороги и броды, а они тѣми запрудами дороги и броды *отняли* и брали перевозки, мостовщину и мыта, должны были эти мельницы, мосты и перевозки снести⁽²⁶³⁾. Однако, если эти владѣльцы просили, чтобы ихъ мельницъ не ломать, то позволялось удовлетворить ихъ просьбѣ съ тѣмъ, чтобы они мостовщины и перевознаго не брали⁽²⁶⁴⁾. Владѣльцы, которые потопляли дороги прудомъ, вспахивали къ своей землѣ для своей корысти, обязаны были на своей землѣ, близко старыхъ дорогъ устроить новыя; если же они пролагали новыя дороги хуже старыхъ, или объездъ былъ великъ, то обязаны были возстановить старыя дороги⁽²⁶⁵⁾. Тоже самое правило встрѣчаемъ въ Литовскомъ Статутѣ⁽²⁶⁶⁾ — Если съ одной стороны владѣльцы получали доходъ съ мостовъ и перевозовъ, то съ другой стороны они обязаны были содержать ихъ въ исправности, на свой счетъ починять гати, мосты и перевозки, для того, чтобы проѣзжимъ ни въ чемъ простою, задержанія и убытковъ не было⁽²⁶⁷⁾; если же отъ неисполненія сей обязанности происходили какіе либо убытки, какъ-то: если у служилыхъ людей потонуть или погрязнуть лошади, запасы или служилая всякая рухлядь, а у торговыхъ или у другихъ людей товары или иныя какія либо вещи, то владѣльцы должны были возратить проѣзжимъ всѣ убытки и обязаны были сдѣлать новые мосты, гати и плотины, для того, чтобы проѣзжимъ впередъ не было простою и убытковъ⁽²⁶⁸⁾. На Государевыхъ мостахъ и перевозахъ, при которыхъ были поставлены вѣрные головы, цѣловальники, откупщики, приставленные отвѣчали за всѣ убытки, которые могли случиться проѣзжимъ, отъ неисправности мостовъ, перевозовъ, паромовъ и плотовъ⁽²⁶⁹⁾. По Литовскому Статуту, владѣльцы тоже должны были возратить убытокъ проѣзжимъ случившійся отъ неисправности гатей, мостовъ и плотинъ; на Государевыхъ мытахъ старосты откупщики (*dzierzawcy*) и мытники отвѣчали за убытки⁽²⁷⁰⁾. По рѣкамъ судоходнымъ запрещалось дѣлать новые пруды, плотины и мельницы; а кто на

такой рѣкъ плотину устроивалъ, то долженъ былъ у той плотины сдѣлать ворота для судового ходу; а на тѣхъ судовыхъ рѣчкахъ, на которыхъ встарину, а не вновь устроены *езы* для рыбной ловли, вѣльно было дѣлать ворота; городить же на глухо *езы* запрещено было; за проходъ судовъ чрезъ ворота нельзя было брать мыта⁽²⁸¹⁾. Тоже самое правило поставлено въ Статутъ Литовскомъ⁽²⁸²⁾. Прибрежнымъ владѣльцамъ запрещалось въ зимнее время окалывать ледъ у береговъ и около мостовъ для взыванія мостовщины; за нарушеніе сего постановленія, виновные подвергались наказанію кнутомъ, и сверхъ того бралась съ нихъ пеня, что Государь укажетъ⁽²⁸³⁾.

Отъ платежа мытъ, перевознаго и мостовщины освобождались дворяне, дѣти боярскіе, иноземцы, служилые люди съ своими людьми и запасами, и гоицы, которые посылались для Государевыхъ дѣлъ⁽²⁸⁴⁾; по Литовскому Статуту тоже были привилегированныя лица, которыя освобождались отъ платежа мыта за себя и за свои произведенія; это были: князья, пань радные, духовные и шляхтичи⁽²⁸⁵⁾. Мытчики, перевозчики и мостовщики, которые нарушали правило, изложенное въ Уложеніи въ 1-й статьѣ IX главы, должны были взятое отдать втрое тѣмъ людямъ, у которыхъ взяли, неправильно, и сверхъ того подвергались наказанію кнутомъ⁽²⁸⁶⁾. Привилегированные люди, если перевозили съ собою торговцевъ съ товарами, подвергались тоже наказанію кнутомъ и должны были мыто, мостовщину и перевозъ заплатить втрое въ пользу мостовщиковъ⁽²⁸⁷⁾. Торговые люди, которые промывались именемъ служилыхъ людей, подвергались наказанію кнутомъ и платили пени на Государя по пяти рублей съ человѣка⁽²⁸⁸⁾.

Наконецъ, запрещено было брать съ служилыхъ людей постоялаго на дорогахъ, въ селахъ и въ деревняхъ, и о томъ вѣльно было сдѣлать въ Москвѣ и въ городахъ *заказъ крѣпкій*⁽²⁸⁹⁾.

Сравнивая IX главу Уложенія съ 29 и 30 артикулами I-го раздѣла Литовскаго Статута, легко замѣтить, что главныя основанія Статута были усвоены Уложеніемъ, которое сдѣлало нѣкоторыя дополненія, назначивъ наказанія за злоупотребленія привилегированныхъ лицъ и мытчиковъ и за окалыванье льда, чего нѣтъ въ Статутѣ.

2). О пристанодержательствѣ.

Кто укрывалъ или держалъ у себя татей и разбойниковъ и не отводилъ къ воеводамъ, къ приказнымъ людямъ или къ губнымъ старостамъ, тотъ подвергался пенѣ десяти рублей, чтобы на то смотря, инымъ неповадно

было такъ дѣлать; а татымъ и разбойникамъ нигдѣ пристапца небыло⁽²⁹⁰⁾. Помѣщикъ, который нашель между своими людьми или крестьянами разбойниковъ, не представилъ ихъ въ губу и тѣмъ укрывалъ за собою поровъ, лишился своего помѣстья, которое отдавалось *въ раздану*, и сверхъ того долженъ былъ удовлетворить истцовы иски. Непомѣстный человѣкъ подвергался наказанію кнутомъ по торгамъ, да съ него тоже доправлялись истцовы иски⁽²⁹¹⁾. Кто оговоренныхъ людей *язычною молкою* ухоронить или *изъ за себя* вышлетъ вонъ, тотъ долженъ былъ заплатить *вытъ*, да съ него же взыскивалось на Государя пятьдесятъ рублей, и сверхъ того отдавался онъ на поруки⁽²⁹²⁾.

3). О лбедѣ.

Съ того, кто искалъ *поклепнаго* иску напрасно, въ намѣреніи *испродать* кого напрасно, взыскивалось въ пользу отвѣтчика проѣсти по гривнѣ въ день, со дня начатія суднаго дѣла по день вершенія, для того, чтобы инымъ не повадно было *поклепными* исками другихъ напрасно *убытчить*⁽²⁹³⁾. Истецъ, который приписывалъ лишнее въ своемъ искѣ, получалъ отказъ въ *лишкѣ*, да на немъ же доправлялось Государевой пошлщины втрое съ *приписнаго* иску, за то: *ищи прямого, а лишняго не приписывай*⁽²⁹⁴⁾. Кто *пристаптъ* къ кому во многихъ *поклепныхъ* искахъ, въ бою и въ грабежѣ, и не *идя* въ судъ возметъ съ того, къ кому онъ приставитъ, *что небольшое*, отступитъ отъ того дѣла, потому что *наклепалъ*, съ того взыскивалось пени на Государя пять рублей; а взятое за отступленіе возвращалось вдвое тому, у кого взято, да сверхъ того виновный подвергался жестокому наказанію кнутомъ нещадно у приказу при многихъ людяхъ, и сажался въ тюрьму на сколько Государь укажетъ⁽²⁹⁵⁾; за повтореніе сего преступленія, виновный платилъ Государевой заповѣди десять рублей и возвращалъ взятое вдвое и наказывался у приказу кнутомъ на козлѣ, а сажался въ тюрьму на сколько Государь укажетъ, а *до тюрьмы* вѣльно было бить его кнутомъ нещадно⁽²⁹⁶⁾, въ третій разъ виновный *плитилъ* на Государя заповѣди двадцать рублей, взятое возвращалъ вдвое, да подвергался наказанію кнутомъ на козлѣ у приказу и посылался въ торгъ по *идамъ*, чтобы все люди знали, за что ему дѣлается наказаніе, и наказавъ его по торгамъ, вѣльно было *вкннуть* его въ тюрьму на сколько Государь укажетъ, и онъ навсегда лишился права *объявлять* иски⁽²⁹⁷⁾. Давшій на себя какую *кѣпость*, если являлъ и билъ челомъ Государю, что на него та *кѣпость* взята по *неволю* и *слася* на стороннихъ

людей по стачкѣ, а между тѣмъ крѣпость писана на площади и въ *послусьствѣ* писались площадные подъячіе и рука истца была у крѣпости, и отворяется что его крѣпость *прямая*, а не *нарядная*, то самъ челобитчикъ и тѣ люди, которые *по немъ* говорили ложно по стачкѣ, подвергались жестокому наказанію кнутомъ нещадно при многихъ людяхъ, чтобы и другимъ впередъ неповадно было такъ дѣлать, да съ виновнаго же вѣрно было доправить безчестіе въ пользу того, противу кого дѣло затѣялъ напрасно, и еще онъ подвергался тюремному заключенію на полгода⁽²⁶⁸⁾.

4). О ложныхъ показаніяхъ на повальныхъ обыскахъ.

Въ дѣлахъ уголовныхъ обыскъ служилъ средствомъ для рѣшенія вопроса: обвиняемый есть ли человекъ *добрый* или *лихой*. Если изъ обыска открывалось, что обвиняемый человекъ добрый, то для обвиненія его нужно было виѣшнее дѣйствіе; если же напротивъ, въ обыскѣ оговаривали обвиняемаго какъ вѣдомаго лихаго человека, то онъ всегда подвергался наказанію, а виѣшнее дѣйствіе считалось нужнымъ только для того, чтобы опредѣлить степень его. Обыскъ употреблялся когда былъ поводъ подозрѣвать обвиняемаго, не только изъ доносовъ, обвиненія со стороны истца, но когда преступникъ, подвергаемый пыткѣ (*языкъ*), называлъ кого сообщникомъ своимъ. Вообще въ нашихъ древнихъ постановленіяхъ, которыя служили основаніемъ Уложенію и въ самомъ Уложеніи, обыскъ имѣлъ важныя послѣдствія для оговореннаго; по этому обращено было вниманіе, чтобы не могло быть въ немъ злоупотребленій. Для достиженія сей цѣли, сыщики, посылаемые для отобранія показаній, должны были внушить обыскнымъ людямъ, чтобы они сказывали въ обыскѣ прямо вправду, никого не страшась и никому не поровня, и что за ложное показаніе будутъ они отъ Государя въ великой опалѣ и въ казни. Сыщики обязаны были обыскивать вправду, другу не дружить, а недругу не метить и смотреть *накрѣпко*, чтобы обыскные люди семьями стакавшись не лгали; за нарушеніе своей обязанности, сыщики подвергались великой опалѣ и казни отъ Государя⁽²⁶⁹⁾. За ложныя показанія въ обыскахъ, обыскные люди подвергались слѣдующему наказанію: платили пеню на Государя, Архимандриты пятьдесятъ рублей, игумены и келари сорокъ рублей, казначей, строители и соборные старцы тридцать рублей, рядовые братья пять рублей, служки монастырскіе большихъ монастырей двадцать рублей, служки меньшихъ монастырей и дѣтеныши всѣхъ монастырей пять рублей, протопопы сорокъ рублей, протодьяконы тридцать рублей, попы

двадцать рублей, дьяконы и церковные дьячки десять рублей, стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, жильцы, городовые дворяне, дѣти боярскіе и ослушники, которые обысковъ дать не захотѣли, тридцать рублей; посадскіе старосты двадцать рублей; посадскіе люди, ямщики, прикащики вотчинниковъ и помѣщиковъ десять рублей, крестьяне и бобыли по рублю. Сверхъ того изъ обыскныхъ людей десятый подвергался наказанію кнутомъ, а лица, принадлежавшія къ духовному званію, отсылались для смиренія къ Патріарху, къ Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ, кто въ чьей *области* былъ. Кромѣ того, обыскные люди, если лживымъ своимъ показаніемъ нанесли убытокъ истцу или отвѣтчику, должны были возратить весь убытки, проѣсти и волокиты; если же вслѣдствіе ложныхъ показаній кто либо былъ пытанъ, то пытанному платили безчестіе и увѣче въ четверо, чтобы впередъ не лгать⁽²⁷⁰⁾. Обыскные люди, которые скрывали разбойниковъ и татей, говоря во время обыска, что ихъ нѣтъ, подвергались тому же наказанію, какъ положено было за лживыя показанія⁽²⁷¹⁾. Правило это заимствовано Уложеніемъ изъ Уставной книги Разбойнаго Приказа⁽²⁷²⁾, по которой за такой проступокъ съ обыскныхъ людей доправлялась выть, да изъ *лучшихъ* людей человека по два или по три вѣрно бить кнутомъ.

Если *обчая ссылка* по посуламъ, или почему нибудь другому, преступивъ законъ Божій, солгала и оговорила кого не по виѣ, то она подвергалась жестокому наказанію, нещадному біенію кнутомъ и должна была возратить убытки, происшедшіе отъ ложнаго показанія⁽²⁷³⁾.

5). О бродяжничествѣ и укрывательствѣ бѣглыхъ.

Уложеніе говоритъ объ этомъ предметѣ въ XI главѣ, названной *судъ о крестьянахъ*. Глава эта есть пополненное и исправленное собраніе правилъ о крестьянахъ, издаваемыхъ въ разныхъ узаконеніяхъ, предшествовавшихъ Уложенію, какъ то: указа Царя Феодора Иоанновича, по которому онъ въ 1592 г. велѣлъ составить книги для приписки крестьянъ къ извѣстнымъ землямъ и къ владѣльцамъ, отъ которыхъ они не могли болѣе отходить, постановленіе измѣненное указомъ Царя Бориса Феодоровича Годунова 21 Ноября 1601, по которому крестьянамъ опять разрешено было переходить отъ одного владѣльца къ другому съ нѣкоторыми ограниченіями и Болрскаго приговора 1 Февраля 1606, по которому крестьянамъ положено было оставаться у тѣхъ владѣльцевъ, за которыми они были писаны по книгамъ 1592 г. и нѣкоторыхъ

другихъ узаконеній, служившихъ пополненіемъ къ симъ главнымъ узаконеніямъ.

Крестьяне, бѣжавшіе изъ селъ Государевыхъ разныхъ наименованій къ частнымъ владѣльцамъ, должны были быть возвращаемы безъ урочныхъ лѣтъ на старыя *жеребья*, по писцовымъ книгамъ съ женами, дѣтьми и со всеми ихъ животами⁽²⁷⁵⁾; тоже самое правило существовало для владѣльческихъ крестьянъ, бѣжавшихъ въ Государевы волости⁽²⁷⁴⁾; впрочемъ возвращались только тѣ крестьяне, которые бѣжали послѣ составленія писцовыхъ книгъ⁽²⁷⁶⁾. Съ изданія Уложенія вѣлно было бѣжавшихъ отъ одного владѣльца къ другому всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей съ братьею, съ дѣтьми, племянниками и внуками, съ женами и съ дѣтьми, со всеми животами, съ хлѣбомъ, солячимъ и молочнымъ, отдавать тѣмъ владѣльцамъ, отъ которыхъ бѣжали, и впредь отнюдь никому чужихъ крестьянъ не принимать и за собою не держать⁽²⁷⁰⁾ и кромѣ того съ передержателя взыскивалось въ пользу владѣльца по десяти рублей въ годъ за каждаго крестьянина⁽²⁷⁷⁾. Если съ помѣстья убѣжить крестьянская дочь дѣвка, или вдова и выйдетъ за чьего кабальнаго человѣка или крестьянина, то она возвращалась владѣльцу съ мужемъ и дѣтьми⁽²⁷⁸⁾, но если она выйдетъ за вдовца, то хотя мужъ отдавался, но дѣти отъ перваго брака оставались за владѣльцемъ⁽²⁷⁹⁾. Бѣглый человѣкъ, женившійся въ бѣгахъ на дочери посадскаго, возвращался владѣльцу съ женою и съ дѣтьми⁽²⁸⁰⁾. Если къ владѣльцу явится вольный человѣкъ и захочетъ записаться за нимъ, то владѣлецъ долженъ былъ сперва подлинно провѣдать прямо ли онъ вольный человѣкъ⁽²⁸¹⁾; если же подлинно не провѣдавъ прійметъ чужаго крестьянина или бобыля, то долженъ былъ заплатить въ годъ за каждаго человѣка по десяти рублей, на томъ основаніи что *не провѣдавъ подлинно, не пріймай чужаго*⁽²⁸²⁾. Кто, желая укрѣпить чужихъ бѣглыхъ людей, возьметъ на нихъ кабалы или *записи во многой ссудѣ*, тотъ не имѣлъ суда по тѣмъ кабаламъ и крѣпостямъ, такъ какъ онымъ не вѣлно было вѣрять, а посему и лишался ссуды своей на основаніи слѣдующаго правила: *не пріймай чужихъ крестьянъ и бобылей и не давай имъ ссуды*⁽²⁸⁵⁾. Кто въ судѣ запирался въ передерживаніи чужихъ крестьянъ и въ томъ *отцѣловался*, а послѣ тѣ крестьяне объявятся у него, то вѣлно было отобрать ихъ у него со всеми животами, а ему за вину, что онъ крестьянъ поцѣловалъ не по правдѣ чинилось жестокое наказаніе кнутомъ по торгамъ въ продолженіи трехъ дней, чтобы многимъ людямъ было вѣдомо, за что его такому наказанію подвергнули и сверхъ того сажался онъ въ тюрьму на годъ и впредь ему ни въ чемъ не вѣрили и

ни въ какихъ дѣлахъ ни на кого суда не давали⁽²⁸⁴⁾. Если же отъ владѣльцевъ крестьяне убѣжали за рубежъ въ Нѣмецкую или Литовскую сторону, и за рубежомъ женились на бѣглыхъ женкахъ или дѣвкахъ другихъ помѣщиковъ, а послѣ возвратились къ прежнимъ владѣльцамъ, то имъ давали жребій, и кому вѣйметса, тому за дѣвку или женку или за мужика вѣлно дать выводу пять рублей, для того, что они оба были въ бѣгахъ за рубежомъ⁽²⁸⁶⁾.

• ОТДѢЛЪ ДЕВЯТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ.

Въ Уложеніи немного постановленій, относящихся къ преступленіямъ противу правственности; даже въ составъ его не вошли распоряженія, встречаемыя въ разныхъ особыхъ постановленіяхъ, предшествовавшихъ ему. За противузаконное сожителство владѣльца въ дому съ рабою и прижитье съ нею дѣтей, виновные отсылались въ Москвѣ на Патриаршій дворъ, къ патриаршимъ приказнымъ людямъ, а въ городахъ къ Митрополитскимъ и Архіепископскимъ приказнымъ людямъ, гдѣ изслѣдованіе производилось Святительскимъ судомъ, а наказаніе полагалось по правиламъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ⁽²⁸⁷⁾. Сводничество тоже запрещалось; вотъ что Уложеніе говоритъ объ этомъ предметѣ: «а будетъ кто мужескаго полу или женскаго забывъ страхъ Божій и Христіанскій Законъ, учнутъ дѣлать свады женками и дѣвками на блудное дѣло, а сыщется про то допряма: и имъ за такое беззаконное и скверное дѣло учинити жестокое наказаніе, бити кнутомъ»⁽²⁸⁷⁾. На поляхъ подлиннаго списка Уложенія, хранившагося въ Оружейной Палатѣ, отмѣчено противу этой статьи, что она заимствована изъ Литовскаго Статута; и если сравнить самое содержаніе этой статьи съ Литовскимъ Статутомъ, то вполне можно убѣдиться въ справедливости отмѣтки; только въ опредѣленіи наказанія существуетъ большое различіе: въ Статутѣ Литовскомъ за этотъ родъ преступленія опредѣлено было наказывать отрѣзываніемъ носа, ушей, рта и изгнаніемъ изъ города; а если виновникъ послѣ наказанія опять спискивали пропитаніе столь гнуснымъ промысломъ, то подвергались смертной казни⁽²⁸⁸⁾.

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ
— 54 —
ОТДѢЛЪ ДЕСЯТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВЪ ЗАКОНОВЪ О СОСТОЯНІЯХЪ.

Когда Новгородъ слился съ Московскимъ Государствомъ своимъ существомъ, своими богатствами и торговымъ образованіемъ, тогда Москва изъ военнаго стана быстро сдѣлалась столицей промышленности, и въ города Бѣломъстцевъ (дворянъ) раскинулся обширный городъ чернослободцевъ; Москва сдѣлалась городомъ. Однако не смотря на свою блестящую паружность, до времени Уложенія она состояла на деревенскомъ положеніи; прочіе города Московскаго Государства были также большими деревнями. Изъ XIX-й главы Уложенія о посадскихъ людехъ видно, что до того времени Москва была ничто иное, какъ военный станъ Московскихъ Государей и собраніе отчинныхъ деревень. Кремль, обнесенный множествомъ дворянскихъ домовъ съ птичьими дворами, житницами, кладовыми, погребами, составлялъ Царевъ-городъ; онъ опоясывался Бѣлымъ городомъ, гдѣ жили военные чины съ ихъ прислугами. Въ земляномъ городѣ начинались дѣловые и оброчныя слободы, принадлежавшія въ собственность Царю, Патріарху, Митрополитамъ, монастырямъ, боярамъ, дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ. Москва была объята крѣпостнымъ правомъ; прочіе города болѣе или менѣе были также вотчинами дворянства, духовенства и двора Государева. Царь Алексѣй Михайловичъ, вѣрный своей мысли утвердить свое Государство, повелѣлъ, чтобы вездѣ было его Великаго Государя Государство, и чтобы горожане ни чьимъ именемъ, кромѣ его Государева имени, не назывались, и навсегда избавилъ города отъ крѣпостнаго состоянія. Съ сего времени крѣпостные слобожане должны были или продать свои городскіе дома и лавки тяглымъ Государевымъ людямъ, или оставивъ сельское званіе, навсегда вступить въ городское сословіе⁽²⁰⁰⁾. Для достиженія этой цѣли, принимаемы были Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ разныя мѣры, даже въ то самое время, когда Уложеніе слушалось и составлялось; такъ изъ сыскныхъ дѣлъ⁽²⁰¹⁾, сыскиваемыхъ бояриномъ княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, видно, что встарину при Царяхъ Іоанизъ IV и Феодоръ Іоанновичъ во всемъ Московскомъ Государствѣ въ Москвѣ и по городамъ, на посадахъ и около посадовъ, слободъ и пашенъ и въ кабацкихъ откупщикахъ, патріаршихъ, митрополичьихъ, владычныхъ, монастырскихъ боярскихъ и околичихъ и думныхъ и ближнихъ и другихъ

чиновъ, ничьихъ крестьянъ небывало, а въ Царствованіе Алексѣя Михайловича, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ городахъ, гдѣ прежде бывали выгоны, устроены патріаршія, монастырскія, боярскія и людей другихъ чиновъ слободы и пашни на искони вѣчной Государевой землѣ; да кромѣ того, эти крестьяне покупали и брали въ закладъ тяглые дворы, лавки, погреба каменные, и торговали всякими товарами и своею мочью и заступою, откупали въ Москвѣ и по городамъ таможи, кабаки и всякіе откупа, оттого служилые и тяглые люди обидѣли и одолжали неоплатными долгами. Государь велѣлъ всѣхъ этихъ крестьянъ, живущихъ въ городахъ до 1613 г. записать въ тягло и быть имъ за Государемъ и ни за кого въ закладчики не записываться и ничьими крестьянами и людьми не называться, въ противномъ случаѣ велѣно было имъ чинить жестокое наказаніе, бить ихъ кнутомъ по торгамъ и ссылатъ въ Сибирь на житье на Лену; тому же наказанію подвергались и тѣ, которые принимали ихъ въ закладчики. По Указу 1649 Сентября 15⁽²⁰¹⁾ запрещено было въ Галчѣ имѣть боярскимъ и монастырскимъ крестьянамъ амбары, лавки, погреба и варницы; за нарушеніе указа, проданное имущество поступало безсрочно и безденежно на Государя, а продавцевъ велѣно было бить кнутомъ пещадно, чтобъ инымъ впередъ не повадно было мимо Указу того дѣлать.

Въ самомъ Уложеніи находимъ слѣдующія распоряженія: всѣхъ каменныхъ людей, жившихъ въ Московскихъ слободахъ, велѣно было свести на свои дворы⁽²⁰²⁾, всѣмъ пашенымъ крестьянамъ въ Москвѣ и въ городахъ, у которыхъ были лавки, погреба и соляныя варницы, велѣно было продать оныя Государевымъ тяглымъ людямъ, а впредь запрещено было держать⁽²⁰³⁾. Выгонныя земли, принадлежація городамъ, кѣмъ либо взятыя, велѣно было отобрать и возвратитъ городамъ⁽²⁰⁴⁾. Всѣмъ Государевымъ людямъ запрещено было записываться за кого либо въ закладчики и называться чьими либо людьми или крестьянами; за нарушеніе сего постановленія, велѣно имъ дѣлать жестокія наказанія, бить кнутомъ по торгамъ и ссылатъ въ Сибирь на житье на Лену; тѣмъ же, которые принимали за себя Государевыхъ людей въ закладчики, поставлено было быть въ великой опалѣ отъ Государя, и земли, на которыхъ жили закладчики, велѣно имѣть на Государя⁽²⁰⁵⁾. Кто своихъ людей не имѣлъ, тотъ могъ держать на своихъ загородныхъ дворахъ и огородахъ по одному человеку на каждомъ; кто же держалъ многихъ крестьянъ и бобылей, у тѣхъ они отбирались и отдавались въ тягло⁽²⁰⁶⁾. Крестьянцѣ, купившіи послѣ изданія Уложенія тяглые дворы или лавки и погреба, ли-

пался своей покупке въ пользу Государя, да подвергался великой опалѣ отъ Государя и торговой казни⁽²⁹⁷⁾. Кабалная запись, данная посадскимъ, не имѣла законной силы⁽²⁹⁸⁾. Тяглые люди не могли продавать *бѣломъстцамъ* своихъ дворовъ; тоже запрещено было писать завладѣнія вмѣсто купчихъ; за неисполненіе сего постановленія, дворы отдавались въ сотни безденежно, а продавцы наказывались кнутомъ⁽²⁹⁹⁾.

Холопъ, который бѣжалъ отъ стараго своего бодрина и билъ челомъ въ дворъ иному и тѣмъ учинившій ссору, подвергался наказанію кнутомъ на козлѣ пещадно передъ холопымъ приказомъ, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было⁽³⁰⁰⁾. Кто бралъ кабалу *подставою*, тотъ подвергался наказанію кнутомъ⁽³⁰¹⁾.

Нѣмцамъ и Нѣмкамъ запрещено было у Русскихъ людей покупать и брать въ закладъ дворы и дворовыя мѣста въ Москвѣ въ Китаѣ, въ Бѣломъ и Земляномъ городахъ и загородныхъ слободахъ, и для сего запрещено было принимать къ запискѣ купчія; Русскіе же, которые закладывали или продавали свои дворы Нѣмцамъ, подвергались опалѣ отъ Государя⁽³⁰²⁾.

ОТДѢЛЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ ЛИЧНЫХЪ ПРАВЪ ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ.

1). *Смертоубійство.*

Въ древнѣйшемъ законодательствѣ нашемъ, смертоубійство называлось *разбоемъ*. Разбой былъ общимъ названіемъ какъ для убійства, такъ и для грабежа, и для насильственнаго завладѣнія чужимъ имуществомъ. Въ этомъ смыслѣ слово разбой встрѣчается въ Русской правдѣ. Лѣтописецъ, сообщая объ отмъщѣ Владиміромъ смертной казни, говоритъ: *Умножишася злыя разбои*. Карамзинъ объясняетъ, что подъ разбоемъ разумѣли въ то время убійство⁽³⁰³⁾. Въ договорѣ Смоленскаго Князя Мстислава Ростиславича съ Ригю, Готландією и Нѣмецкими городами, сказано: «Богъ того не дай, » оже разбой погрѣхомъ пригодится межн Нѣмци и Руси, что зачто платити, » абы миръ не раздрушенъ, абы Нѣмцию любо было⁽³⁰⁴⁾». Здѣсь тоже разбой принимается за родовое понятіе, котораго виды были: убійство, увѣчье, раны, побои и т. п.; даже до конца XIV вѣка онъ имѣлъ это значеніе⁽³⁰⁵⁾. Но

сначала XV столѣтія, когда гражданскія преступленія получили болѣе определенности, смертоубійство начали отдѣлять отъ разбоя; оно получило названіе *душегубства*⁽³⁰⁶⁾. Въ Судебникѣ убійство продолжаетъ называться *душегубствомъ*⁽³⁰⁷⁾. Но въ послѣдствіи и это названіе исчезаетъ, а остается названіе *убійства*⁽³⁰⁸⁾. Въ Уложеніи это понятіе выражается слѣдующими словами: *побиваніе людей, убійственныя дѣла, смертное убійство и убійство*. Впрочемъ, до Уложенія, смертоубійство всегда разсматривалось вмѣстѣ съ разбоемъ, грабежемъ и татными дѣлами, даже тоже самое замѣчалось въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа, полнѣйшемъ сборникѣ древняго Русскаго Уголовнаго законодательства. Можно сказать, что смертоубійство было почти только обстоятельствомъ, усиливающимъ виновность людей, занимающихся разбоемъ и воровствомъ, и что оно не разсматривалось отдѣльно отъ нихъ; но Уложеніе сдѣлало важное пополненіе: оно недовольствуясь прежнимъ взглядомъ разсматриваетъ смертоубійство отдѣльно отъ другихъ преступленій. Этотъ важный шагъ въ усовершенствованіи понятій о предметахъ, относящихся къ Уголовному праву, слѣдуетъ приписать знакомству съ Литовскимъ Статутомъ и тщательнѣйшему изученію Уголовныхъ Греческихъ законовъ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ тому служить то, что смертоубійство разсматривается въ двухъ главахъ Уложенія: въ XXI и XXII; въ первой изъ нихъ, основанной на древнемъ Русскомъ правѣ, смертоубійство разсматривается въ совокупности съ разбоемъ, съ татными дѣлами, а во второй — смертоубійство разсматривается отдѣльно отъ нихъ, а въ этой XXII главѣ почти всѣ статьи основаны на градскихъ законахъ и на Литовскомъ Статутѣ, какъ это также отмѣчено на поляхъ списка Уложенія, хранившагося въ Оружейной палатѣ; въ X главѣ говорится объ убійствѣ, какъ о послѣдствіи споровъ, обидъ, боя и насильства.

Сынъ или дочь, убившіе отца или мать, подвергались смертной казни безъ всякой пощады⁽³⁰⁹⁾. Правило это взято изъ градскихъ законовъ, какъ это и отмѣчено въ спискѣ Уложенія, только въ градскихъ законахъ полагается видъ смертной казни, именно: сожженіе⁽³¹⁰⁾. Лица постороннія, которыя учинили убійство вмѣстѣ съ дѣтьми, подвергались тоже смертной казни безъ всякой пощады⁽³¹¹⁾. Родители, убившіе дѣтей до смерти, сажались въ тюрьму на годъ, а отсиживъ въ тюрьмѣ положенный срокъ, они должны были приходять въ церковь и въ церкви объявлять свой грѣхъ всѣмъ людямъ вслухъ; смертию же наказывать родителей за убійство дѣтей запрещено было⁽³¹²⁾. Правило это взято изъ Литовскаго Статута, по которому родители

за умышленное убійство дѣтей своихъ подвергались тюремному наказанію въ продолженіе года и шести недѣль, а послѣ того, какъ отсидѣли положенный срокъ, должны были въ продолженіе года четырежды при церкви или костелѣ во время служенія творить покаянія и явно объявлять свой грѣхъ всему собранію христіанъ⁽³¹³⁾. Убившіи брата или сестру, или приказавшіи ихъ умертвить, подвергались смертной казни вмѣстѣ съ исполнителями приказанія⁽³¹⁴⁾. Это правило тоже взято изъ Литовскаго Статута, по которому положена была тоже смертная казнь, а сверхъ того имущество убійцы отдавалось оставшимся братьямъ и сестрамъ или ближайшимъ родственникамъ⁽³¹⁵⁾. Слуга, убившіи господина своего, подвергался смертной казни безъ всякой пощады; если же вынималъ оружіе противу господина своего, въ намѣреніи убить, то ему отскакала рука⁽³¹⁶⁾. Въ Литовскомъ Статутѣ постановлены тѣже самыя наказанія⁽³¹⁷⁾. Жену, которая убьетъ мужа, или окормитъ его отравою, живую *окапывали* въ землю безъ всякой пощады, хотя бы дѣти убитаго или ближніе родственники не желали, чтобы ее казнить; ей *отнюдь* не вѣльно было *дать милости* и вѣльно держать ее въ землѣ до тѣхъ поръ, пока умретъ⁽³¹⁸⁾. Убійца, совершившіи смертоубійство съ умысломъ, подвергался смертной казни⁽³¹⁹⁾. Слуга, учинившіи убійство своимъ умысломъ безъ приказанія своего господина, наказывался смертию; но господинъ, для утѣшенія себя отъ виновности, долженъ былъ представить убійцу въ Приказъ и самъ о преступленіи извѣститъ⁽³²⁰⁾. Эта статья взята изъ Литовскаго Статута⁽³²¹⁾. Отравитель тоже подвергался смертной казни, только сперва допрашивался, не дѣлалъ ли онъ подобнаго преступленія прежде⁽³²²⁾. Пріѣхавшіи къ кому нибудь на дворъ насильствомъ, скопомъ и заговоромъ *умысли воровски* и учинившіи надъ его женою, дѣтьми или людьми смертное убійство, подвергался смертной казни, а товарищи наказывались кнутомъ и ссылались, куда Государь указывалъ⁽³²³⁾. Это постановленіе тоже заимствовано изъ Литовскаго Статута; впрочемъ Уложеніе измѣнило наказаніе для товарищей убійцы, которые по Статуту подвергались одинаковому наказанію съ убійцею, а именно: смертной казни⁽³²⁴⁾. Разбойники и тати, сопровождавшіе свои насильственныя дѣйствія смертоубійствомъ, подвергались смертной казни⁽³²⁵⁾. Источникомъ для этой статьи былъ боярскій приговоръ, данный въ Разбойный Приказъ при Царѣ Борисѣ Федоровичѣ⁽³²⁶⁾. Блудница, погубившая дѣтей прижитыхъ въ блудъ или кто либо другой лишившіи ихъ жизни по ея вѣльнiю, подвергался смертной казни безъ всякой пощады, чтобы на то смотря, иные такового беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялись⁽³²⁷⁾.

Кромѣ убійства умышленнаго, въ Уложеніи разсматриваются разные случаи неосторожнаго и случайнаго убійства. Человѣкъ съ похвалы или пьянства или съ умысломъ насакавшій на лошади на женщину, и лошадью ея стопавшій и повалившій, подвергался жестокому наказанію — биченію кнутомъ нещадно, платилъ безчестіе и увѣче вдвое, да сажался въ тюрьму на три мѣсяца, если женщина беременная оставалась жива, а дитя будетъ рождено мертвое; но если женщина умретъ, то виновный подвергался смертной казни⁽³²⁸⁾. Хотя въ подлинномъ спискѣ Уложенія, хранившемся въ Оружейной Палатѣ противу этой статьи отмѣчено, что она взята изъ Литовскаго Статута, однако въ наказаніи замѣтно большое различіе; за это дѣйствіе по Литовскому Статуту, виновный, если мать останется жива, а только плодъ погибнетъ, подвергался тюремному содержанію на три мѣсяца, и въ продолженіе года четыре раза, а именно: въ праздникъ Рождества Христова, въ Срѣтеніе, въ день Пасхи и въ день Сочествія Святаго Духа, долженъ былъ внутри церкви, стоя на мѣстѣ нарочно для сего приготовленномъ, возвышенномъ на локоть отъ земли, явно объявить свой грѣхъ всѣмъ входящимъ людямъ, и давать объясненіе въ томъ, что будетъ избѣгать повторенія; если же мать лишалась жизни, то виновный подвергался смертной казни⁽³²⁹⁾. Если боярскій человѣкъ убьетъ боярскаго человѣка неумышленно, въ дракѣ, пьянымъ дѣломъ, то послѣ того, какъ подвергался наказанію кнутомъ, убійца отдавался на чистую поруку съ записью, что ему впредь *не воровать* и выдавался тому, у кого онъ человека убилъ, въ холопи, съ женою и дѣтьми; но если владѣлецъ убитаго не хотѣлъ принимать убійцу, то получалъ пятьдесятъ рублей съ того, кому убійца служилъ⁽³³⁰⁾. Въ случаѣ неумышленнаго убійства крестьяниномъ крестьянина, принадлежавшаго другому владѣльцу, полагалось тоже самое наказаніе; только если владѣлецъ не хотѣлъ принимать къ себѣ убійцу, онъ не получалъ денегъ, но выдавался ему другой крестьянинъ⁽³³¹⁾; если же убійство чужаго крестьянина совершено неумышленно сыномъ Боярскимъ, его сыномъ, племянникомъ или прикащикомъ, то выбирался лучшій человѣкъ изъ его помѣстья и, со всѣмъ семействомъ и животами, отдавался владѣльцу убитаго; сверхъ того допрашивался съ убійцы кабалные долги убитаго и сажался онъ въ тюрьму до Государева указа⁽³³²⁾. Всѣ сіи правила о вознагражденіи владѣльцевъ за неумышленное убійство взяты, за небольшими измѣненіями, изъ боярскихъ приговоровъ 1625 г. Октября 17 и 1626 г. Февраля 17, состоявшихся по докладу боярина князя Дмитрія Михайловича Прозоровскаго и помещенныхъ въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа⁽³³³⁾.

Уложеніе, пользуясь правилами, изложенными въ 15 и 23 артикулахъ XI раздѣла Статута Литовскаго, исчисляетъ виды случайнаго убійства: 1) когда лошадь отчего испугавшись, узду изорвавъ, разнесетъ и нельзя будетъ ее удержать; 2) когда кто будетъ стрѣлять изъ пистолета или изъ лука по звѣрю, или по птицѣ, или по *примѣть*, и стрѣла или пуля исплыветъ и убьетъ кого за горою или за городьбою; 3) если кто какимъ либо *обычаемъ* кого убьетъ до смерти деревомъ или камнемъ, или чѣмъ *побудитъ нарочнымъ дѣломъ*. За такое убійство не велѣно было никого казнить смертию, и въ тюрьму сажать, потому что такое дѣло учинилось *грѣшнымъ дѣломъ*, безъ умышленія (354). Къ случайному убійству можно причислить убійство *выданнаго* чело-вѣка, за которое впрочемъ полагалось наказаніе по указанію Государя (355).

Убійство при необходимой оборонѣ освобождало отъ вины, если на-паденіе было сдѣлано на домъ, потому что убитый, сдѣлавшій нападеніе, считался самъ причиною своей смерти: *ему то убійство учинится отъ себя: не пріѣзжай на чужой домъ насильствомъ* (356). Также освобождался отъ вины убившій татя съ поличнымъ въ дому своемъ, или если тать убьжитъ, и когда будетъ настигнуть, начнетъ защищаться (357); и убившій того, кто воровалъ на полѣ хлебъ жатый, сѣно, или жавшаго хлебъ *украдомъ*, если тати дѣлали сопротивленіе при задержаніи (358).

2). *Нанесеніе увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровью и обиды.*

Наказанія за нанесеніе увѣчья, ранъ и поврежденій установлены Русской Правдой. Она въ этомъ предметѣ развиваетъ принятыя ею Германскія начала и примѣняетъ виру почти ко всемъ возможнымъ тѣлеснымъ поврежденіямъ. Весьма удачно сказалъ г. Иванищевъ (359), что въ Русской Правдѣ, со всею Нѣмецкою расчетливостію, жизнь дробится по мелочамъ, и всякое насильственное прикосновеніе къ жизненной силѣ другаго, имѣетъ свою особенную цѣну. Плата эта называлась *продажею* и *полувиріемъ*, и противопоставлялась особой платѣ, которую получало частное лицо за *обиду*, подъ именемъ которой понимали всѣ роды поврежденій, кромѣ убійства; за отсѣченіе руки полагалось *полувиріе*, по нѣкоторымъ спискамъ 40 гривенъ, а по другимъ за отсѣченіе же руки, ноги или носа и лишеніе глаза 20 гривенъ (360); за вышибенный зубъ и за вырванный клочъ бороды полагалась *продажа* въ 12 гривенъ (361); за отсѣченіе пальца 3 гривны за обиду; за мучительное самовольное истязаніе или самоуправство въ видѣ Уголовной казни, по различію нѣкоторыхъ условій, установлены были различныя пени, а именно: *если утя-*

жуютъ въ муку, а посидитъ у дворянина 8 ногать за ту муку, а у колоколь-ницы быють кнутомъ, а за ту муку 80 гривенъ (362). Если смердь *умучитъ* смерда безъ княжа слова, то 3 гривны *продажи*, а за муку гривна кунъ; по другому списку за ту же вину положено за обиду 3 гривны (363); если мука причинялась *огнищанину, тивуну и мельнику*, то полагалось 12 гривенъ, а по другому списку полагалось 12 гривенъ *продажи* и за муку гривна кунъ (364). За причиненіе побоевъ *рукою меча, батогомъ, чашею, рогомъ и тѣлесною*, полагалось по 12 гривенъ за обиду (365). За рану мечемъ платилось *продажи* 2 гривны, а раненому на леченіе (366); за *вышутіе меча безъ нанесенія ранъ*, виновный долженъ былъ положить гривну кунъ (367). Кромѣ Русской Правды, еще въ другихъ памятникахъ древняго Русскаго права упоминается объ увѣчьи; въ договорахъ Олега и Игоря сказано: «Аще ударитъ мечемъ или копьемъ, или кацѣмъ или инымъ сосудомъ, да того дѣля грѣха заплатитъ серебра литръ пять по закону Русскому» (368). Такъ называемыя *Узаконенія Константина* или *законъ судный людямъ* или *Судебникъ людямъ*, помѣщенные въ Харатейномъ Сборникѣ, принадлежащемъ Императорскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, и изданныя во II-мъ томѣ Русскихъ Достопамятностей, заключаютъ слѣдующее постановленіе объ этомъ предметѣ: «аще сва-рятся 2 мужа ти ударитъ одинъ друга камнемъ или пястью ти не умретъ, но сляжетъ, но живъ аще вставъ мужъ походитъ въ о жезль, чистъ есть ударивый его тоцью на излежанье, да дастъ чьбу (на цѣльбу)», и въ другомъ мѣстѣ того же собранія: «аще сваритися два мужа, ти ударитъ одинъ друга своего камнемъ или пястью ти не умретъ, но сляжетъ на ложе аще и вставъ походитъ о посохъ чистъ есть ударивый, тои токми недѣли его да дастъ въ чьбу» (369). О томъ же упоминается въ *главахъ о послушяхъ*, которыя помѣщены въ нѣкоторыхъ кормчихъ Кирилловскаго Разряда передъ Русской Правдой, а иногда отдѣльно, извлеченныхъ изъ разныхъ источниковъ Византійскаго права, на которые довольно подробно указывается въ оглавленіи каждой статьи, и въ которыхъ очевидно двѣ статьи взяты изъ Русскихъ источниковъ; главы о *послухахъ* ни гдѣ не были печатаны; но г. Калачевъ (370), исчисливъ известные списки оныхъ, напечаталъ статьи, имѣющія связь съ Русской Правдой, изъ которыхъ важны для разсматриваемаго нами предмета слѣдующія: «аще ударитъ мечемъ или ножемъ, а не утнетъ на смерть, то князю вины 9 гривенъ, а истьцу за рану судятъ оже *льчебное*, почитетъ ли на смерть, то вира платити». «Аще ли пхнетъ мужъ мужа *любо къ себѣ* *любо отъ себя* или по лицу ударитъ или жердію ударитъ, а безъ наменія, а видокъ будетъ, 9.

» безчестіе ему платити, аже будетъ бояринъ великихъ боярь или меньшихъ боярь или людинъ городскіе или селянскіе, то по его пути платити безчестіе, а оже будетъ Варягъ или Колобягъ крещенія не имѣя, а будетъ има бой, а видокъ не будетъ, ни има ротъ по своей вѣрѣ, а любо на жребіи, а виноватый въ продажи во что обложитъ. — Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Уставу Ярослава опредѣляются пени за безчестіе лицамъ женскаго пола; въ первой сказано: »аще кто пошибаетъ боярскую дочь или боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, Митрополиту также, а меньшихъ боярь гривна золота, а нарочитыхъ людей 2 рубля и Митрополиту 2 рубля, а простой челяди 12 гривенъ купъ, а Митрополиту 12 гривенъ купъ, а князь казнитъ«; а во второй — кто обезчеститъ словомъ »чужую жену (а будетъ Боярская жена), великихъ боярь за срамъ ей 5 гривенъ, а князь казнитъ, а будетъ меньшихъ боярь за срамъ ей 3 гривны золота, а Митрополиту 3 гривны золота; оже будетъ городскихъ людей за срамъ ей 3 гривны серебра (или рубль), а Митрополиту также; сельской же 60 рѣзанъ, а Митрополиту 3 гривны⁽³⁸²⁾«. Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригю и Готскимъ берегомъ, заключеннымъ попомъ Еремѣемъ и Пантелѣемъ Сотскимъ съ Рижскимъ Епископомъ Николаемъ при попѣ Иванѣ и Мейстрѣ Фулкинѣ, по смерти Епископа Алберта въ 1229⁽³⁸³⁾, полагаются слѣдующія наказанія за увѣчья и обиды: »Аже кто холопа оударитъ, гривна купъ, аще око выбьютъ, или руку отътнутъ или ногу или иная которая хромота на тѣль явится, 5 гривенъ серебра; а за зубъ 3 гривны серебра. А кто деревомъ оударитъ челоуѣка до крови, полторы гривны серебра. Аже оударитъ по лицу или за волосы иметь, или батогомъ шибеть: платитъ бес четверти гривна серебра; аже послови пригодется пакость или попови, всякой обидѣ за два челоуѣка платити заць. Аще кто друга ранитъ, а хромоты на тѣль не будетъ, полторы гривны серебра плати«.

Росписаніе платы за тѣлесныя поврежденія, введенное Русскою Правдою и перешедшее изъ нея въ другія постановленія, какъ мы это только что видѣли, въ послѣдствіи исчезаетъ какъ несогласное съ главнымъ основнымъ началомъ, на которомъ основаны были законы о взысканіи за убійство, по которому плата за голову, которую должны были получить родственники убитаго, не опредѣлялись закономъ, а назначалась самимъ истцомъ и представлялась судьямъ на утвержденіе. Подобно какъ за убійство, плата за раны, увѣчья и вообще за поврежденія и обиды, вмѣсто определенной зако-

номъ, назначалась истцомъ, а иногда истецъ предоставлялъ назначеніе оной судьямъ; искъ объ этой платѣ часто оканчивался мировой сдѣлкой безъ участія суда. Доказательствомъ этого можетъ служить мировая запись Тихвинца Гаврила Дровнева съ Иваномъ Аникьевымъ въ порѣзаніи его ножомъ⁽³⁸⁴⁾, въ которой сказано, что раненый получилъ отъ виновнаго по договору за увѣчье, за безчестіе на лѣчбу въ томъ ножевомъ рѣзань. Когда же дѣло доходило до суда, то судьи, не имѣя предъ собою ни какой оцѣнки увѣчья, назначали въ каждомъ особенномъ случаѣ вознагражденіе, смотря по степени увѣчья, что вмѣнено было имъ въ обязанность Судебникомъ Царя Іоанна IV, а за увѣчье указывать крестьянину, смотря по увѣчью и безчестію, и всѣмъ указывать за безчестіе, смотря по челоуѣку и по увѣчью⁽³⁸⁵⁾. Въ Судной Грамотѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича, данной въ 1561 г. Марта 20, Замосковной Вохонской волости, бобровничей полусохи, крестьянамъ сказано: »а увѣчья указывать крестьянину, посмотри по увѣчью«⁽³⁸⁶⁾. Постановленія подобнаго содержанія встрѣчаемъ въ Уставной грамотѣ Переславскаго уѣзда Царскихъ подклѣтныхъ сель крестьянамъ, »а увѣчье указывать крестьянину, посмотри по увѣчью и по безчестію, и всякимъ указывать за увѣчье посмотри по увѣчью и по безчестію и всякимъ указывать за увѣчье посмотри по челоуѣку и по увѣчью⁽³⁸⁷⁾«. Изъ общаго правила представляетъ исключеніе Новгородъ и Псковъ, въ которыхъ вира за побой и за вырваніе бороды держалась довольно долго, и постановленія объ этихъ предметахъ назывались старыми правдою; въ Записи Новгородской о церковномъ судѣ 1477 г., помещенной въ 1-мъ томѣ Актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею подъ № 103, и въ Псковской Судной Грамотѣ 1467 году, изданной г. Мурзакевичемъ, сохранилось слѣдующее постановленіе: »кто у кого бороду вырветъ, а послухъ послушествуетъ, ино ему крестъ цѣловати и битися на полъ; а послухъ неможетъ, ино за бороду присужати два рубля и за бой«. Все вышеприведенное служитъ доказательствомъ тому, что хотя для оцѣнки тѣлесныхъ поврежденій, въ Русской правдѣ употреблена Германская вира, которая повторялась и въ другихъ древнихъ постановленіяхъ, однако, она скоро исчезаетъ предъ началомъ Славянскимъ, по которому самъ истецъ или судья въ каждомъ особенномъ случаѣ опредѣляетъ удовлетвореніе за вредъ⁽³⁸⁸⁾.

Уложеніе разсматриваетъ мѣсто и причину, при которыхъ нанесены раны, увѣчье, поврежденіе и бой. Не смотря здѣсь взысканій за эти преступленія, учиненныя въ церкви, въ присутствіи Государя, на Государевомъ

дворъ и въ судъ, которыя мы уже приводили говоря о преступленіяхъ противу Вѣры и о преступленіяхъ Государственныхъ, здѣсь исчислимъ тѣ случаи, въ которыхъ они рассматриваются какъ нарушеніе правъ частныхъ лицъ, а не нарушеніе святыни или Величества. Въ Уложеніи рассматриваются мучительскія *поруательства*, которыя кто нибудь наносилъ другому *не бояся Бога и не опасаяся Государскія опалы и казни*, а именно: отсѣченіе руки, ноги, носа, уха, обрѣзаніе губы или выколотіе глаза. Виновный наказывался физическимъ возмездіемъ, и сверхъ того dopravлялось съ него въ пользу обиженнаго за руку, ногу, за носъ, ухо, за губы, за глазъ и за всякую рану по пятидесяти рублей⁽³⁶⁰⁾. Наказаніе это не происходитъ изъ началъ отечественнаго права, но установлено вновь, будучи заимствовано изъ Литовскаго Статута, въ которомъ тоже за столь жестокое поругательство полагается физическое возмездіе, и сверхъ того обиженному поругатель долженъ былъ заплатить пятьдесятъ копъ грошей⁽³⁶¹⁾. Впрочемъ, Статутъ вводя физическое возмездіе, говоритъ, что онъ въ этомъ подражаетъ закону Мойсееву. Далѣе Уложеніе рассматриваетъ слѣдующій случай: если какой нибудь *поругатель* кого нибудь зазоветъ или силою заволочетъ къ себѣ на дворъ, начнетъ бить ослопомъ, кнутомъ или батогами, то онъ подвергался наказанію кнутомъ по торгамъ и подвергался тюремному заключенію на мѣсяць, да на немъ dopravлялось въ пользу обиженнаго безчестіе и увѣчье вдвое; ⁽³⁶¹⁾ если же это поругательство учинено чѣмъ нибудь человекомъ по наученію того, кому онъ служитъ, то какъ научающій, такъ и исполнитель подвергались вышеупомянутому наказанію; но если чей нибудь человекъ учинилъ это поругательство надъ кѣмъ нибудь самъ собою, а не по чьему наученію, то подвергался смертной казни⁽³⁶²⁾. Уложеніе запрещаетъ пойманнаго татя пытатъ у себя на дому, не вода въ Приказъ; это дѣйствіе почиталось также нарушеніемъ правъ частнаго лица и съ виновнаго dopravлялось въ пользу татя увѣчье и безчестіе⁽³⁶³⁾. Источникомъ сего постановленія есть тоже *Статутъ Литовскій*⁽³⁶⁴⁾. Если при нападеніи на чей нибудь домъ, кто либо будетъ раненъ, то ранившему отсѣкалась рука, а товарищей его, которые съ нимъ пріѣзжали, велѣно было бить кнутомъ, и всѣ они должны были платить за безчестіе и увѣчье вдвое⁽³⁶⁵⁾. Хотя и этотъ случай заимствованъ изъ Литовскаго Статута, однако наказаніе въ Уложеніи смягчено, ибо въ Статутъ за раны при нападеніи полагалась смертная казнь⁽³⁶⁶⁾. Наконецъ, въ Уложеніи встрѣчаемъ опредѣленіе платы за бой и увѣчье лицъ низшихъ сословій, которая взыскивалась въ слѣдующемъ размѣрѣ: если кто билъ Государевыхъ крестьянъ и во время біенія изувѣчилъ,

выкололъ глазъ, ногу или руку переломилъ или причинилъ другое какое увѣчье, то долженъ былъ заплатить изувѣченному за безчестіе десять рублей; а если *зашибеть*, но никакого увѣчья не сдѣлаетъ, то долженъ былъ заплатить за бой два рубля, боярскимъ людямъ по пяти рублей человекъ, а дѣловымъ людямъ монастырскимъ, помѣщичьимъ и вотчиннымъ крестьянамъ и бобылямъ наравнѣ съ крестьянами Государевыхъ дворцевыхъ сель; а за обиды, нанесенныя *гулящими* людямъ, платили одинъ рубль⁽³⁶⁷⁾. При первомъ взглядѣ можно бы подумать, что Уложеніе имѣло въ виду древніе памятники Русскаго Уголовнаго Права, возстановляя опредѣленную плату за увѣчья; но всматриваясь въ цѣлую систему наказаній за поврежденія принятую Уложеніемъ, это явленіе нельзя приписать ничему другому, какъ вліянію Литовскаго Статута, въ которомъ подробно развита плата за бой и увѣчья, извѣстная подъ названіемъ *навязки*, которая опредѣлена со всею подробностью, какъ для лицъ принадлежащихъ къ дворянскому сословію, такъ и для лицъ принадлежащихъ къ простымъ и городскимъ сословіямъ⁽³⁶⁸⁾.

Кромѣ взысканія за нанесеніе ранъ и увѣчья, въ Россіи запрещались тоже другія обиды относящіяся къ оскорбленію личному; эти дѣйствія извѣстны подъ названіемъ *безчестія*, онъ всегда противуполагался увѣчью. За *безчестіе* взыскивалась денежная плата, которая отъ самаго дѣйствія получила названіе *безчестія*. Вникая въ значеніе сего слова до Уложенія, кажется, что подъ нанесеніемъ безчестія понимали побои, оскорбленіе частнаго лица насильственнымъ вторженіемъ въ его собственность (грабежемъ), клеветаніемъ въ судъ или предъ Государемъ и обвиненіемъ въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ; но съ Уложеніемъ безчестіе разпространено на обиду словомъ; обиды сего рода получали по Уложенію особыя названія, *обезчестить словомъ*, *обезчестить неприкоснись словомъ*; обида словомъ отличалась отъ обиды дѣйствіемъ, *кого рукою ударить*⁽³⁶⁹⁾. Судебникъ опредѣлил количество безчестія; дѣтямъ боярскимъ, за которыми было кормленіе, велѣно было *указывать противу дохода, что на томъ кормленіи по кнотамъ*; постановленіе чрезвычайно важное, потому что служитъ основаніемъ и теперь еще дѣйствующему постановленію, что за обиду чиновнаго лица, взыскивается годовой окладъ его жалованья. За обиду дяковъ палатныхъ и дворцовыхъ не было опредѣлено количество безчестія, а взыскивалось то, что Государь указывалъ; за обиду городскихъ и сельскихъ обывателей полагалось 5 и 1 рубль; кромѣ тѣхъ, доводчиковъ и праведчиковъ, которымъ безчестіе полагалось противу ихъ дохода. Жена получила безчестіе вдвое противу мужа⁽³⁷⁰⁾. По Уложенію, оби-

да словомъ разсматривается со всею подробностію; размѣромъ для вознагражденія принималось какъ лице обиженное, такъ и званіе обидчика; чѣмъ разстояніе въ званіи было ближе, тѣмъ взыскапіе было легче; но чѣмъ разстояніе было значительнѣе, тѣмъ строже было наказаніе. Если бояринъ или окольникій обезчестить словомъ Патріарха, то они отсылались къ Патріарху головою⁽³⁷¹⁾; если же обезчестить словомъ Митрополита, Архіепископа или Епископа, то должны были заплатить Митрополиту четыреста рублей, Архіепископу триста, а Епископу двѣсти; если же кому платить было вѣчѣмъ, то отсылался головою⁽³⁷²⁾. Если же бояринъ, окольникій или думный человекъ обезчестить Архимандрита или Игумена или другое лицо иноческаго чина, то платили безчестія противъ Государева Указа⁽³⁷³⁾. Если же обида словомъ нанесена стольникомъ, стряпчимъ, Московскимъ дворяниномъ, гостемъ, дякомъ, жильцемъ, дворяниномъ и городовымъ боярскимъ сыномъ, иноземцемъ или дворовымъ человекомъ, то за Патріарха били батогами, за Митрополита Архіепископа и Епископа сажали въ тюрьму⁽³⁷⁴⁾. Если же обиду нанесъ человекъ гостинной, сукопной или черной сотни, тяглый человекъ слободъ, стрѣлецъ, казакъ, пушкаръ или кто нибудь другой, то они подвергались за патріарха торговой казни, да сажались въ тюрьму на мѣсяць; за Митрополита били ихъ батогами, да сажали въ тюрьму на четыре дня, за Архіепископа и Епископа тоже подвергались наказанію батогами, да сажались въ тюрьму на три дня⁽³⁷⁵⁾. Для удовлетворенія за безчестіе Архимандритовъ, Игуменовъ, Архидіаконовъ, келарей, казначеевъ, соборныхъ старцевъ и рядовой братіи, полагалось денежное взыскапіе, которое опредѣлялось по важности монастыря, для чего была сдѣлана *лѣстница*⁽³⁷⁶⁾ всемъ монастырямъ; самая высшая степень за обиду Архимандрита была сто рублей, самая низшая двадцать рублей; за обиду Игумена, самая высшая пятьдесятъ, самая низшая пятнадцать рублей; келарю — самая высшая восемьдесятъ, самая низшая десять рублей, казначею — самая высшая семьдесятъ, самая низшая восемь рублей; соборнымъ старцамъ — самая высшая сорокъ рублей, самая низшая пять рублей; а рядовымъ старцамъ всехъ монастырей полагалось по пяти рублей⁽³⁷⁷⁾. Если же были обижены Архимандриты, Игумены, келари и казначеи такихъ монастырей, которые въ лѣстницѣ не были поставлены, то взыскивалось за обиду Архимандрита десять рублей, Игумена — восемь, келаря и казначея — шесть рублей⁽³⁷⁸⁾.

За оскорбленіе блага духовенства полагались слѣдующія взыскапія: кто обезчеститъ протопопа, протодіакона, или попа и діакона соборныхъ

и ружныхъ церквей, съ того доправлялось въ пользу священнослужителей большаго Собора Пречистыя Богородицы взыскапіе въ слѣдующей соразмѣрности: протопопу пятьдесятъ рублей, протодіакону сорокъ рублей, ключарю тридцать рублей, попу двадцать пять рублей, дяку пятнадцать рублей; Благовѣщенскому протопопу, Государеву духовнику сто рублей; Благовѣщенскимъ ключарямъ, попамъ, дякамъ противъ Государева жалованья денежные руги; протопопамъ, протодіаконамъ и попамъ другихъ соборовъ, вѣлно было править за безчестіе противу ихъ окладовъ, что имъ *идеть Государева жалованья денежные руги*⁽³⁷⁹⁾. Въ пользу поповъ и дяковъ приходскихъ церквей, которымъ не полагалось денежныхъ годовыхъ ругъ, взыскивалось безчестіе вполнину противу священнослужителей большаго Причистенскаго собора⁽³⁸⁰⁾. Священнослужителямъ соборныхъ городовыхъ церквей безчестіе доправлялось противу ихъ денежныхъ окладовъ⁽³⁸¹⁾, а въ приходскихъ церквахъ, въ которыхъ не было руги, безчестіе взыскивалось въ половину противъ городовыхъ соборныхъ⁽³⁸²⁾. Наконецъ уезднымъ и безмѣстнымъ попамъ полагалось пять рублей⁽³⁸³⁾, старцамъ мѣстнымъ столько же, безмѣстнымъ три рубля⁽³⁸⁴⁾, дякамъ церковнымъ по три и по два рубля, пономарямъ по два рубля, просвирицамъ по три рубля⁽³⁸⁵⁾. За обиду Патріаршихъ, Митрополичьихъ, Архіепископскихъ и Епископскихъ дяковъ, дѣтей боярскихъ или домовыхъ людей другаго чина, полагалось безчестіе: Патріаршимъ дякамъ по ихъ окладамъ; Патріаршимъ же боярскимъ дѣтямъ 1-й статьи по пятнадцати рублей человекъ, 2-й статьи по десяти рублей, 3-й статьи по пяти рублей; поварамъ, хлѣбникамъ и конюхамъ по два рубля; Патріаршимъ же пѣвчимъ дякамъ 1-й станицы по семи рублей человекъ, 2-й станицы по пяти рублей, *поддьякомъ* большихъ станицъ по пяти рублей, а меньшихъ станицъ по три рубля человекъ. Митрополичьимъ, Архіепископскимъ и Епископскимъ дѣтямъ боярскимъ 1-й статьи по десяти рублей, 2-й статьи по семи рублей, 3-й статьи по пяти рублей; пѣвчимъ дякамъ по три рубля человекъ, поддьякамъ по два рубля; поварамъ, хлѣбникамъ и конюхамъ по одному рублю⁽³⁸⁶⁾. За безчестіе монастырскихъ слугъ, которые *ходятъ въ стрлннѣ*, доправлялось: стряпчему Троицы Сергіева монастыря пятнадцать рублей. Владимірскаго Рождественскаго монастыря, Чудова монастыря, Спасскаго, что на Новомъ, Новгородскаго Симеонова монастыря десять рублей, а стряпчимъ прочихъ монастырей пять рублей; рядовымъ слугамъ 1-й статьи по четыре рубля, человекъ 2-й статьи по три рубля, дѣтенышамъ по одному рублю⁽³⁸⁷⁾.

Если же Митрополитъ или другія духовныя власти обезчестятъ словомъ боярина, окольного, думнаго человека, стольника, стряпчаго, дворянина Московскаго, гостя, дьяка, жильца, дворянина, сына боярскаго городского, или другихъ людей какого бы то ни было чина, то обязаны были платить противу оклада, что кому Государева денежнаго жалованья, а гостямъ и другихъ чиповъ людямъ, по указаннымъ статьямъ⁽³⁹⁸⁾, а если кому изъ нихъ за безчестіе не будетъ чѣмъ платить, то на нихъ постановлено было править безчестіе нещадно, до тѣхъ поръ, пока они съ истцами не учинятъ сдѣлку, или пока въ томъ истцамъ своимъ добьютъ челомъ⁽³⁹⁹⁾.

За обиды лицъ, принадлежавшихъ къ свѣтскому званію, полагались слѣдующія взысканія: если учинится ссора между боярами, окольными и думными людьми, то съ того, кто обезчеститъ другаго непригожимъ словомъ, доправлялось безчестіе по Государеву указу⁽³⁹⁰⁾. Если же боярина, окольного и думнаго человека обезчеститъ стольникъ, стряпчій, дворянинъ Московскій, гость, дьякъ, жилецъ, дворянинъ или сынъ боярскій городской, иноземецъ или дворовый человекъ, то должны были заплатить безчестіе; если же обидчику печѣмъ было заплатить, то онъ подвергался наказанію кнутомъ⁽³⁹¹⁾; если же боярина, окольного и думнаго дьяка обезчестилъ словомъ гостинной, суконой и черной сотень и слободъ тяглый человекъ, стрѣлецъ, казакъ, пушкаръ или монастырскій слуга, холопъ боярскій или кто другой, то они за безчестіе подвергались наказанію кнутомъ и сажались въ тюрьму на двѣ недѣли⁽³⁹²⁾. Если же будетъ обезчещенъ стольникъ, стряпчій, дворянинъ Московскій, дьякъ, жилецъ, дворянинъ или сынъ боярскій городской, иноземецъ, дворовый человекъ или подьячій, то за обиду, тѣ, которые верстаны Государевымъ денежнымъ жалованьемъ, получали въ безчестіе этотъ окладъ⁽³⁹³⁾. Именитые люди Строгановы, за обиду получали сто рублей, гости пятьдесятъ рублей, человекъ гостинной сотни большой статьи двадцать рублей, средней статьи пятнадцать рублей, суконой сотни большой статьи пятнадцать рублей, средней статьи десять рублей, меньшей статьи и люди казенныхъ слободъ пять рублей; черныхъ сотень и слободъ и посадскимъ тяглымъ лучшимъ людямъ платилось по семи рублей человеку, средней — по шести, меньшей статьи по пяти рублей, ямскимъ охотникамъ тоже пять рублей; черныхъ же волостей Государевыхъ и дворцовыхъ селъ крестьяне получали по рублю⁽³⁹⁴⁾. Обидою словомъ тоже почиталось, если кто назоветъ кого незаконнорожденнымъ; если обиженный не былъ незаконнорожденнымъ, то получалъ безчестіе вдвое безъ всякой пощады⁽³⁹⁵⁾.

Правило заимствованное изъ Литовскаго Статута⁽³⁹⁶⁾. Виновность обидчика усиливалась, если кого онъ обезчестилъ словомъ въ церкви; кромѣ безчестія, онъ сажался за безчиство въ тюрьму на мѣсяць⁽³⁹⁷⁾.

Относительно вознагражденія лицъ женскаго пола, Уложеніе принимаетъ правило Судебника, по которому жена получала за безчестіе вдвое противъ мужа⁽³⁹⁸⁾. Постановленіе это тоже встрѣчается въ Статутъ Литовскомъ⁽³⁹⁹⁾. О вознагражденіи же за безчестіе дѣтей, въ судебникѣ ничего не было сказано, и Уложеніе пополняетъ этотъ недостатокъ; оно велитъ дочерямъ незамужнимъ, двѣкати, платить вчетверо противу оклада отца, а сыну неверстанному половину противу отцовскаго оклада⁽⁴⁰⁰⁾.

Наконецъ, къ послѣднему роду нарушеній правъ личныхъ слѣдуетъ отнести покушеніе на цѣломудріе женщинъ и увозъ изъ дому; виновные въ томъ, т. е. тѣ, которые съ этимъ умысломъ пріѣдутъ въ чужой домъ, подвергались смертной казни, и вмѣстѣ съ ними люди, которые вмѣсто того, чтобы защищать госпожу свою, будутъ дѣлать имъ помощь, тоже подвергались смертной казни⁽⁴⁰¹⁾. Это правило заимствовано изъ градскихъ законовъ⁽⁴⁰²⁾.

3). О клеветѣ.

Уложеніе приняло по большей части главнымъ основаніемъ наказаній за клевету правила, изложенныя въ Церковныхъ законахъ, въ которыхъ сказано: «клеветницы, аще оклеветаютъ кого, да осуждены будутъ тою же страстїю»⁽⁴⁰³⁾. «Во всяку прю и клеветы и шепты, достоинъ князю и судіи не послушати безъ свидѣтель многъ, по глаголати къ соперникомъ и клеветникомъ и шепотникомъ, аще не поставите послуховъ, якоже законъ Божій велитъ пріяти тоуже казнь, чайте юже и на друга глаголете: Божій законъ тако велитъ»⁽⁴⁰⁴⁾. Это послѣднее правило помѣщено тоже въ такъ называемыхъ Узаконеніяхъ Константина⁽⁴⁰⁵⁾. На этомъ основаніи тотъ, кто на кого доводилъ великое Государево дѣло или измѣну, за которыя, какъ мы уже видѣли, полагалась смертная казнь и не довелъ сихъ преступленій, и если сыщется, что онъ такое дѣло затѣялъ на кого напрасно, подвергался тому же наказанію, которое довелось бы тому, на кого онъ доводилъ⁽⁴⁰⁶⁾. Воеводамъ и приказнымъ людямъ, которые отпишутъ Государю ложно на служилыхъ или другихъ людей, что они приходили къ нимъ скопомъ, заговоромъ и хотѣли ихъ убить (за что тоже полагалась смертная казнь), чинилось жестокое наказаніе по указанію Государя⁽⁴⁰⁷⁾. Кто поклеветаетъ напрасно ратныхъ людей въ воровствѣ, грабежѣ, разбоѣ, насильствѣ и убійствѣ, тотъ

подвергался такому наказанію, въ какомъ было бы *быть* тому, кого онъ такимъ дѣломъ поклепалъ⁽⁴⁰⁸⁾. Челобитчикъ, который напрасно затѣялъ на судью, что онъ его обвинилъ не по дѣлу, а по посуламъ, подвергался тому же наказанію какъ лихоимецъ: то есть нещадному наказанію кнутомъ, платилъ обиженному безчестіе втрое, и сажался въ тюрьму до Государева указа⁽⁴⁰⁹⁾. Челобитчики, которые сами будутъ причиною пренебреженія производствъ по ихъ дѣлу, а будутъ жаловаться на дьяковъ и подъячійхъ, что отъ нихъ дѣлаются имъ волокиты, подвергались тому же наказанію какое постановлено было дьякамъ и подъячимъ за умышленную проволочку, которая состояла въ томъ, что со дня начатія дѣла по день прошенія взыскивались волокиты по двѣ гривны въ день и дьяки подвергались наказанію батогами, а подъячіе кнутомъ⁽⁴¹⁰⁾. Если приставъ или понятые затѣютъ напрасно дѣло и тѣхъ людей, за которыми они были посланы, что ихъ били и безчестили, или, если они скажутъ, что они *учинились сильны*, то приставовъ и понятыхъ наказывали кнутомъ, да сверхъ того съ пошитыхъ брали въ Государеву казну пени по два рубля съ человѣка⁽⁴¹¹⁾, т. е. имъ определялось тоже наказаніе, какому подвергались крестьяне за оскорбленіе пристава и понятыхъ; вся разница заключалась только въ томъ, что безчестіе вдвое платилось битымъ, а положенные съ понятыхъ два рубля, составлявшіе двойное безчестіе, положенное за крестьянъ, поступало не къ оклеветаннымъ, а въ пользу Государевой казны. Обвинившій неправильно свидѣтеля въ ложномъ показаніи, подвергался тому же наказанію, какому подвергался свидѣтель за ложное показаніе, т. е. били его кнутомъ нещадно и онъ долженъ былъ заплатить безчестіе свидѣтелю въ замѣнъ убытковъ, которые долженъ былъ внести свидѣтель за ложное показаніе⁽⁴¹²⁾. Если истцы ополчились сильно привоdnaго человѣка, то подвергались жестокому наказанію кнутомъ при многихъ людяхъ, и съ ополчившихъ взыскивалось безчестіе вдвое⁽⁴¹³⁾. Правило, заимствованное изъ древняго законодательства, и помѣщенное въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа⁽⁴¹⁴⁾. Выемщики, употребляемые для отысканія корчемнаго вина, подговаривавшіе другихъ ложно показывать на людей, которымъ не вѣльно было у себя держать питей, что у нихъ найденъ этотъ запрещенный предметъ, подвергались наказанію кнутомъ на козлѣ, чтобы имъ впередъ нещадно было такъ дѣлать⁽⁴¹⁵⁾. Это наказаніе равнялось строжайшему тѣлесному наказанію, которому корчемники подвергались за изобличеніе въ четвертый разъ въ корчемствѣ.

4). *Объ угрозахъ.*

Если кто помѣстный, вотчинный, имяной и прожиточный человекъ похвалялся на кого убійствомъ, и тотъ на кого онъ похвалялся билъ челомъ Государю, чтобы Государь велѣлъ ему на похваляющагося дать Опасную грамоту съ большою заповѣдью, тысячъ въ пять, шесть и семь и больше, то вѣльно было давать ему Опасную Грамоту; и если похвалявшійся убьетъ взявшаго Опасную Грамоту, то сверхъ смертной казни, съ имѣнія убійцы взыскивалась заповѣдь въ количествѣ, означенномъ въ грамотѣ и одна половина отдавалась женѣ, дѣтямъ, роду или племени убитаго, а другая поступала въ Государеву казну; когда же похвалявшійся ранилъ, но не убилъ, то въ пользу раненаго бралось безчестіе, смотря по человѣку, убытки по сыску и заповѣдь, которая раздѣлялась на двѣ половины: одна въ пользу раненаго, а другая въ пользу Государевой казны. Если же у виновнаго не было столько имущества, чтобы заплатить всего положеннаго по заповѣди, то взыскивалось все то, что можно было съ него получить и дѣлилось между обиженнымъ и казною, а въ недостающемъ онъ отдавался на *правель*, на которомъ вѣльно было бить его безъ всякой пощады, не для того, чтобы достальныя деньги взять, но для того, чтобы на то смотря, другимъ нещадно было вѣрять; если же взявшій опасную грамоту самъ учинитъ то, противу чего онъ просилъ, то и онъ наказывался такъ какъ положено было о тѣхъ, противу которыхъ взяты были опасныя грамоты⁽⁴¹⁶⁾. Если же похвалявшійся былъ безпомѣстный и безвотчинный или иноземецъ кормовой, и похвалялся на кого смертнымъ убійствомъ въ глаза или за глаза, и тотъ, противу котораго похвалялся, будетъ въ томъ бить челомъ Государю, то похвалявшійся по изобличеніи въ этомъ, сажался въ тюрьму на три мѣсяца, послѣ окончанія положеннаго срока заключенія долженъ былъ выдать записку, что онъ не сдѣлаетъ никакого *дурна* тому, противу котораго похвалялся; учинившій смертоубійство, не смотря на выданную записку, подвергался смертной казни⁽⁴¹⁷⁾. Если кто похвалялся на другого какимъ нибудь лихимъ дѣломъ, въ намѣреніи сжечь домъ или гумно съ хлѣбомъ или нанести другой убытокъ, то лице, противу котораго сдѣлана похваляба, должно было являть окольнымъ людямъ а въ приказахъ подавать письменныя явки; похвалявшійся отдавался на крѣпкія поруки въ томъ, что онъ не будетъ дѣлать такихъ лихихъ дѣлъ. А если онъ поручителей не находилъ, то сажался въ тюрьму, пока не представитъ, когда же послѣ представленія порукъ, у кого, противу котораго онъ похва-

лился, будутъ сожжены домъ или гумно, или когда причинять ему убытки какіе небудь невѣдомые люди, то пытки похвалявагося. Если онъ съ пытки вишня, то долженъ былъ пополнить все убытки, а чего нельзя было доправить съ него, доправляли съ поручителей; если же похвалявшійся бѣжалъ, то все убытки доправлялись съ поручителей; если же похвалявшійся съ пытки не вишня, то оставался свободнымъ отъ того дѣла, а что онъ подвергался пыткамъ, въ томъ долженъ былъ винить самъ себя потому что, *на что было ему похваляться лихими дѣлами* (418). Основаніемъ всѣхъ этихъ сложныхъ правилъ объ угрозахъ, былъ Литовскій Статутъ.

ОТДѢЛЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ ПРАВЪ СЕМЕЙСТВА.

Сынъ или дочь, если отнимутъ насильственнымъ образомъ имущество родителей или, не почитая родителей или избывая, начнутъ извѣщать какіи либо злыя дѣла, или если дѣти не будутъ почитать и кормить родителей въ ихъ старости и ничѣмъ не будутъ ихъ ссужать, то по жалобѣ родителей, дѣтямъ чинилось жестокое наказаніе; ихъ били нещадно кнутомъ и приказывалось быть въ полномъ послушаніи у родителей безъ всякаго прекословія, а извѣту ихъ не велѣно вѣрить (419). Дѣтямъ запрещалось давать судъ противу ихъ родителей и за челобитіе на нихъ подвергались наказанію кнутомъ, и отдавались родителямъ (420).

ОТДѢЛЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ СОБСТВЕННОСТИ ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ.

1). О разбой.

Выше было уже замѣчено нами, что подъ именемъ разбоя въ древнія времена понимали не только грабежъ и насильственное завладѣніе чужимъ имуществомъ, но даже и смертоубійство. Съ начала XV столѣтія разбой на-

чали отличать отъ смертоубійства, названнаго душегубствомъ, и отъ грабежа менѣе тяжкаго преступленія. Разбой преимущественно означалъ открытое нападеніе, производимое какъ ремесло шайкою злодѣевъ, все равно, соединилось ли оно съ смертоубійствомъ, или ограничивалось непосредственнымъ достиженіемъ своей цѣли, т. е. отнятія чужой собственности. Этотъ родъ преступленія былъ самымъ употребительнѣйшимъ въ Россіи, и Великіе Князя должны были принять самыя рѣшительныя мѣры противу него, назначивъ для вѣдѣнія этихъ дѣлъ особыя Установленія. Въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ не прекращались жалобы на непрерывные разбои, чему подвержены были и многія другія Славянскія земли (421). Въ доказательство мы можемъ привести свидѣтельство древнихъ писателей (422) и сослаться на мнѣніе ученаго послѣдователя Исторіи нашего Права г. Морощкина (423). Мы знаемъ изъ Лѣтописи, что когда Св. Владиміръ уничтожилъ смертную казнь, назначенную за разбой, то число разбойниковъ умножилось и что по совѣту Епископовъ, которые, когда спросили его: «для чего не карашь злодѣйства»? получили въ отвѣтъ: «Боюсь гнѣва небеснаго»; смертная казнь была опять восстановлена. Епископы сказали ему: «ты поставленъ Богомъ на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе. Должно карать преступника, но только съ разсмотрѣніемъ». Не смотря на это, разбои продолжались въ теченіе всего періода удѣловъ, уменьшаясь только въ правленіе твердыхъ Государей, какъ то: при Іоаннѣ Калитѣ, который освободилъ Великое Княженіе отъ грабителей вѣнскихъ и внутреннихъ, восстановилъ безопасность собственности и личною строгостью казнилъ нарушителей порядка, злодѣйственныхъ разбойниковъ, хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упразднилъ отъ земли своя (424). Карамзинъ говоритъ (425), что со времени Василія Ярославича до Іоанна Калиты, отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на Государство: сила казалась правомъ; кто могъ — грабилъ, не только чужіе, но и свои, не было безопасности ни въ пути, ни дома; татьба сдѣлалась общою явленіемъ собственности. Причины этому явленію были: 1) малонаселенность Россіи, которая была покрыта въ древности лѣсами, гдѣ разбойники удобно могли укрывать свою добычу, и гдѣ легко могли укрываться отъ преслѣдованій и отъ заслуженнаго наказанія; 2) непрерывные споры удѣльныхъ князей, которые препятствовали водворенію тишины, безопасности и спокойствія въ ихъ княжествахъ; 3) сосѣдство и набѣги кочевыхъ народовъ, которые искали въ Россіи болѣе добычи, нежели власти; 4) набѣги Новгородской вольницы, отъ которой трепетали самыя отдаленныя области Россіи; 5) несовершенство управленія и системы всего судопроизводства: на-

мѣстники, отправляемые на *кормленіе*, не обращали должнаго вниманія на все предметы управленія ввѣряемыхъ имъ областей. Они преимущественно преслѣдовали душегубство и другія преступленія, которыя могли доставить имъ значительный доходъ; когда же съ этимъ не были сопряжены собственныя выгоды, они не всегда удовлетворяли жителей въ ихъ требованіяхъ. Это было поводомъ къ частнымъ ссорамъ городскихъ и сельскихъ жителей съ намѣстниками и жалобъ Великимъ и удѣльнымъ князьямъ. Для отклоненія неудобствъ управленія, князья выдали много привилегій духовнымъ, свѣтскимъ лицамъ высшихъ сословій и волостнымъ людямъ: одно изъ существеннѣйшихъ преимуществъ этихъ привилегій были: приобретаемое право судить или избирать изъ среды своей судей для рѣшенія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Въ составъ привилегій не входило право суда по дѣламъ, относящимся къ душегубству, разбою и татѣбъ съ поличнымъ, которые оставались за верховною властью или ея установленіями. Кажется, что причиною къ этому исключенію было желаніе удержать за собою доходы, которые получались отъ дѣлъ сего рода, а съ другой — опасенія, чтобы лица, получившія власть вѣдать важнѣйшія уголовныя преступленія, не употребили во зло своей власти. Это продолжалось до Іоанна IV, въ царствованіе котораго, такъ какъ разбои не прекращались, то не только сельскіе, но и городскіе жители безпрестанно жаловались на множество разбойниковъ, которые не давали покоя путешественникамъ, тревожили мирныхъ и осѣдлыхъ жителей, жгли и разбивали селенія, грабили имущество въ домахъ и на дорогахъ, и тѣмъ были еще опаснѣе, что имѣли въ селеніяхъ притоки у жителей, которые не только ихъ скрывали, но даже помогали сбывать награбленную рухлядь. Государь хотѣлъ прекратить зло и посылалъ изъ Москвы *обыщниковъ*, для водворенія безопасности и казни разбойниковъ; но отъ этого распоряженія зло не уменьшалось, а напротивъ увеличивалось. Бѣдные жители жаловались, что разбои не прекращаются, а обыщники Царскіе причиняютъ имъ *волокину* и *убытки*, умоляли Царя, позволить имъ самимъ ловить разбойниковъ⁽⁴²⁶⁾. Наконецъ, какъ единственную мѣру для отклоненія зла, Царь установилъ устройство губныхъ старостъ, которымъ поручены были дѣла по разбою и татѣбъ.

Въ Судебникѣ вѣлно было вѣдомыхъ воровъ, т. е. татей и разбойниковъ отдавать губнымъ старостамъ, которымъ вѣлно было *опричь* вѣдомыхъ воровъ и разбойниковъ у намѣстниковъ не вступаться ни во что, а судить людей имъ подсудныхъ по губнымъ грамотамъ⁽⁴²⁷⁾. Древнѣйшія губ-

ныя грамоты по времени изданія изъ дошедшихъ къ намъ суть Бѣлозерская и Каргопольская: объ писанныя въ 1539 г. Октября 25 дня⁽⁴²⁸⁾; въ нихъ предоставлено было губнымъ старостамъ, лихихъ людей, разбойниковъ обыскивать и *доведши* на нихъ разбой, бить кнутомъ и казнить смертію: такую власть, какъ самъ Государь говоритъ: «что, если положилъ на вашихъ душахъ, а вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣту и отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ волостелей въ томъ продажи вамъ нѣту». На будущее время тоже по симъ грамотамъ вѣлно было разбойниковъ казнить смертію съ ихъ товарищами, на которыхъ разбойники скажутъ, что съ ними разбивали тѣхъ лихихъ людей, къ которымъ разбойники имѣютъ пріѣзды. Подворья, животы и статки казненныхъ разбойниковъ, вѣлно отдавать тѣмъ людямъ, которыхъ разбойники разбивали. Старосты, если ихъ не казнили, а выпускали и поровили имъ, должны были заплатить иски *разбитыхъ* людей вдвое, и сверхъ того были въ казни и продажъ отъ Государя. Въ Губной Соль-Галицкой грамотѣ 1540 г. Августа 31, наказанія за разбой опредѣлены тѣже, только относительно наказанія кнутомъ, которое предшествовало смертной казни, постановлено было, чтобы бить по всемъ торгамъ⁽⁴²⁹⁾. Содержаніе двухъ губныхъ грамотъ селамъ и деревнямъ Троицкаго Сергѣева монастыря 1541 г. Октября 23 и Ноября 24⁽⁴³⁰⁾, относительно наказаній вполнѣ согласно съ предшествующими. Губный наказъ селамъ Кирилова монастыря 1549 г. Сентября 27⁽⁴³¹⁾, есть повтореніе того, что постановлено въ предшествовавшихъ губныхъ грамотахъ; впрочемъ, этотъ актъ весьма примѣчателенъ, потому что въ немъ кромѣ наказаній за разбой, полагаются отдѣльно наказанія за татѣбу, чего нѣтъ въ предшествовавшихъ грамотахъ. Примѣчательнѣе другихъ губныхъ грамотъ по своей полнотѣ есть Царскій наказъ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ 1571 г. Марта 12⁽⁴³²⁾. Этотъ наказъ напечатанъ въ Русскихъ Достопамятиностяхъ⁽⁴³³⁾, подъ именемъ губной грамоты, данной отъ Царя Іоанна Васильевича Бѣлозерцамъ, по списку присланному въ Общество знаменитымъ изслѣдователемъ исторіи Русскаго права, Высокопреосвященнымъ Евгеніемъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и украиенъ его примѣчаніями. Этотъ наказъ чрезвычайно важенъ для исторіи Русскаго Уголовнаго судопроизводства, такъ какъ въ немъ заключаются подробныя правила производства слѣдствія надъ разбойниками и опредѣлена сила доказательствъ противу нихъ. Въ этой губной грамотѣ, для Уголовнаго права замѣчательны слѣдующія постановленія: человекъ, который самъ на себя говорилъ въ разбойѣ, подвергался смертной казни; кого языкъ

(т. е. преступникъ подвергаемый пыткамъ) обвинялъ въ разбоѣ, и когда по обыску обвиняемый, будетъ признанъ лихимъ человекомъ, тотъ тоже подвергался смертной казни. Люди, обвиняемые истцами въ разбоѣ, претиву которыхъ языки въ разбояхъ не говорятъ, для уличенія которыхъ истцы кроме различнаго ничего представить не могли, и которые на обыскъ будутъ признаны лихими людьми, по что именно лихаго сдѣлали не скажутъ, а сами же въ разбоѣ не признаются, подвергались тюремному наказанію по смерти, а изъ животовъ ихъ отдавалась истцу половина иска. Человекъ, который будетъ обвиненъ въ разбоѣ языкомъ, а самъ не признавшійся въ разбоѣ, если былъ одобряемъ повальнымъ обыскомъ, освобождался отъ взысканія; но если на обыскъ половина людей назоветъ его добрымъ, а другая лихимъ, сажался въ тюрьму по смерти; если же открывался на немъ разбой, то подвергался смертной казни; а съ обыскныхъ людей, которые его одобряли, бралась вытѣ.

Въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа⁽⁴³⁴⁾ изложено въ полнотѣ все относящееся къ разбойнымъ и татинымъ дѣламъ. Въ правилахъ этой книги и въ губныхъ грамотахъ замѣтно совершенное сходство, которое происходило отъ того, что Разбойный Приказъ, между прочимъ, былъ обязанъ составлять губные указы; само собою, что Уставная книга гораздо полнѣе губныхъ грамотъ, которыя, можно сказать, были извлеченіемъ изъ оной. Въ Уставной книгѣ встрѣчаемъ слѣдующія правила о разбоѣ: человекъ, обвиненный языкомъ и облихованный въ обыскъ, подвергался смертной казни, если же оговоренный по язычнымъ молкамъ и облихованный по обыску не сознавался въ разбоѣ, то сажался въ тюрьму по смерти; если же обвиняли два или три языка, а на обыскъ говорили, что обвиняемый разбойникъ, то онъ подвергался смертной казни. Въ 9-й статьѣ Уставной книги сказано, что при Царѣ Феодорѣ Иоанновичѣ данъ былъ въ Разбойный Приказъ боярскій приговоръ, чтобъ тѣхъ людей, которые въ разбоѣ съ пытокъ не сознавались, смертью не казнить, а сажать въ тюрьму по смерти. А въ 10-й статьѣ, что при Царѣ Борисѣ Феодоровичѣ данъ былъ боярскій приговоръ, чтобы казнить тѣхъ только разбойниковъ, которые при разбоѣ учинили убійство или пожегъ, или были на трехъ разбояхъ, а тѣхъ, которые были на двухъ или на одномъ, сажать въ тюрьму до Указа. Людей, на которыхъ говорили въ *станяхъ и приздахъ, въ подводѣ и въ поноровкѣ*, вѣрно наказывать какъ разбойниковъ.

Въ Уложеніи глава XXI о разбойныхъ и о татиныхъ дѣлахъ, основана преимущественно на древнемъ загонодательствѣ; а потому почти всѣ постановленія о разбоѣ основаны на губныхъ грамотахъ, въ особенности же

на Уставной книгѣ. Впрочемъ, есть нѣкоторыя измѣненія и пополненія; важнѣйшія измѣненія относятся къ самому наказанію. Замѣчательно употребленіе отсѣченія нѣкоторыхъ членовъ, какъ средство постоянной улики разбойника и употребленіе осужденныхъ на работы вмѣсто пожизненнаго содержанія въ тюрьмѣ, къ чему побужденіемъ были административные виды, преимущественно же неудобства отъ значительнаго накопленія арестантовъ по тюрьмамъ.

Разбойникъ за первый разбой наказывался отрѣзаніемъ праваго уха, сажался въ тюрьму на три года, а имущество его отдавалось въ вытѣ истцу; во время содержанія въ тюрьмѣ виновный *вынимался* изъ тюрьмы и посылался въ кандалахъ работать *всякое издѣлье*, гдѣ Государь указывалъ. По прошествіи положенныхъ лѣтъ, онъ посылался въ Украинскіе города по указанію Государя, а на Украинѣ вѣрно было ему быть *въ какой чинѣ пригодится*. При выпускѣ изъ тюрьмы, преступнику давались письма за дѣячею приписью, въ томъ, что онъ, за свое преступленіе урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ⁽⁴³⁵⁾. За вторичный разбой преступникъ подвергался смертной казни, а имущество его отдавалось въ вытѣ истцу⁽⁴³⁶⁾; если же разбой сопровождался убійствомъ и пожаромъ, то виновные, *хотя бы были въ первомъ разбоѣ*, подвергались смертной казни⁽⁴³⁷⁾. Кто укрывалъ или держалъ такихъ людей, у которыхъ уши рѣзаны и у которыхъ письма не было въ томъ, что изъ тюрьмы выпущены, съ того брали десять рублей⁽⁴³⁸⁾. Животы разбойничьи оцѣпывались и отдавались въ платежъ истцамъ⁽⁴³⁹⁾; если разбойникъ признавался въ томъ, что взял изъ имущества истца, то оно возвращалось истцу⁽⁴⁴⁰⁾; но если разбойникъ сказывалъ что не упомянуть того, что взял на разбоѣ, то истецъ получалъ четвертую часть означеннаго въ прошеніи своемъ⁽⁴⁴¹⁾; оставшееся изъ имущества разбойника за удовлетвореніемъ истцовъ, продавалось на Государя⁽⁴⁴²⁾. Пойманный на разбоѣ, если на себя не говорилъ даже съ пытки, но если въ обыскъ былъ облихованный и съ другой пытки не говорилъ на себя, то подвергался тюремному заключенію⁽⁴⁴³⁾. Изобличенные въ *станяхъ* и въ *приздахъ*, въ *подводѣ* и въ *поноровкѣ* наказывались какъ разбойники⁽⁴⁴⁴⁾. Принявшіе въ поклажу разбойную и татиную рухлядь, должны были заплатить истцовый искъ, и сверхъ того отдавались на поруки; если же порукъ не имѣли, то сажались въ тюрьму⁽⁴⁴⁵⁾.

2). *О татѣбѣ.*

Подъ именемъ татѣбы понималось похищеніе собственности. Особый видъ воровства, когда преступникъ похищалъ чужую собственность, находившуюся подъ замкомъ, назывался *татѣбою съ поличнымъ*; въ древнихъ актахъ поличное опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «а поличное то, что вынутъ изъ клятви изъ за замка; а найдутъ что въ дворѣ или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное»⁽⁴⁴⁶⁾. Хозяинъ вещи, заставъ вора на мѣстѣ преступленія, пользовался правомъ самозащиты въ томъ случаѣ, когда жизни его угрожала опасность. Еще въ Русской правдѣ мы встречаемъ слѣдующія постановленія: «аже убьютъ огнищанина у клятви или у коня у говяда или у коровѣ татѣбы, то убить въ неа мѣсто, а тоже покоеть и ти-вуницу»⁽⁴⁴⁷⁾. «Аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клятви или у хлѣва, то татя убить, аще ли до свѣта держатъ то вести на княжь дворъ, аже ли убьютъ, а люди видѣли связанъ, то платити въ немъ»⁽⁴⁴⁸⁾. Если съ одной стороны позволялось хозяину пользоваться правомъ самозащиты, то съ другой стороны запрещалось самоуправство и самовольныя сдѣлки, имѣвшія цѣлю освобожденіе виновнаго отъ наказанія и считались также преступленіемъ, известнымъ подъ именемъ *самосуда*, опредѣляемаго въ грамотахъ слѣдующимъ образомъ: «а самосудъ то, кто поймаеть татя съ поличнымъ, да отпуститъ его прочь, а намѣстникомъ и ихъ тиуномъ не явля, а его въ томъ уличать, ино то самосудъ; а опрѣчь того самосуда ить»⁽⁴⁴⁹⁾. За самосудъ владѣлецъ вещи подвергался денежному взысканію въ пользу намѣстника или волостеля, которые имѣли исключительное право суда надъ татѣбою съ поличнымъ. Наказанія за татѣбу были слѣдующія: въ Уставной Двинской грамотѣ Великаго Князя Василія Дмитріевича⁽⁴⁵⁰⁾ сказано: «а татя впервые продати противу поличнаго», т. е. наказать денежнымъ штрафомъ, равняющимся цѣнѣ покраденной вещи, «а въ другіе уличать, продадутъ эго нежалюя, а уличать въ третные ино повѣсити; а татя всякаго пятинити». Въ Уставной Бѣлозерской грамотѣ находимъ слѣдующія слова: «А доведутъ на кого татѣбу, или разбой или душегубство и намѣстники велѣтъ на виноватомъ истцово доправити; а тотъ разбойникъ или душегубецъ намѣстникомъ въ продажѣ и въ казни»⁽⁴⁵¹⁾. Въ Уставной грамотѣ Дмитровскаго князя Юрія Иоанновича, Каменскаго стана бобровникамъ сказано:⁽⁴⁵²⁾ «А доведутъ на кого татѣбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дѣло и ловчей мой велѣтъ на виноватомъ истцово доправити; а виноватый въ казни и въ прода-

» жѣ ловчому и тиуну, а которой будетъ татѣ, или убойца или ябедникъ въдомой лихой человекъ, а ловчей мой велѣтъ заплатити истцово изъ его статковъ, а того лихого человека велѣтъ казнити смертною казней; а не будетъ у котораго лихого статка, чѣмъ истцово заплатити, и ловчей мой того лихаго человека истцу въ его гибели не выдаетъ, а велѣтъ его казнити смертною казней». Въ Судебникѣ Царя Иоанна IV велѣно было татѣй, если они были лихіе люди, казнити смертію намѣстникамъ или волостелямъ, которые обязаны были доправити истцовое изъ его статка; а то, что оставалось, предоставлено было въ ихъ пользу вмѣстѣ съ ихъ тиунами⁽⁴⁵³⁾. Замѣчательно, что по судебнику дѣла по татѣбѣ и душегубству, предоставлены еще намѣстникамъ и волостелямъ, не смотря на то, что разбойныя дѣла состояли уже въ вѣдѣніи губныхъ старостъ. Впрочемъ, этотъ порядокъ дѣлъ не долго продолжался потому, что въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря⁽⁴⁵⁴⁾, въ Царскомъ наказѣ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ⁽⁴⁵⁵⁾ и въ губной грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю⁽⁴⁵⁶⁾, татѣбныя дѣла переданы тоже вѣдомству губныхъ старостъ. По Уставной книгѣ Разбойнаго приказа и по Уложенію, татѣба вѣдалась въ тѣхъ самыхъ учрежденіяхъ, что и разбой. Изъ всего видно, что Царь Иоаннъ IV прежде исключилъ дѣла разбойныя отъ подсудности намѣстниковъ и волостителей, чѣмъ дѣла татѣбныя; чему доказательствомъ служитъ не только судебникъ, но и губныя грамоты Бѣлозерская и Каргопольская 1539 года Октября 23 дня и губная Соль-Галицкая грамота 1540 Августа 31, и еще губныя грамоты селамъ и деревнямъ Троицкаго Сергіева монастыря 1541 Октября 23 и Ноября 25, въ которыхъ предоставлены губнымъ старостамъ бѣлыя разбойныя дѣла. Изъ дошедшихъ къ намъ актовъ въ первый разъ, въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря, выражено предоставленіе губнымъ старостамъ дѣлъ татѣбныхъ. Вотъ слова сего наказа: «А съ татѣми ми бы есте управили: котораго татя поймають и приведутъ къ Вамъ къ старостамъ къ губнымъ, а поймають его въ волости или въ которомъ селѣ и выѣтъ старосты губные того татя судили въ волостели тѣхъ волостей, а коли не будетъ въ тѣхъ волостѣхъ волостелей, и волостелины бы тиуны судили тѣхъ татѣй съ вами съ старостами съ губными и котораго татя поймають на первой татѣбѣ, а досудите до вины, и вы бѣ на томъ татѣ доправя истцовы искы отдавали истцамъ, а въ продажѣ тотъ татѣ намѣстнику и волостелемъ и ихъ тиуномъ, и какъ намѣстники и волостели и ихъ тиуны на татѣ продажу свою учинитъ и вы бѣ старосты губные тѣхъ татѣй велѣли, бивъ кнудомъ, да выбити ихъ изъ земли вопъ. А поймають того

«жъ татя съ другою татьбою, а доведуть на него другую татьбу и выѡъ на томъ татъ вельми истцовы искн доправитъ изъ его животовъ и статковъ, да того татя вельми бивъ кнутемъ да ставитъ у него руку; а въ продажъ бы того татя отдавали волостелемъ и ихъ тиуномъ, и какъ тому татю волостелю и ихъ тиуны продажу свою учинятъ и выѡъ старосты губные того татя вельми выбити изъ земли воиъ. А поймають того же татя съ третьею татьбою съ поличнымъ, и доведуть на него третью татьбу, и будетъ тотъ татъ вѡдомой лихой, и вы бы истцевы искн дали истцемъ изъ его животовъ и статковъ; а что тѣхъ татинныхъ животовъ останется у исковыхъ исковъ и выѡъ досталь тѣхъ татинныхъ животовъ отдавали волостелемъ и ихъ тиуномъ за ихъ пошляпу: а того бы есте татя вельми, бивъ кнутомъ да казнивъ смертною казнию, повѣснн въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ котораго татя поймають съ татьбою» (457). Въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа установлены слѣдующія наказанія для татей: если приведуть татя и доведуть на него одну татьбу то онъ подвергался наказанію кнутомъ и отдавался на чистую поруку, а если не находилъ поруки, сажался въ тюрьму пока оной не представитъ, а животы его отдавались въ пецовые искн въ выть (458). Когда же татъ былъ изобличенъ въ двухъ татьбахъ, то онъ подвергался наказанію кнутомъ и отсѣченію руки, а животы его отдавались истцамъ въ выть (459). Татъ, изобличенный въ трехъ татьбахъ или болѣе, подвергался смертной казни, а животы его отдавались истцамъ въ выть (460); церковные тати наказывались смертною казнию и животы ихъ отдавались въ церковные татьбы (461).

Въ Уложеніи встрѣчаемъ слѣдующія постановленія противу татьбы: татъ изобличенный въ одной татьбѣ, за первую татьбу подвергался наказанію кнутомъ, отрѣзанію лѣваго уха, и сверхъ того сажался въ тюрьму на два года, а животы его отдавались истцамъ въ выть; во время же содержанія въ тюрьмѣ, онъ посыдался въ кандалахъ работать на всякн издѣльи, гдѣ Государь указывалъ. По истеченія положеннаго срока тюремному содержанію, татъ посыдался въ Украинскіе города, гдѣ поступалъ въ такой чинъ, куда пригодится и давалось ему письмо за дьячею приписью, что онъ за свое воровство урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ (462). Татъ, изобличенный въ двухъ татьбахъ, подвергался наказанію кнутомъ, отрѣзанію праваго уха, и сажался въ тюрьму на четыре года, въ продолженіи которыхъ работалъ на Государевыхъ издѣльяхъ; по истеченіи же урочныхъ лѣтъсылался въ Украинскіе города и получалъ письмо въ томъ, что отсидѣлъ въ тюрьмѣ опредѣленный срокъ (463). За третью татьбу, татъ подвергался смерт-

ной казни (464), каковому наказанію подвергались и Церковные тати и тати, совершившіе убійство (465).

Наконецъ встрѣчаемъ въ Уложеніи одно общее наказаніе за прочіе роды воровства и за разные лживые поступки, а именно: вельмо было *мошеникамъ* чинить тотъ указъ, какой указано было чинить татямъ за первую татьбу (466).

3). О насильственномъ завладѣніи, истребленіи и поврежденіи чужаго имущества.

Сравнивая то, что сказано объ этомъ предметѣ въ Уложеніи съ Литовскимъ Статутомъ, замѣтно, что Уложеніе пользовалось преимущественно раздѣлами X и XIII Статута. Разсматривая этотъ отдѣлъ преступленій и проступковъ, подобно какъ и прежде, мы будемъ указывать на тѣ артикулы, изъ которыхъ составители Уложенія заимствовали матеріалы для вводимыхъ ими постановленій въ Русскомъ правѣ.

Если чужой скотъ или лошади повредятъ хлѣбъ или будутъ найдены на кошенихъ лугахъ, то помѣщикъ или владѣлецъ земли долженъ былъ о томъ явить стороннимъ людямъ и послать къ хозяину скота, чтобы онъ, пришедъ съ сторонними людьми, досмотрѣлъ потравленный хлѣбъ или луга; если онъ платилъ убытокъ, то владѣльцу земли предоставлялось, удержавъ захваченный скотъ, бить челомъ Государю, и искать судомъ убытковъ. Судъ определялъ возвращеніе убытковъ и прокорма по смѣтѣ обиженной стороны; да сверхъ того, съ виновнаго взыскивалось вдвое пошляпы съ суднаго дѣла (467). Эта статья совершенно сходна съ Литовскимъ Статутомъ, съ тою только разницею, что по его постановленіямъ, если виновный допускалъ дѣло до суда, то убытки взыскивались вдвое въ пользу обиженной стороны (468); но если владѣлецъ земли загонитъ изъ своего хлѣба или луговъ въ свой дворъ чужой скотъ, и держитъ заперти, голодомъ уморитъ, то съ него доправлялась стойность животныихъ по указной цѣнѣ. Впрочемъ, если кто прежде торговалъ животное и давалъ больше денегъ, чѣмъ было положено въ указной цѣнѣ, то виновный обязанъ былъ заплатить столько, сколько предлагали покупатели (469); такому взысканію подвергался и тотъ, кто безвинно, насильственнымъ образомъ загонитъ чужой скотъ (470). Стойность же животныхъ по указной цѣнѣ была слѣдующая: конь цѣнился 8 рублей, кобыла Ногайская 6 руб., жеребенокъ Ногайскій 3 руб., меринъ 4 руб., кобыла Русская 3 руб., жеребенокъ и кобыла Русская трехъ лѣтъ по двора рубли, корова и быкъ 2 руб.,

теленокъ годовой 20 алтынъ, свинопъ или боровъ кормленый 20 алтынъ, поросенокъ однолѣтній 5 алтынъ; овца 6 алтынъ 4 деньги, баранъ 5 алтынъ, баранъ молодой 3 алтына, козелъ четырехъ или пяти лѣтъ полтина, козелъ трехъ лѣтъ 20 алтынъ 2 деньги, козленокъ молодой 3 алтына, гусь живой 3 алтына 2 деньги, гусь битый 2 алтына, утка битая 8 денегъ, кура индѣйская 6 алтынъ 4 деньги, курица Русская 8 денегъ⁽⁴⁷¹⁾. За умореніе голодомъ захваченнаго скота въ Литовскомъ Статутѣ полагается тоже удовлетвореніе, какъ въ Уложеніи⁽⁴⁷²⁾, и тоже опредѣлена указная цѣна въсемъ домашнимъ животнымъ⁽⁴⁷³⁾. Если кто, имѣя намѣреніе завладѣть насильственнымъ образомъ чужою землею, посѣетъ на ней хлѣбъ и начнетъ ту землю называть своею, тотъ долженъ, возвратитъ ее хозяину съ посѣяннымъ хлѣбомъ; но если завладѣвшій землею погнотъ хлѣбъ или потравитъ или сжавъ, къ себѣ свезетъ, то долженъ былъ отдать цѣну хлѣба вдвое и заплатить съ суднаго дѣла Государевы пошлины вдвое⁽⁴⁷⁴⁾. Это правило тоже сходно съ постановленіями Литовскаго Статута⁽⁴⁷⁵⁾. Впрочемъ владѣльцу, у котораго земля отнята была насильнымъ образомъ, запрещалось употреблять новое насиліе для возстановленія правъ своихъ, а вмѣнялось въ обязанность прибѣгать въ семъ случаѣ къ пособію суда⁽⁴⁷⁶⁾. Сосѣди владѣльца, у котораго находились бобровые гоны, не должны были отгонять бобровъ; тѣ же, которые *отпускаютъ* чѣмъ ибудь бобровъ или насильствомъ побивали или крали, должны были заплатить владѣльцу стойность бобровъ⁽⁴⁷⁷⁾. Хотя въ этой статьѣ Уложенія и сказано, что стойность бобра слѣдовало заплатить по указной цѣнѣ, но нигдѣ въ Уложеніи она не опредѣлена. Это правило о бобрахъ совершенно согласно съ Литовскимъ Статутомъ, въ которомъ впрочемъ опредѣлена стойность бобровъ, а именно: черный бобръ цѣнился четыре копы грошей, а карый двѣ⁽⁴⁷⁸⁾. За насильственное пощипленіе хмѣля и вырубку хмѣльника, съ виновнаго dopravлялось вознагражденіе *по сыску противу исковой челобитни*⁽⁴⁷⁹⁾: опредѣленіемъ непостояннаго количества вознагражденія отличается Уложеніе отъ Статута Литовскаго, въ которомъ пощипавшій хмѣль, долженъ былъ единообразно платить три рубля грошей, а вырубившій хмѣльникъ двѣнадцать рублей грошей⁽⁴⁸⁰⁾. Испортившій по недружбѣ чужую приваду и отогнавшій птицъ оттуда, или кто ловилъ или стрѣлялъ на птицъ у этой привады, подвергался платежу истцоваго иска⁽⁴⁸¹⁾. По Литовскому Статуту виновный платилъ стойность птицъ, по цѣнѣ опредѣленной⁽⁴⁸²⁾. Кто портилъ приваду, измазавъ ее дегтемъ или чеснокомъ или чѣмъ ибудь другимъ и тѣмъ отгонитъ птицъ отъ этой привады, или кто украдетъ тете-

ревый шатеръ или куропатную сѣтку, тотъ долженъ былъ платить истцу за шатеръ три рубля, за сѣть рубль, а за порчу привады подвергался наказанію батогами, чтобы ему и инымъ неповадно было впредь такъ дѣлать⁽⁴⁸³⁾. Въ Литовскомъ Статутѣ, за порчу привады способами, какіе описаны въ Уложеніи, опредѣлено было платить по три рубля грошей⁽⁴⁸⁴⁾. За порчу въ чужомъ угодь бортнаго дерева, т. е. подсыченіе и поджегъ корня и вообще за всякую нарочную поруху, виновный платилъ за бортное дерево съ пчелами три рубля, а съ дерева, на которомъ пчелы были прежде, полтора рубля, а за дерево, въ которомъ борть сдѣлана, но пчелъ не бывало, двадцать пять алтынъ; за кряжъ невыдѣланный двадцать алтынъ и три деньги⁽⁴⁸⁵⁾. По Литовскому Статуту платилось за борть съ пчелами три рубля грошей; за дерево бортное, на которомъ прежде были пчелы двѣ копы грошей; за дерево, приготовленное на борть, но въ которомъ не было еще пчелъ, копу грошей; за кряжъ, полкопы грошей⁽⁴⁸⁶⁾. Кто выдеретъ пчелъ, а бортей не испортитъ, платилъ полтора рубля; кто кралъ на дому въ пчельникѣ или въ лѣсу улья съ пчелами, платилъ за всякій улей по три рубля, да сверхъ того подвергался жестокому наказанію кнутомъ. Кто же умышленно подсыкалъ дуплистое дерево съ пчелами и выдиралъ медъ изъ того дерева, тотъ платилъ шесть рублей въ пользу истца⁽⁴⁸⁷⁾. По Литовскому Статуту, тотъ, кто выдиралъ пчелъ, непортитъ борти, платилъ двѣ копы грошей; кто кралъ на дому, въ пчельникѣ или въ лѣсу улья съ пчелами, платилъ три рубля грошей, и сверхъ того подвергался наказанію какъ воръ; кто же подсыкалъ дуплистое дерево и выдиралъ медъ изъ него, платилъ шесть рублей грошей⁽⁴⁸⁸⁾. За порубку въ чужомъ лѣсу съ виновнаго dopravлялись деньги по указной цѣнѣ⁽⁴⁸⁹⁾. По Литовскому Статуту, виновный за порубку въ чужомъ лѣсу, платилъ цѣну опредѣленную закономъ за каждый родъ деревъ⁽⁴⁹⁰⁾. За общипываніе насильствомъ въ саду яблокъ съ яблоней, или за покражу ночью, виновный платилъ убытокъ *по сыску истца*; за порубку или покражу въ саду дерева, виновный платилъ за каждое дерево три рубля⁽⁴⁹¹⁾. По Литовскому Статуту за насильное общипываніе плодовъ въ чужомъ саду, подвергался платежу двѣнадцати рублей грошей, за порубку плодовъ шесть копъ грошей, за порубку дерева три рубля грошей⁽⁴⁹²⁾. За насильственное пограбленіе или покражу овощей въ огородѣ, виновный платилъ убытокъ, да подвергался наказанію, какъ за кражу⁽⁴⁹³⁾. По Литовскому Статуту опредѣлено было за это платить три рубля грошей⁽⁴⁹⁴⁾. Кто же насильственнымъ образомъ отнималъ у кого землю или межи или границы, передѣлывалъ, кромѣ возвраще-

нія земли владѣльцу, доправлялось *дѣломъ* по Государеву указу, и сверхъ того за насильство полагалось наказаніе по указанію Государя ⁽⁴⁰⁵⁾. Хотя на поляхъ подлиннаго списка Уложенія, хранящагося въ Оружейной Палатѣ, противу этой статьи отмѣчено, что она заимствована изъ градскихъ законовъ, однако Уложеніе совершенно измѣнило наказаніе, которое по Градскимъ законамъ было слѣдующее: » восхищали землю чужу, или прелагая ей прудною водою потопить верхніе покосы, пашни или мельницы другихъ владѣльцевъ, тотъ долженъ снести свою мельницу и возратить все убытки ⁽⁴⁰⁷⁾. Объ этомъ предметѣ встрѣчаемъ почти тѣже распоряженія въ Литовскомъ Статутѣ ⁽⁴⁰⁰⁾. Владѣльцу лѣса запрещалось ловить рыбу въ озерахъ и косить сѣно въ полосахъ, принадлежащихъ другимъ владѣльцамъ, хотя бы оныя лежали внутри лѣсовъ; за нарушеніе сего правила, убытки доправлялись по сыску ⁽⁴⁰⁰⁾. Это постановленіе тоже заимствовано изъ Литовскаго Статута ⁽³⁹⁰⁾. Мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, если брали у кого золотое и серебряное дѣло, и примѣшивали мѣдь, олово и свинець, подвергались наказанію кнутомъ и съ нихъ доправлялся убытокъ ими нанесенный частнымъ лицамъ ⁽⁵⁰¹⁾. Если же мастеровой бралъ у кого узорочные товары, камень, алмазь, яхонтъ, изумрудъ, лалъ или другой какой нибудь камень для обдѣлки, граненія или для вырѣзанія печати и разломалъ тотъ камень отъ небреженія или повредилъ, то долженъ былъ заплатить цѣну камня по оцѣнкѣ стороннихъ людей ⁽⁵⁰²⁾. Если же кто нубудь возьметъ у кого къ которому нибудь времени на ссуду платъе, или портной возьметъ и мышми испортитъ или другимъ какимъ либо образомъ, то долженъ былъ отдать цѣну вещи хозяину, а самая вещь отдавалась испортившему ⁽⁵⁰³⁾. Кто пускалъ нарочнымъ дѣломъ собаку на кого нибудь и собака *изъѣсть* или платъе издеретъ, то съ виновнаго взыскивалось безчестіе, увѣчье и убытки вдвое ⁽⁵⁰⁴⁾. Въ Литовскомъ Статутѣ определено было взысканіе подобное тому, какому подвергался нанесшій собственноручно раны другому ⁽⁵⁰⁵⁾. Убившій нарочнымъ дѣломъ чужую собаку, долженъ былъ заплатить стойность ея ⁽⁵⁰⁶⁾. Постановленіе совершенно согласное съ Литовскимъ Статутомъ ⁽⁵⁰⁷⁾. Но убившій собаку ручнымъ боемъ не изъ ружья, защищаясь отъ собаки, не обязанъ былъ давать вознагражденія ⁽⁵⁰⁸⁾. Также самое встрѣчаемъ въ Литовскомъ Статутѣ ⁽⁵⁰⁹⁾. Кто держалъ у себя собаку или другихъ животныхъ, которыя метались на людей и оставляли ихъ на свободѣ, тотъ долженъ былъ заплатить все убытки, причиненныя этими животными, и ему приказывалось *накрѣпко*, чтобы онъ впредь ту со-

баку держалъ на привязи, а животныхъ въ заперѣ, чтобы никому никакого *дурна* отъ нихъ не могло произойти; если же это не было исполняемо и *дурное* случалось, то удовлетвореніе истцовъ производилось по ихъ сказкамъ безъ суда, а животное отдавалось челобитчикамъ ⁽⁵¹⁰⁾. Тѣже самыя постановленія, и притомъ совершенно схожія, встрѣчаемъ въ артикулѣ 14-мъ раздѣла XIII Статута Литовскаго.

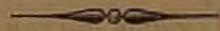
4). О зажитательствѣ.

При опредѣленіи наказаній за поджигательство, Уложеніе приняло постановленія Градскихъ законовъ и Литовскаго Статута. Зажигатель, который *ради нѣкія вражды* или *разграбленія*, чинилъ пожаръ нарочнымъ дѣломъ, подвергался сожженію ⁽⁵¹¹⁾. Слѣдующее постановленіе, помѣщенное въ Кормчей книгѣ, служило основаніемъ сей статьи Уложенія: » иже нѣкія ради вражды, или разграбленія дѣля имени, разженія творяще во градѣ, огню да предани будутъ ⁽⁵¹²⁾«. Кто по недружбѣ въ чужомъ лѣсу въ стапахъ клалъ огонь, отчего пожаръ случился, или, если пастухи отъ небреженія будутъ причиною пожара, и отъ того пожара сдѣлается *поруха* бортному дереву и пчеламъ, или, если звѣри и птицы изъ того лѣсу будутъ отогнаны, то виновные въ семъ платили за пожарное разореніе пешю, сколько Государь указывалъ, и въ пользу истца доправлялись убытки по сыску; безхитростный же пожаръ не вмѣнялся въ вину ⁽⁵¹³⁾. Правило это основано на Литовскомъ Статутѣ ⁽⁵¹⁴⁾. Кто жегъ на пивахъ своихъ солому или траву на лугахъ, а огонь рассорался, и если отъ того сгорѣли чужія нивы или огороды, и по сыску открывалось, что это виновный сдѣлалъ хитростію и не отнял чужаго имущества по своей лѣности, имѣя къ тому возможность, то съ него доправлялись убытки по сыску ⁽⁵¹⁵⁾. Основаніемъ сего закона тоже были Градскіе законы ⁽⁵¹⁶⁾.

5). О преступленіяхъ и проступкахъ по договорамъ и обязательствамъ.

Изоблеченный въ покупкѣ *зачисто* безъ поруки разбойной ружляди, долженъ былъ заплатить выть на основаніи слѣдующаго правила: *не купи безъ поруки* ⁽⁵¹⁷⁾. Взавшій у кого въ заемъ лошадь или другую вещь, если ее портилъ, долженъ былъ заплатить цѣну нанятой имъ вещи, по оцѣнкѣ стороннихъ людей, а испорченная вещь отдавалась наемщику ⁽⁵¹⁸⁾. Занмодавецъ,

сдѣлавшій *хитрость* надъ лошадей или другимъ животнымъ, бывшимъ у него въ закладъ, отъ которой закладъ пропалъ, долженъ былъ удовлетворить должника ⁽⁸¹⁹⁾. Замѣтно, что при составленіи сей статьи имѣли въ виду Статутъ Литовскій ⁽⁸²⁰⁾. Отомкнувшій вещи, отданныя на сохраненіе за печатью или подъ замкомъ, долженъ былъ пополнить все недостающее противу члѣбителя истца; но если случался споръ между отдавшимъ и принявшимъ вещи на сохраненіе, то споръ разрѣшался по крестному показанію ⁽⁸²¹⁾.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О НАКАЗАНИЯХЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О НАКАЗАНІИ ВООБЩЕ.

Вся юридическія отношенія, разсматриваемыя, какъ постепенно развивающіяся и совершенствующіяся въ обществѣ, являются всегда первоначально въ формѣ принадлежностей частныхъ лицъ, и только гораздо позже превращаются въ право цѣлаго общества. Возмездіе, употребленное противъ нарушителя самимъ обиженнымъ, называется мстью; если же оно совершено обществомъ, то получаетъ названіе наказанія. Хотя возможность употребленія возмездія признаваема справедливою, однако въ самомъ исполненіи возмездія можетъ легко вкрасться несправедливость; потому для всѣхъ образующихся общественныхъ союзовъ, главнѣйшая задача состоитъ въ отклоненіи несообразности въ формѣ мести и достиженіи того, чтобы возмездіе, употребленное противу оскорбителя, не только могло быть признано справедливымъ, но чтобы вмѣстѣ было во всякомъ отдѣльномъ случаѣ мѣриломъ соразмѣрнымъ съ совершеннымъ преступленіемъ. Эта цѣль бываетъ достигнута, если власть исполненія мести перенесена будетъ отъ лица обиженнаго на цѣлое общество. Въ нашемъ отечествѣ, вслѣдствіе развитія монархической власти и принятія христіанской вѣры, со введеніемъ которой наши предки мало-по-малу знакомылись съ Греческими законами, идея о существѣ наказанія довольно рано сдѣлалась общою; тѣмъ болѣе, что удѣльная система не могла препятствовать

ея развитію; пачала сего развитія замѣтны уже въ Русской Правдѣ⁽⁸²²⁾. Въ періодъ удѣловъ не только умножились различныя средства наказанія, но также увеличилась строгость самого наказанія, между тѣмъ, какъ Русская Правда знаетъ только пени, виру и выдачу преступника и его имѣнія на разграбленіе князю. Удѣльные князья ввели въ употребленіе смертную казнь, клейменіе преступника, отсѣченіе рукъ и другихъ членовъ. Употребленіе новыхъ средствъ или приложеніе правилъ Русской Правды стало зависѣть отъ степени и свойства преступленія. Мѣриломъ для опредѣленія степени наказанія было принято возмездіе, притомъ не столько формальное, сколько матеріальное. Понятіе о существѣ наказанія не только выражалось на практикѣ, но и сами законодатели хотѣли, чтобы преступникъ подвергся наказанію по мѣрѣ вины своей. Іоаннъ III выразилъ это начало въ своемъ судебникѣ, а Іоаннъ IV поставилъ въ обязанность судьямъ, чтобы подвергали преступниковъ заслуженному наказанію, невзирая ни на какія отношенія. Впрочемъ и въ древнемъ законодательствѣ Русскомъ уже начинали имѣть понятіе, что въ жизни общественной, надобно отличать два первообраза: одинъ постоянный, неизмѣнный, независимый отъ времени и обстоятельствъ; другой измѣняющійся отъ обстоятельствъ времени, и что соединеніе этихъ двухъ первообразовъ и взаимное ихъ столкновеніе способствуетъ полному развитію жизни общественной. Въ древнемъ Русскомъ правѣ, сверхъ началъ безусловныхъ, встрѣчаются начала безопасности и пользы; извѣстно, что князья предпочитали иногда виру другимъ родамъ наказанія, потому что она доставляла имъ выгоду, и что смотрѣли на наказанія, какъ на средство устрашенія. Такъ въ Стоглавѣ, гдѣ назначаются различныя казни, несправедливымъ судьямъ сказано: *да и прочія страхи примутъ таковыя не творити*. Полная система наказаній является въ Уложеніи; обнявши почти весь родъ преступленій, Уложеніе связало всѣ прежнія разнородныя начала въ одно, выразило характеръ и цѣль наказаній, и не отступая отъ принятыхъ основаній, выдерживаетъ до конца въ систематическомъ порядкѣ. Замѣтно, что при составленіи нашего знаменитаго Уложенія, въ Россіи начинали имѣть ясное понятіе о юридическихъ отношеніяхъ, и о томъ, что въ законѣ эти отношенія должны быть ясно и точно опредѣлены. Уложеніе стремилось къ распространенію убѣжденія, что только то должно быть закономъ, что именно опредѣлено постановленіями. Вообще въ сферѣ частнаго права, постоянно являются нѣкоторыя отношенія, существующія въ жизни народной, хотя онѣ не опредѣлены положительнымъ закономъ; но въ уголовныхъ законахъ можно

только почитать наказаніемъ и преступленіемъ то, что явственно положительнымъ закономъ признано наказаніемъ и преступленіемъ. Для достиженія своей цѣли, дать каждому гражданину полную инструкцію его юридической дѣятельности, Уложеніе пополнило свое содержаніе постановленіями изъ Литовскаго Статута, чаобы какъ можно побольше заключить случаевъ, изъ которыхъ можно бы каждому подданному имѣть точнѣйшее понятіе объ его обязанностяхъ какъ къ правительству, такъ и къ другимъ сочленамъ общества. Видно, что эти два юридическія начала *nulla poena sine lege* и *nullum crimen sine poena legali*, получали права гражданства въ Русскомъ правѣ; въ этомъ насъ убѣждаютъ и нѣкоторыя постановленія Уложенія, изъ которыхъ можно заключить, что ему не была дана обратная сила, а новымъ запрещеніямъ велѣно было имѣть силу со времени изданія Уложенія⁽⁸²³⁾.

Первою и безъ сомнѣнія главною цѣлію наказанія по Уложенію, было поддержаніе божественнаго порядка въ обществѣ, посредствомъ подчиненія свободной личности подъ власть Всесильнаго Могущества, управляющаго міромъ. Наказаніе имѣло цѣлію поддержать существующія юридическія отношенія и уничтожить совершившееся противузаконіе и явилось какъ источникъ справедливости, какъ сила устанавливающая и уравнивающая вышнія юридическія отношенія въ обществѣ; словомъ, наказаніе обезпечило владычество справедливости. Уложеніе обняло виды временной пользы и временной безопасности, такъ какъ общество въ продолженіе своего существованія постоянно должно соединять начало вѣчнаго бытія съ цѣлями временными. Тутъ наказаніе имѣло въ виду поддержаніе общественной безопасности, посредствомъ устрашенія отъ ожидаемыхъ нарушеній права, какъ посредствомъ необходимой обороны противъ угрожающихъ въ настоящее время нарушеній, такъ и посредствомъ предупрежденія будущихъ преступленій. — Взглядъ общественной политики долженъ постоянно обращать вниманіе на сомнительную будущность, на все грозящее настоящему. Преступникъ перестаетъ быть цѣлью для самого себя; онъ разсматривается какъ средство, служащее къ обезпеченію общественной безопасности; подвергаясь наказанію, онъ можетъ быть примѣромъ другимъ и тѣмъ самымъ способствовать поддержанію общественнаго порядка. Относительныя цѣли наказанія въ Уложеніи выражены въ знаменитой формулѣ, употребляемой при назначеніи наказанія, *чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать*; а иногда, *чтобы ему (виновному) и инымъ неповадно было*. Сравнивая безусловную цѣль наказаній въ Уложеніи съ от-

посительною, находимъ, что начало чистой справедливости преобладаетъ предъ началами временными. Весьма немногие случаи, въ которыхъ преступникъ разсматривается какъ средство для другихъ, и система устрашенія допущена только въ преступленіяхъ менше тяжкихъ, и нарушающихъ бытія Государства, и не причиняющихъ невозвратныхъ потерь частнымъ лицамъ; въ которыхъ тяжесть преступленія наказывалась по началамъ строгой справедливости. Преимущественно нарушители общественнаго порядка и постановленій, охраняющихъ спокойствіе и безопасность въ Государствѣ, подвергавшіеся денежнымъ штрафамъ и тѣлеснымъ наказаніямъ, которыя по системѣ Уложенія можно причислить къ наказаніямъ исправительнымъ, служили примѣромъ для другихъ. На этомъ основаніи купецъ, вздвигшій въ другое Государство безъ провѣжей грамоты для торговаго промыслу, а не для измѣны, подвергался наказанію кнутомъ, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать⁽³²⁴⁾. Сотенный голова, отпустившій своего ратнаго человека безъ Государева указа и безъ воеводскаго вѣдома, наказывался батогами, для того, чтобы на то смотря, инымъ сотеннымъ головамъ неповадно было такъ дѣлать⁽³²⁵⁾. Ратникъ, который имѣя свои запасы и кормы, принуждалъ жителей къ продажѣ оныхъ по указной цѣнѣ, долженъ былъ заплатить обиженному деньгъ вдвое противу указной цѣны, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать⁽³²⁶⁾. Просители, которые нарушая постановленія о подсудности, обращались прямо къ Государю минуя приказы, подвергались наказанію батогами; а кто почестише, тотъ сажался въ тюрьму на педвлю, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать⁽³²⁷⁾. Похвалявшася въ убійствѣ (если тотъ противу котораго онъ похвалялся, успѣлъ получить опасную грамоту) не имѣвшаго чѣмъ заплатить заповѣди, ставили на правѣхъ не для того, чтобы недостающія деньги съ него взять, но для того, чтобъ на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать⁽³²⁸⁾. Холопъ, который бѣжалъ отъ стараго боярина своего и билъ челомъ во дворъ иному, и тѣмъ учинилъ ссору, подвергался нещадному наказанію кнутомъ на козлѣ передъ приказомъ, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать⁽³²⁹⁾. Укрыватель татей и разбойниковъ платилъ пени десять рублей, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать⁽³³⁰⁾. Стрѣлецъ, который нанесъ безчестіе другому стрѣльцу или женѣ его, и не имѣлъ чѣмъ заплатить безчестія, подвергался наказанію кнутомъ, чтобы ему и инымъ такимъ неповадно было свою братью стрѣльцовъ и ихъ женъ безчестить⁽³³¹⁾. Люди, подкинувшіе другихъ табакомъ, подвергались наказанію кнутомъ на козлѣ, чтобы имъ и инымъ

такимъ впредь неповадно было такъ дѣлать⁽³³²⁾. Люди, отбившіе корчемниковъ и табачниковъ и *питуховъ* у головъ и у дѣтей боярскихъ, подвергались наказанію кнутомъ на козлѣ и по торгамъ, а другіе наказывались батогами, чтобъ на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать⁽³³³⁾. Впрочемъ, въ Уложеніи встрѣчаемъ три раза наложеніе наказаній тяжчайшихъ, чѣмъ исправительныя, какъ мѣру устрашенія а именно: 1) отсѣкалась рука татию, изблеченному въ третій разъ въ воровствѣ въ Государевомъ дворцѣ, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было воровать, въ Государевомъ дворѣ красть⁽³³⁴⁾; 2) казнилась смертію женщина, жившая блудно и скверно и прижившая въ блудѣ дѣтей, если сама или по ея приказанію кто нибудь другой погубить этихъ дѣтей, чтобы на то смотря, иные *такова* беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялись⁽³³⁵⁾; 3) поролось ноздри и рѣзались носы стрѣльцамъ, гуляющимъ и всякимъ людямъ, которые были въ многихъ (болѣе чѣмъ въ трехъ) приводахъ съ табакомъ, чтобы на то смотря инымъ такъ неповадно было дѣлать⁽³³⁶⁾.

Другое важное достоинство Уложенія есть то, что заключивъ въ себѣ множество новыхъ случаевъ, на которые не было прямого постановленія въ древнихъ законахъ, оно опредѣлило всюду точныя наказанія за преступленія и тѣмъ значительно уменьшило число такъ называемыхъ чрезвычайныхъ наказаній, *poena extraordinaria*, которыя были въ большемъ употребленіи во всѣхъ законодательствахъ въ средніе вѣка. Недостатокъ полноты первоначальныхъ постановленій былъ причиною, что судья въ примѣненіи закона, соблазуясь съ нѣкоторыми общими правилами, опредѣлялъ наказанія на частные случаи, предоставляемые его разсмотрѣнію. Чрезвычайныя наказанія принесли великую пользу положительнымъ законамъ: ибо законодатель, опредѣляющій наказаніе на частный случай, можетъ только имѣть въ виду нѣкоторыя обстоятельства, а никогда не можетъ предвидѣть всѣхъ измѣненій, проявляющихся въ жизни общественной. Однако въ подобномъ случаѣ, законодатель перестаетъ быть законодателемъ, уголовное уложеніе — уложеніемъ; ихъ мѣсто занимаетъ судья, который съ личнымъ мнѣніемъ своимъ становится выше закона. Не трудно понять, какой при такомъ устройствѣ дѣлъ легкій прыжекъ къ злоупотребленіямъ и къ насилію! Всякій провинилъ судьи ограниченъ въ Уложеніи. »А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣ за чѣмъ вершити будетъ не мощно, »взносить изъ приказовъ въ докладъ къ Государю Царю и Великому Князю »Алексѣю Михайловичу вся Россіи и къ Его Государевымъ Бояромъ и окольничимъ и думнымъ людямъ«. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставлены въ

Уложеніи неопредѣленные наказанія, назначеніе наказанія предоставлено не судьямъ, а Государю: это наказаніе *какъ или что Государь укажетъ*, опредѣлялось въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда кто извѣщалъ на кого великое Государево дѣло, а свидѣтелей не могъ представить и ничѣмъ не могъ уличить⁽⁸⁵⁷⁾; 2) когда кто безъ Государева повелѣнія въ Государевыхъ прудахъ и озерахъ рыбу ловилъ⁽⁸⁵⁸⁾; 3) боярамъ и воеводамъ, которые безъ Государева указа отпускали со службы ратныхъ людей и брали посулы и поминки⁽⁸⁵⁹⁾; 4) когда кто для своей корысти мосты окалывалъ⁽⁸⁴⁰⁾; 5) когда кто бралъ взятки на судью безъ вѣдома его, то сверхъ нещаднаго наказанія кнутомъ и пени, виновный сажался въ тюрьму до Государева указа⁽⁸⁴¹⁾; 6) когда судья не вершилъ судебныхъ дѣлъ для своей корысти⁽⁸⁴²⁾; 7) когда судья не вѣдидъ въ приказъ своимъ упрямствомъ⁽⁸⁴³⁾, и 8) когда воеводы и дьяки и приказные люди, будучи у Государевыхъ дѣлъ въ городахъ, начнутъ дѣлать городскимъ и уѣзднымъ людямъ продажи и убытки, то съ нихъ доправлялось взятое, да на нихъ же вельпо было брать на Государя пени, что Государь укажетъ, смотря по дѣлу⁽⁸⁴⁴⁾.

Сверхъ наказаній, которыя опредѣлялись по указанію Государя, въ Уложеніи встрѣчаются немногіе случаи, въ которыхъ наказаніе, не бывъ постановлено закономъ, опредѣлялось, смотря по вишъ. Эти немногіе случаи были слѣдующіе: 1) когда ратные люди, идучи на Государеву службу, дѣлали насильство какимъ нибудь людямъ⁽⁸⁴⁵⁾; 2) когда служилый человекъ прїѣдетъ къ кому на станъ и ударитъ тамъ кого рукою, или словомъ кого обезчеститъ, или возметъ что либо грабежомъ, то тотъ наказывался, *смотря по вишъ*, сверхъ платежа базчестія и грабежа вдвое⁽⁸⁴⁶⁾. Разсмотрѣвъ характеръ наказаній Уложенія вообще, теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію въ частности каждаго рода наказаній, опредѣленныхъ въ кодексъ Царя Алексѣя Михайловича.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

С М Е Р Т Н А Я К А З Н Ъ .

Уложеніе, по времени своего изданія, принадлежитъ къ такой эпохѣ, въ которой не начиналось еще пренія о замѣнъ сего наказанія другими болѣе сходными съ началами христіанскими. Филантропическая школа или по-

пулярная, получила свое бытіе спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ его изданія. Напротивъ, въ XVII столѣтіи въ цѣлой Европѣ господствовало мнѣніе, что смертная казнь необходима для поддержанія общественной безопасности; вообще главною отличительною чертою новаго Уголовнаго права были смертная казнь и другія тѣлесныя наказанія. Общее бурное состояніе всѣхъ обществъ, требовало строгихъ мѣръ для искорененія зла. Вездѣ, гдѣ только власть монархическая укрѣплялась, древнія композиціи исчезали и замѣнялись уголовными наказаніями; во Франціи смертная казнь опредѣлялась не только въ Королевскихъ постановленіяхъ, но и въ законахъ, основанныхъ на обычаяхъ (coutumes); ту же самую побѣду новыя понятія одержали надъ системою композицій въ южной Германіи и въ Саксоніи. Наконецъ, Карлъ V въ своемъ знаменитомъ законѣ, извѣстномъ подъ названіемъ: *Constitutio criminalis Carolina*, распространилъ смертную казнь; въ Статутѣ Литовскомъ смертная казнь опредѣлялась почти за всѣ важнѣйшія преступленія. Изъ всего сказаннаго видно, что духъ времени требовалъ, чтобы и въ новой законодательной книгѣ Царя Алексѣя Михайловича, смертная казнь со всеми ея грозными принадлежностями удержалась, тѣмъ болѣе, что въ Россіи смертная казнь существовала до Уложенія и самая историческая необходимость препятствовала ея искорененію. Впрочемъ, благочестіе и милосердіе, которыми извѣстенъ Царь Алексѣй Михайловичъ, беспорно имѣли вліяніе на то, что смертная казнь осталась только за важнѣйшія преступленія, и что во многихъ случаяхъ, когда законъ пополнялся Литовскимъ Статутомъ, смертная казнь въ Уложеніи замѣнялась другими легчайшими, если только это не нарушало современныхъ понятій о справедливости. Кажется, не было другой причины измѣнить постановленія Литовскаго Статута, перенося ихъ на Русскую почву.

Въ Россіи смертная казнь существовала съ древнихъ временъ; послѣ уничтоженія кровной мести, лишеніе жизни преступника сдѣлалось исключительнымъ правомъ верховной власти. Верховная власть для предупрежденія злоупотребленій со стороны своихъ органовъ, опредѣляла тѣ случаи, которые подвергали виновнаго смертной казни. Опредѣленіе этихъ случаевъ встрѣчается въ договорныхъ и въ жалованныхъ грамотахъ удѣльныхъ князей; впрочемъ большая часть этихъ случаевъ поставлена въ непосредственную зависимость отъ рѣшенія Государя, безъ чего судьи не могли ни миловать, ни лишать жизни преступника. Великіе князья вообще боялись злоупотребленія этой власти, а нѣкоторые, по особенному роду набожности того времени, считали грѣхомъ подвергать смертной казни даже обличенныхъ преступниковъ. Во-

обще смертная казнь дѣлается употребительнѣе съ установленіемъ верховной власти въ рукахъ Московскихъ князей, т. е. когда Государство стало укрѣпляться. Этотъ фактъ, относящійся къ исторіи Русскаго права, находится въ полномъ согласіи съ тождественнымъ явленіемъ въ западной Европѣ. Въ Княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго, смертная казнь совершалась уже публично на древнемъ Кучковомъ полѣ⁽⁵⁴⁷⁾. Больше развитіе получила смертная казнь при преемникахъ Донскаго, которые со времени единоначалія, точнѣе опредѣлили нѣкоторыя Государственныя преступленія и строже преслѣдовали виновныхъ. Въ Судебникѣ Іоанна III, лишеніе жизни признается общимъ наказаніемъ для всѣхъ *вѣдомыхъ лихихъ людей*, за всякое *лихо дѣло*, особенно за душегубство, разбой, татьбу, лбедничество и подписку; а Іоаннъ IV умножилъ этотъ списокъ преступленій, включивъ въ число преступниковъ, подлежащихъ смертной казни, бунтовщиковъ (коромольниковъ), измѣнниковъ, церковныхъ и головныхъ татей (похитителей чужихъ людей), убійцъ своихъ господъ, подметчиковъ и зажигателей⁽⁵⁴⁸⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, уголовныя судьи не имѣли права ни казнить, ни отпустить лихаго чловѣка безъ доклада Государю. Исключеніемъ пользовались только губныя старосты, и по свидѣтельству Флетчера, памѣтники отдаленныхъ областей: Смоленской, Новгородской, Псковской и Казанской⁽⁵⁴⁹⁾.

По Уложенію наказывались смертною казнію: 1) богохульники, возложившіе хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на родную его Пречистую Владычицу Богородицу и Приснодѣву Марію, на честный крестъ или на святыхъ угодниковъ⁽⁵⁵⁰⁾; 2) бусурманниъ, совратившій православнаго въ свою вѣру⁽⁵⁵¹⁾; 3) безчинники, не давшіе совершить Божественную литургію⁽⁵⁵²⁾; 4) убившіе чловѣка въ церкви⁽⁵⁵³⁾; 5) умышленявшіе злое дѣло противу Государя⁽⁵⁵⁴⁾; 6) собиравшіе рать для завладѣнія Московскимъ Государствомъ, имѣя въ виду быть Государемъ⁽⁵⁵⁵⁾; 7) измѣнники, сдавшіе непріятелю городъ⁽⁵⁵⁶⁾ или измѣною сожегшіе городъ⁽⁵⁵⁷⁾; 8) родственники измѣнниковъ, знавшіе про измѣну⁽⁵⁵⁸⁾; 9) знавшіе о заговорѣ или другомъ какомъ нибудь зломъ умыслѣ и неизвѣстившіе объ этомъ установленныя власти⁽⁵⁵⁹⁾; 10) приходившіе на Государя или на его органовъ скопомъ и заговоромъ⁽⁵⁶⁰⁾; 11) вынудившіе въ присутствіи Государя саблю или другое оружіе, и нанесшіи этимъ оружіемъ кому нибудь смерть или раны⁽⁵⁶¹⁾; 12) нанесшіи не въ присутствіи Государя, но на его дворѣ раны, отъ которыхъ раненый умеръ⁽⁵⁶²⁾; 13) Поддѣльватели ложныхъ Государевыхъ грамотъ и прикладывавшіе Государевы печати къ воровскимъ письмамъ⁽⁵⁶³⁾;

14) державшіе завѣдомо подложныя грамоты для своихъ пожитковъ и корысти⁽⁵⁶⁴⁾; 15) денежные мастера, дѣлавшіе фальшивыя деньги⁽⁵⁶⁵⁾; 16) вздвигшіе въ чужія государства для измѣны, безъ проѣзжей грамоты⁽⁵⁶⁶⁾; 17) служилые люди, переѣзжавшіе изъ своихъ полковъ въ непріятельскіе полки для сказыванія вѣстей про Государевыхъ ратныхъ людей⁽⁵⁶⁷⁾; 18) ратные люди, ѣхавшіе на Государеву службу или съ Государевой службы, дѣлавшіе по селамъ и деревнямъ смертныя убійства и насилія женскому полу⁽⁵⁶⁸⁾; тяжущіеся, побранившіеся въ судѣ передъ судьями съ своими противниками и ударившіе ихъ какимъ нибудь оружіемъ, отъ чего они умрутъ⁽⁵⁶⁹⁾; 20) убившій судью въ приказѣ⁽⁵⁷⁰⁾; 21) убившій недѣльщика и понятыхъ при отправленіи ихъ должности⁽⁵⁷¹⁾; 22) пріѣхавшій въ чужой дворъ насильствомъ и учинившій въ пріѣздѣ своемъ смертное убійство⁽⁵⁷²⁾; 23) тать, изблеченный въ трехъ татьбахъ⁽⁵⁷³⁾; 24) тать, учинившій убійство на первой татьбѣ⁽⁵⁷⁴⁾; 25) церковныя тати⁽⁵⁷⁵⁾; 26) разбойникъ, изблеченный въ двухъ разбояхъ⁽⁵⁷⁶⁾; 27) разбойники, учинившіе убійство на первомъ разбоѣ⁽⁵⁷⁷⁾; 28) за убійство отца и матери⁽⁵⁷⁸⁾; 29) за убійство брата и сестры⁽⁵⁷⁹⁾; 30) воры, чинившіе смуту въ людяхъ и затѣвавшіе на многихъ людей своимъ воровскимъ умысленіемъ затѣйныя дѣла⁽⁵⁸⁰⁾; 31) жена, учинившая мужу своему смертное убійство или окормившая его ядомъ⁽⁵⁸¹⁾; 32) пріѣхавшіе въ домъ для нанесенія насилія госпожѣ, и люди, которые вмѣсто защиты давали помощь на такое воровство⁽⁵⁸²⁾; 33) наскочавшій съ похвалы или съ пьянства или умышленно на женщину и попадаю ея стоптавшій и повалившій, если женщина отъ того умерла⁽⁵⁸³⁾; 34) приказавшій къ убійству и совершившіе убійство по чужому наущенію⁽⁵⁸⁴⁾; 35) женщина, убившая или приказавшая умертвить своихъ незаконорожденныхъ дѣтей, равно какъ и тѣ, которые исполняли ея приказанія⁽⁵⁸⁵⁾; 36) наконецъ подвергались смертной казни иноземцы и Русскіе люди, которые держали у себя табакъ и табакомъ торговали; это наказаніе, какъ видно изъ самаго Уложенія, введено Царемъ Михаиломъ Федоровичемъ въ 1634 году; Царь же Алексѣй Михайловичъ сохранилъ это наказаніе⁽⁵⁸⁶⁾.

Что касается до исполненія смертной казни, то она была производима разнообразно. Въ древней Россіи были извѣстны не только простые способы лишенія жизни, какъ то: отсѣченіе головы, разстрѣляніе и висѣлица; но также множество сложныхъ: преступниковъ холесовали, разсѣкали на части, разрѣзывали по составамъ, перетирали тонкими веревками, засѣкали до смерти, сажали на колъ, распинали на крестѣ: подозреваемыхъ въ отравленіи заставляли выпивать ядъ; преступниковъ также топили въ рѣкѣ: зимою пускали подъ ледъ,

родъ казни, бывшей въ особомъ употребленіи въ Новгородѣ, гдѣ преступниковъ свергали съ моста въ Волховъ, сажали на кострахъ и въ желѣзныхъ кляткахъ⁽⁸⁹⁷⁾.

Въ Уложеніи опредѣлены слѣдующіе роды смертной казни: 1) *сожженіе* за богохульство, отвращеніе отъ Православія и за умышенное поджигательство⁽⁸⁹⁸⁾; 2) *опшаніе* — за измѣну ратныхъ людей⁽⁸⁹⁹⁾; 3) *закапываніе въ землю живаго* — за умерщвленіе женами мужей своихъ⁽⁹⁰⁰⁾, и 4) *залитіе горла* расплавленнымъ металломъ — за дѣланіе фальшивой монеты⁽⁹⁰¹⁾. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ назначалась смертная казнь безъ опредѣленія способа ея исполненія. Впрочемъ, въ Кошихинѣ находимъ исчисленіе разныхъ видовъ смертной казни, изъ которыхъ видимъ, что сверхъ опредѣленныхъ въ Уложеніи родовъ смертной казни, существовали еще слѣдующіе: отсѣченіе головы топоромъ, вѣшаніе за другія преступленія сверхъ измѣны ратныхъ людей, четвертованіе; сожженіе сверхъ опредѣленныхъ случаевъ въ Уложеніи, за церковную татьбу, за содомское дѣло, за волховство, за чернокнижество, женщинамъ за чаровство и убійство отсѣкалась голова, а закапыванію въ землю подвергались женщины, сверхъ умерщвленія мужей своихъ, за погубленіе дѣтей и за иныя такія злыя дѣла⁽⁹⁰²⁾.

Приговоренный къ смерти преступникъ, сажался въ особую яму на шесть пядей для покаянія, и потомъ подвергался казни⁽⁹⁰³⁾. Беременная же женщина не подвергалась казни до разрѣшенія отъ бремени, а до того времени содержалась въ тюрьмѣ за крѣпкою *приставою*, чтобы не ушла⁽⁹⁰⁴⁾.

Смертная казнь совершалась публично на площади, въ присутствіи многочисленнаго собранія народа, который собирался на ужасное зрѣлище, не только привлекаемый любопытствомъ, но также принуждаемый правительствомъ, которое хотѣло строгостію наказанія навести ужасъ на зрителей. Въ день назначенный для казни, въ опредѣленномъ мѣстѣ (сперва на Кучковомъ полѣ, потомъ на площади въ Китаѣ городѣ или на Москвѣ рѣкѣ) приготовлялись орудія смерти: зажигали костры, ставили висѣлицы и котлы съ кипящей и холодной водою, и т. п. Царь Іоаннъ IV лично присутствовалъ при совершеніи казни; когда Царь не присутствовалъ лично, то въ Москвѣ мѣсто его заступали тиуны Московскій и дворецкій. Если же преступленіе было совершено въ областномъ городѣ, или въ уѣздѣ, то казнь происходила на мѣстѣ преступленія, и тогда при ея исполненіи присутствовали намѣстники и волостели, а въ разбойныхъ дѣлахъ губные старосты. Но въ случаяхъ неопредѣленныхъ законами или сомнительныхъ, преступниковъ привозили въ

Москву, гдѣ произносился окончательный надъ нимъ приговоръ и совершалась казнь⁽⁹⁰⁵⁾. Кошихинъ говоритъ о закапываніи въ землю живыхъ женщинъ, повѣствуетъ, что онѣ закапывались до груди вмѣстѣ съ руками и послѣ потаптываютъ ногами, и отъ того умирали въ тотъ самый день или на другой или на третій⁽⁹⁰⁶⁾. Одинъ очевидецъ Корпилій Бруинъ, бывшій въ Россіи въ 1702 году, рассказываетъ о наказаніи закапываніемъ въ землю слѣдующимъ образомъ: »Деятнадцатаго Генваря я былъ свидѣтелемъ ужасной казни: женщина, умертвившая своего мужа, была живая зарыта въ землю до самыхъ плечъ; она показалась мнѣ въ этомъ положеніи еще довольно свѣжею и съ видомъ мало растроенымъ. Ей повязали около шеи и головы бѣлый холстъ; но она просила, чтобы съ нея оный сняли, потому что онъ мѣшалъ ея дыханію. Ее окружало трое или четверо солдатъ, имѣвшихъ приказаніе не позволять ей получать никакой пищи; но позволено было бросать въ яму ея нѣсколько копѣекъ, за которыя она благодарила наклопеніемъ головы. Эти деньги обыкновенно употребляются на покупку свѣчей, которыя зажигаются въ церквахъ предъ иконами за упокой души, а частію также и на покупку гроба. Можетъ быть даже, что стражи частію изъ этого подавнія берутъ себѣ, или покупаютъ на нихъ какую нибудь пищу, которую тайкомъ даютъ преступницамъ: ибо многія изъ нихъ, какъ сказываютъ, довольно долго живутъ въ этомъ положеніи. Но эта женщина умерла на другой день послѣ того, какъ я ее видѣлъ«⁽⁹⁰⁷⁾.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ТѢЛЕСНЫЯ НАКАЗАНІЯ.

1) Членовредительныя наказанія.

Въ Законахъ, предшествовавшихъ Уложенію, этотъ родъ наказанія служилъ частію средствомъ для обозначенія преступника, замѣченнаго въ воровствѣ: »а татя всякаго плтничка«⁽⁹⁰⁸⁾. Но преимущественно, какъ замѣчаетъ г. Калачевъ⁽⁹⁰⁹⁾, оно употреблялось въ видѣ особеннаго взгляда нашихъ предковъ на возмездіе, какъ на существо наказанія. Въ этомъ отношеніи виновный подвергался лишенію того или другаго члена, не только за повреж-

деніе тѣлеснаго организма, но также за преступленіе, совершенное при солѣйствіи этого члена; за воровство отсѣкали руки, за богохуленіе, за слова, оскорбительныя для Государевой части, за ложные доносы лишали языка, носа, ушей⁽⁶⁰⁰⁾. Впрочемъ, членовредительныя наказанія имѣли большее значеніе на практикѣ, нежели въ системѣ законовъ, гдѣ, за преступленія подлежащія этой казни, назначались наказанія болѣзненные или денежныя штрафы. И такъ, между тѣмъ, какъ исторія представляетъ безчисленные примѣры членовредительствъ, а именно отсѣченіе: рукъ, ногъ, языка и другихъ членовъ, выкалываніе, выкалываніе и вырѣзываніе глазъ, положительное законодательство знало только отсѣченіе руки, обыкновенное наказаніе для воровъ, и плеченіе или клейменіе (на щекъ или на лбу), которому подвергались также преступники. Въ Судебникахъ ничего не упоминается объ отсѣченіи членовъ⁽⁶⁰¹⁾.

Вводя членовредительныя наказанія, Уложеніе не столько имѣло въ виду прежній обычай, сколько подражало Градскимъ законамъ, а преимущественно Литовскому Статуту, въ которыхъ этотъ родъ наказанія существовалъ, съ тою только разностью, что смягчая строгость Литовскихъ наказаній, Уложеніе часто опредѣляло отсѣченіе руки вмѣсто опредѣленной тамъ смертной казни. Уложеніе заимствовало изъ Литовскаго Статута систему матеріальнаго возмездія, въ опредѣленіи наказаній за отсѣченіе кому либо членовъ; преступленіе, которое носило названіе *мучительнаго наругательства*. Виновному въ этомъ преступленіи отсѣкались тѣже самые члены, которые онъ отсѣкъ: »если кто нибудь отсѣчетъ руку, или ногу, или носъ, или ухо, или губы, или обрѣжетъ, или глазъ выколетъ и за такое его наругательство самому ему »тоже учинити«⁽⁶⁰²⁾. Кроме этого случая, Уложеніе допускаетъ только отсѣченіе руки, тоже следуя особому понятію о возмездіи, господствовавшему и въ другихъ законодательствахъ, что наказанію подлежитъ тотъ членъ, который былъ орудіемъ при совершеніи преступленія; отсѣченіе же другихъ членовъ въ видѣ наказанія встрѣчается однажды, а именно: уха за повтореніе въ третій разъ скрытной ловли рыбы изъ чужихъ прудовъ⁽⁶⁰³⁾. Отсѣченіе руки опредѣлялось за слѣдующія преступленія: 1) за вынутіе при Государѣ на кого нибудь оружія⁽⁶⁰⁴⁾; 2) за нанесеніе ранъ кому нибудь въ Государевомъ дворѣ⁽⁶⁰⁵⁾; 3) за третье воровство въ государевомъ дворѣ⁽⁶⁰⁶⁾; 4) за воровство ратнымъ человѣкомъ во время службы лошади⁽⁶⁰⁷⁾; 5) за подложное составленіе подъячимъ суднаго списка, т. е. не такъ какъ въ судѣ было написано⁽⁶⁰⁸⁾; 6) за нанесеніе ранъ и *зашибаніе* судьи въ приказѣ⁽⁶⁰⁹⁾; 7) за нанесеніе ранъ при насильномъ пріѣздѣ на чей нибудь домъ⁽⁶¹⁰⁾; 8) за на-

писаніе заемной кабалы заочно площаднымъ подъячимъ⁽⁶¹¹⁾. Ноздри поролось и носъ рѣзался за особый родъ преступленія: за изобличеніе въ четвертый разъ въ держаніи и продажѣ табаку⁽⁶¹²⁾. Въ Уложеніи сохранилось установленіе, введенное обычаемъ, отрѣзывать члены для означенія преступниковъ; мѣтой для этого были уши; лѣвое ухо отрѣзывалось у татя сверхъ наказанія⁽⁶¹³⁾. За вторую татьбу правое⁽⁶¹⁴⁾. За разбой тоже отрѣзывалось правое ухо⁽⁶¹⁵⁾. Что рѣзаніе ушей было мѣрою полицейскою для предупрежденія сокрытія преступниковъ, а не уголовное наказаніе, доказательствомъ служить 19 статья XXI главы Уложенія, въ которой велѣно было кликать *бирючемъ*, чтобы нигдѣ не держать людей съ рѣзанными ушами, у которыхъ не было писма (свидѣтельства), что они уже подверглись установленному наказанію за свою вину.

2). Наказаніе кнутомъ.

Наказаніе кнутомъ считалось легчайшимъ, чѣмъ членовредительныя наказанія. Оно употреблялось отдѣльно, въ видѣ самостоятельнаго наказанія, а иногда вмѣстѣ съ тюремнымъ и денежными наказаніями; оно было простое или жестокое и нещадное; при томъ въ видѣ усиленія оно производилось публично на торгахъ; отъ чего иногда называлось *торговою казнію* или оно производилось у приказовъ и на козлѣ. Это наказаніе было въ большемъ употребленіи до Уложенія; распространеніе его въ Россіи надобно приписать вліянію примѣра Монголовъ и Татаръ, а можетъ быть частію и Восточной Имперіи, въ которой съ противностью духу Римскихъ законовъ, вошли въ употребленіе болѣзненные тѣлесныя наказанія, что тоже надобно приписать вліянію сосѣдственныхъ азійскихъ народовъ⁽⁶¹⁶⁾. Въ Уложеніи, чаше другихъ наказаній встрѣчается кнутъ, и употребляется въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) за сказываніе Государева дѣла и слова, когда его не было, пьянымъ обычаемъ или *избивая* отъ кого побой⁽⁶¹⁷⁾; 2) за первое и второе воровство, учиненныя на Государевомъ дворѣ⁽⁶¹⁸⁾; 3) за примѣшиваніе, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерами, неблагородныхъ металловъ въ частныхъ работахъ⁽⁶¹⁹⁾; 4) за проѣздъ въ другія Государства безъ проѣзжей грамоты⁽⁶²⁰⁾; 5) за побѣгъ ратныхъ людей изъ полковъ безъ отпуска⁽⁶²¹⁾; 6) за неправильное собраніе мыта мытчиками и мостовщиками⁽⁶²²⁾; 7) за ложное сказываніе торговыми и другихъ чиновъ людьми, что они служилые люди, для избѣжанія платежа мыта и перевозныхъ денегъ⁽⁶²³⁾; 8) за окалываніе мостовъ для своей корысти⁽⁶²⁴⁾; 9) за вынесеніе дѣлъ изъ приказа дякамъ и подъячимъ⁽⁶²⁵⁾; 10) за жалобу челобит-

чика не дѣломъ на дѣла (020); 11) за причиненіе подъячимъ промедленія въ рѣшеніи дѣлъ (027); 12) за нанесеніе ранъ однимъ изъ тяжущихся другому въ присутствіи суда (028); 13) за причиненіе безчестія судѣ въ приказѣ не пригожимъ словомъ (029); 14) за нанесеніе безчестія приставу, посланному съ наказною памятью за отвѣтчикомъ (030); 15) за пріѣздъ въ качествѣ товарищей главнаго виновнаго, для учиненія насилія (031); 16) за продажу въ посадахъ черными людьми своихъ дворовъ (032); 17) за взятіе подставной кабалы (033); 18) за первую татьбу (034); 19) за попоровку недѣльщиками, татямъ и разбойникамъ (035); 20) за злоупотребленія по должности губныхъ цѣловальниковъ (036); 21) за отдачу недѣльщиками татей на поруки (037); 22) за воровскую ловлю рыбъ изъ чужихъ прудовъ, учиненную во второй разъ (038); 23) за оскорбленіе дѣтьми родителей (039); 24) за обиду, нанесенную стрельцомъ стрельцу, если ему печѣмъ будетъ заплатить безчестіе (040); 25) за изобличеніе во второй и третій разъ въ корчемствѣ (041); 26) за отпущеніе корчемника и табачника головами не боярскими дѣтьми (042).

Нещадное и жестокое наказаніе кнутомъ производилось: 1) за извѣщеніе *про Государево здоровіе* или *про измѣнное дѣло* людьми на своихъ господъ, или крестьянами на своихъ помѣщиковъ, и ничего не представившихъ для улики (043); 2) за побѣгъ съ военной службы иноземцевъ, кормовыхъ людей, стрельцовъ, казаковъ и достаточныхъ людей (044); 3) за побѣгъ съ бою (045); 4) за воровство ружья служилыми людьми (046); 5) за ложное показаніе свидѣтелей (047); 6) за насильственный пріѣздъ на чужой домъ, если это насиліе несопровождалось убійствомъ и ранами (048); 7) за побѣгъ холопа отъ одного боярина къ другому (049); 8) за приписку воеводами, приказными людьми и губными старостами въ холопство людей, содержащихся въ тюрьмѣ (050); 9) за умышленное наскоченіе лошадыю на женщину, если женщина беременная родитъ мертвое дитя (051); 10) за промышль отъ безправственности (052).

Публичное наказаніе производилось или на торгахъ, или при приказѣ при многихъ людяхъ или даже сначала при приказѣ, а послѣ на торгу, или наконецъ на торгу въ теченіе нѣсколькихъ дней. Наказаніе кнутомъ при приказѣ производилось: 1) за ябедничество (053); 2) за незаписку подъячимъ суднаго дѣла въ книгу, съ цѣлю покорытованія казенными пошлинами (054). Наказывались кнутомъ сперва въ приказѣ, а послѣ на торгу въ рядахъ, ябедники, изобличенные въ ябедничество въ третій разъ (055). Въ продолженіе трехъ дней на торгу наказывались, цѣловавшие крестъ въ томъ, что, бѣглыхъ крестьянъ у нихъ нѣтъ, когда въ послѣдствіи бѣглые были найдены у нихъ (056).

Торговою же казнію наказывались: 1) безчинники, которые войдя въ церковь говорили непристойныя рѣчи священническому чину (057); 2) судьи не изъ думныхъ людей за неправосудіе (058); 3) дѣлки, велѣвшіе написать судное дѣло не такъ какъ въ судѣ было (059); 4) подъячій за незаписку въ книгу во второй разъ судныхъ дѣлъ (060); 5) посадскіе люди, которые записывались въ крестьяне за частными лицами (061); 6) крестьяне, купившіе послѣ изданія Уложенія въ посадахъ тяглые дворы, лавки, погреба, амбары и варницы (062); 7) наругатели, зазвавшіе кого илбу или силою заволокли къ себѣ на дворъ, и бывшіе заващаго ослопомъ, кнутомъ или батогами (063); 8) корчемники, у которыхъ вымутъ корчму во второй разъ (064).

Число ударовъ, какъ при простомъ наказаніи, такъ и при жестокомъ и нещадномъ, нигдѣ не опредѣлено Уложеніемъ; даже въ слѣдственномъ дѣлѣ, помѣщенномъ въ Юридическихъ актахъ (065), по которому назначены были тѣлесныя наказанія, виновнымъ число ударовъ тоже не упоминается. Извѣстный путешественникъ Олеарій описалъ торговую казню (066). Виновный спускалъ съ себя одежду и сажался на спину помощнику палача, обвивъ руки около его шеи. Ноги преступника связывались веревкой, которую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него держалъ за концы другой прислужникъ палача; отчего подвергавшійся наказанію не могъ даже свободно шевелиться. Палачъ, стоя отъ преступника въ трехъ добрыхъ шагахъ, изо всей силы стегалъ его толстымъ длиннымъ кнутомъ, такъ что послѣ каждаго удара, кровь текла ручьями, потому что кнутъ оканчивался тремя ремнями изъ самой грубой кожи, которые рвали спину, какъ бы пожемъ. Иногда несчастный издыхалъ подъ ударами палача, хотя послѣдній не имѣлъ права превышать назначеннаго числа ударовъ. Для этого судья или недѣльщикъ, присутствовавшій при совершеніи казни, объявлялъ число ударовъ, опредѣленное судебнымъ рѣшеніемъ и по исполненіи казни кричалъ палачу: *полно* или *стой*.

3). Наказаніе батогами.

Это наказаніе считалось легчайшимъ, чѣмъ наказаніе кнутомъ, потому что оно опредѣлялось за меньшія вины или хотя за одинаковыя преступленія, но когда виновный принадлежалъ къ высшему сословію. Наказаніе батогами было двойное, или простое или нещадное. Простому наказанію батогами подвергались: 1) безчинники, ударившіе кого въ церкви (037); 2) ходившіе съ пищалями и луками на Государевомъ дворѣ и въ Москвѣ (068); 3) сотен-

ные головы, отпускаящие ратныхъ людей безъ Государева указу⁽⁶⁶⁹⁾; 3) челобитчикъ, солгавшій на подъячаго⁽⁶⁷⁰⁾; 4) дьякъ по посуламъ дѣлавшій проволочку въ движеніи дѣлъ⁽⁶⁷¹⁾; 5) бившій челомъ прямо Государю мимо приказовъ⁽⁶⁷²⁾; 6) замахнувшійся въ судѣ какимъ нибудь оружіемъ⁽⁶⁷³⁾; 7) люди, которые сдѣлавшись сильными, не хотѣли даваться на поруки⁽⁶⁷⁴⁾; 8) отвѣтчикъ, укрывавшійся въ третій разъ отъ пристава⁽⁶⁷⁵⁾; 9) тати, ловившіе въ первый разъ татинымъ обычаемъ изъ чуждаго пруда рыбу⁽⁶⁷⁶⁾; 10) *питухи*, изблеченные въ покупкѣ корчемнаго вина⁽⁶⁷⁷⁾.

Нещадное наказаніе батогами опредѣлялось за слѣдующія вины: 1) за недоставленіе приставомъ, въ продолженіи трехъ дней, поручной записи⁽⁶⁷⁸⁾; 2) за злоупотребленіе недѣльщиковъ по должности своей⁽⁶⁷⁹⁾; 3) за порчу чуждой птицей привады⁽⁶⁸⁰⁾. Наказаніе батогами совершалось слѣдующимъ порядкомъ: преступника клали на землю ничкомъ, обнаживъ ему спину до рубахи; два человека держали его одинъ за ноги, другой за голову, а третій (ипогда и нѣскольکو человекъ вмѣстѣ) билъ его по спинѣ прутьями, а щипкою въ палець, до тѣхъ поръ, пока не останавливалъ его судья⁽⁶⁸¹⁾.

4). *Правежъ.*

Вообще правежъ не былъ наказаніемъ, но мѣрою понудительною къ припужденію должника къ платежу; однако въ одномъ случаѣ Уложеніе даетъ ему характеръ наказанія, а именно: если кто нибудь узналъ, что другой похвалялся на него смертнымъ убійствомъ, и просилъ о выдачѣ ему на того, кто на него похвалялся, опасной грамоты, въ которой прописывалась большая заповѣдь въ пять, въ шесть и въ семь тысячъ, и больше. Если въ послѣдствіи похвалявшійся ранилъ получившаго опасную грамоту, то платилъ опредѣленную въ ней заповѣдь, изъ которой одна половина поступала къ наследникамъ убитаго, а другая въ Государеву казну. Если виновный не могъ заплатить заповѣди, то вотъ слова закона: »а чего за тѣмъ въ заповѣдь не дойдетъ и то на немъ править, и такія заповѣди ему не отдавать и бить его на правежъ безо всякія пощады не для того, чтобъ на немъ тѣ достальныя деньги взять, а для того, чтобъ на то смотря, инымъ не повадно было такъ «воровать»⁽⁶⁸²⁾. Правежъ производился слѣдующимъ образомъ: приставъ выводилъ должника разутого на улицу, не смотря ни на какое время года, къ дверямъ суднаго приказа, и сѣлъ его въ часы засѣданія по голой ногъ пруткомъ до тѣхъ поръ, пока судьи не уѣзжали домой⁽⁶⁸³⁾.

Наказаніе розгами не опредѣлялось въ Уложеніи.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ССЫЛКА.

Въ древнемъ Русскомъ правѣ до Іоанца IV, ссылка смѣшивалась съ заключеніемъ, такъ что эти оба наказанія часто соединялись вмѣстѣ и состояли въ заключеніи виновнаго въ отдаленномъ городѣ или монастырѣ. Открытіе Сибири дало возможность Россіи ввести этотъ родъ наказанія на болѣе точныхъ основаніяхъ. До того времени ссылка не была опредѣлена положительнымъ закономъ, а являлась на практикѣ болѣе отъ княжескаго опредѣленія. Исторія сообщаетъ намъ извѣстіе, что Великій князь Мстиславъ Владиміровичъ сослалъ въ 1229 году Полотскихъ князей въ Грецію; но преимущественно ссылка заключалась въ изгнаніи виновнаго изъ мѣста жительства или изъ мѣста, гдѣ совершено было имъ преступленіе, что называлось *выбити воиъ* изъ города и волости. Назначеніе отдаленнаго мѣста для жительства встрѣчается въ значеніи *опалы*, или исключительно какъ мѣра охраненія; въ первомъ случаѣ виновному поручалась извѣстная служба или обязанность въ городѣ, въ которомъ ему вѣлно жить; во второмъ случаѣ онъ лишался всякой должности и находился подъ строгимъ надзоромъ мѣстнаго начальства⁽⁶⁸⁴⁾.

Къ ссылкѣ можно отнести мѣру, весьма часто употребляемую въ древнемъ Русскомъ правѣ, а именно переселеніе жителей изъ одной области въ другую, которая употреблялась частію какъ мѣра наказанія, но преимущественно какъ мѣра для предупрежденія возмущенія въ областяхъ вновь присоединенныхъ. Часте другихъ употребляли ее Іоаннъ III и Іоаннъ IV; сей послѣдній вывелъ изъ Пскова въ 1569 г. 500 семействъ, а изъ Новгорода 150 въ Москву. Это переселеніе жителей изъ одной области въ другую называлось *разводиломъ*⁽⁶⁸⁵⁾.

По Уложенію, ссылка опредѣлялась въ отдаленные города, на Украину и въ Сибирь. Въ отдаленные города ссылались стрѣльцы и всякіе *гуляціе* люди, которые были во многихъ приводахъ съ табакомъ, послѣ исполненія надъ ними опредѣленнаго наказанія, т. е. поротія поздрей и рѣзанія носа; назначеніе мѣста ссылки зависѣло отъ усмотрѣнія Государя⁽⁶⁸⁶⁾. Въ Украинскіе города ссылались тати за первую и вторую татьбу; послѣ отсидѣнія урочныхъ лѣтъ въ тюрьмѣ, а разбойники за первый разбой тоже по окончаніи положеннаго имъ тюремнаго заключенія. Они посылались въ Украинскіе

города туда, куда Государь указывалъ, и вѣрно имъ тамъ было быть *въ какой чинъ пригодится* ⁽⁶⁹⁷⁾. Подъячій, изобличенный въ томъ, что во второй разъ не записалъ суднаго дѣла въ книгу, для открытія пошлннъ, ссылался въ Украинскіе города на службу, въ какую пригодится ⁽⁶⁹⁸⁾. Въ Сибирь на житье на Лену ссылались тяглые посадскіе люди, которые послѣ изданія Уложенія закладывались у кого и именовали себя чинами нибудь крестьянами ⁽⁶⁹⁹⁾.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Тюремное заключеніе употреблялось въ Россіи до изданія Уложенія, какъ самостоятельное наказаніе и какъ мѣра охраненія; какъ самостоятельное наказаніе тюремное заключеніе было пожизненное или временное. Тюрьма по смерти преимущественно употреблялась, когда преступникъ, подлежащій смертной казни, не признавался въ своемъ преступленіи ⁽⁷⁰⁰⁾. Назначеніе срока временнаго заключенія зависѣло отъ усмотрѣнія верховной власти, которая также назначала мѣсто для содержанія преступника. Какъ мѣра охраненія, заключеніе употреблялось не только для подсудимыхъ, но и для виновныхъ въ извѣстномъ преступленіи; въ первомъ случаѣ подсудимый подвергался заключенію, если не могъ представить порукъ въ томъ, что въ опредѣленный срокъ явится на судъ или заплатитъ долгъ, или что за неуплатой долга будетъ ставиться на правекъ; тому же наказанію подвергались и тѣ, которые не могли представить порукъ въ томъ, что впередъ не будутъ повторять учиненнаго ими преступленія. Содержимаго въ тюрьмѣ *ковали въ желѣза* тогда только, когда неподлежало сомнѣнію, что онъ не можетъ представить порукъ. Поручители (порутчики), принимая на свою отвѣтственность подсудимаго или отвѣтчика *отвѣчали головою въ его мѣсто*, въ случаѣ неисполненія съ его стороны возложенной на него обязанности или въ случаѣ совершенія имъ новаго преступленія; или принуждены были заплатить сумму денегъ, заблаговременно опредѣленную въ *поручной записи* и пополнить всѣ убытки истца и судебныя издержки ⁽⁷⁰¹⁾.

Характеръ тюремнаго наказанія не измѣнился въ Уложеніи, въ кото-

ромъ видно продолженіе началъ, основанныхъ на постановленіяхъ, ему предшествовавшихъ. Тюремное заключеніе продолжало быть мѣрою охранительною и наказаніемъ иногда единственнымъ, а чаще соединеннымъ съ тѣлесными и съ денежными наказаніями. Срокъ содержанія въ тюрьмѣ, болѣею частію былъ опредѣленъ; замѣчательно, что въ Уложеніи не встрѣчается заключеніе на всю жизнь. Сроки содержанія въ тюрьмѣ, опредѣленные закономъ были слѣдующіе: *четыре года* за татьбу, учиненную во второй разъ ⁽⁷⁰²⁾; *три года* за разбой, учиненный въ первый разъ ⁽⁷⁰³⁾; *два года* за первую татьбу ⁽⁷⁰⁴⁾, *годъ* за ложную присягу ⁽⁷⁰⁵⁾, за убійство родителями дѣтей своихъ ⁽⁷⁰⁶⁾, за покражу въ четвертый разъ корчемнаго вина ⁽⁷⁰⁷⁾; *полгода* за второе воровство, учиненное въ Государевомъ дворѣ ⁽⁷⁰⁸⁾, за принужденіе къ дачѣ крѣпостной записи *наряднымъ дѣломъ* поневолю ⁽⁷⁰⁹⁾, за продажу корчемнаго вина въ третій разъ ⁽⁷¹⁰⁾; *три мѣсяца* за вынутіе въ Государевомъ дворѣ, но не при Государѣ, оружія на кого нибудь ⁽⁷¹¹⁾, за похвальбу въ учиненіи смертнаго убійства челоукомъ безпомѣстнымъ и безвотчиннымъ, или иноземцемъ кормовымъ ⁽⁷¹²⁾, за отнятіе и изорваніе Государевой грамоты или за оскорбленіе пристава, привезшаго наказную грамоту ⁽⁷¹³⁾; *шесть недѣль* за прибитіе кого нибудь до крови въ Государевомъ дворѣ ⁽⁷¹⁴⁾; *мѣсяць* за нанесеніе въ церкви ранъ, побоевъ и обиды словомъ ⁽⁷¹⁵⁾, за ударъ рукою, учиненный въ Государевомъ дворѣ ⁽⁷¹⁶⁾, за укрывательство въ третій разъ отвѣтчика отъ посланнаго за нимъ пристава ⁽⁷¹⁷⁾, за покупку въ третій разъ корчемнаго вина ⁽⁷¹⁸⁾; *дѣль недѣль* за покупку во второй разъ корчемнаго вина ⁽⁷¹⁹⁾, за обиду словомъ, непасенную въ Государевомъ дворѣ ⁽⁷²⁰⁾; *недѣля* за хожденіе въ городъ съ пищалями и луками ⁽⁷²¹⁾, за челобитію, поданную людьми *почестилье* прямо Государю мимо приказовъ ⁽⁷²²⁾ за побѣгъ отъ пристава по требованію имъ поруки для явки въ судъ ⁽⁷²³⁾. Кроме опредѣленныхъ сроковъ, въ Уложеніи встрѣчается заключеніе, *на сколько Государь укажетъ* ⁽⁷²⁴⁾, *до Государева указа* ⁽⁷²⁵⁾ и *однажды* безъ всякаго опредѣленія срока, *вкинуть въ тюрьму* ⁽⁷²⁶⁾. Люди, которые не имѣли порукъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый долженъ былъ представить поручителей или того, чтобы остаться на свободѣ, подвергались заключенію впредь до представленія порукъ ⁽⁷²⁷⁾. Тати и разбойники, которымъ опредѣленъ былъ долгій срокъ сидѣнія 4, 3 и 2 года во время своего заключенія, посылались въ кандалахъ работать *на всякія издѣлія*, гдѣ Государь указывалъ ⁽⁷²⁸⁾.

Тюрьмы въ Москвѣ были въ вѣдѣніи Разбойнаго Приказа и строились на счетъ Государевой казны ⁽⁷²⁹⁾. Цѣловальщиками и сторожами въ Москов-

скихъ тюрьмахъ были тяглые люди изъ торныхъ сотенъ и слободъ⁽⁷²⁰⁾. Въ городахъ тюрьмы строились и цѣловальники и подъячіе и тюремные сторожа избирались съ посадовъ и съ деревень, какъ принадлежавшихъ Государю, такъ и духовенству и со всякихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, съ которыхъ собирались, по раскладкѣ, деньги пужбы на содержаніе тюремъ⁽⁷²¹⁾. Впрочемъ, изъ вотчинъ и помѣстій, въ которыхъ было меньше двадцати дворовъ, запрещено было избирать цѣловальниковъ, подьячихъ и сторожей⁽⁷²²⁾. Тюрьмы въ городахъ состояли въ вѣдѣніи губныхъ старостъ; имъ вмѣнялось въ обязанность часто осматривать тюрьмы и тюремныхъ сидѣльцевъ, для того, чтобы тюрьмы были крѣпки, и чтобы у сидѣльцевъ ничего не было, чѣмъ бы имъ изъ тюрьмы вырѣзываться⁽⁷²³⁾. Заключение въ тюрьмѣ не получали казеннаго продовольствія; тѣ изъ нихъ, которые имѣли родителей или родственниковъ, получали содержаніе отъ нихъ; для добычавшихъ пища тѣмъ изъ заключенныхъ, которымъ не было чѣмъ содержаться, посылались ежедневно два челоуѣка изъ менѣ виновныхъ, скованные, съ сторожами, для собиранія по торгамъ и по дворамъ милостыни деньгами и хлѣбомъ; все собранное раздѣляли они съ своими товарищами и тѣмъ кормили себя⁽⁷²⁴⁾. Кажется, что не всегда довольствіе заключенныхъ было обильно, что можно заключить изъ того, что содержавшіеся въ тюрьмахъ, прося Государя объ освобожденіи, писали, что сидя за рѣшеткою, помираютъ голодною смертію, и оканчивали челобитною слѣдующимъ образомъ: » Милосердый Государь, пожалуй меня сироту своего, вели Государь, потому дѣлу свой Великаго Государя милостивый указъ учинить, и меня сироту своего изъ за рѣшетки свободить, чтобъ сидя мнѣ сиротѣ твоему за рѣшеткою голодною смертію не умереть⁽⁷²⁵⁾«.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

ДЕНЕЖНЫЯ НАКАЗАНІЯ.

Древній характеръ денежныхъ наказаній совершенно измѣнился, вѣры и головничество вышли изъ употребленія гораздо прежде Уложенія; преступленія противу частныхъ лицъ начали считаться дѣйствіями, оскорбляющими святость Государственнаго союза, отъ чего запрещено было мириться съ раз-

бойниками⁽⁷²⁶⁾. Денежныя наказанія существовали только въ видѣ вознагражденія за убытки и ущербы, нанесенные частному имуществу и за оскорбленіе чести; въ семъ послѣднемъ случаѣ они назывались *безчестіемъ*, количество котораго, какъ мы выше видѣли, было большею частію опредѣлено закономъ. Это безчестіе было простое, двойное и даже тройное⁽⁷²⁷⁾. Вознагражденіе было тоже простое⁽⁷²⁸⁾, и двойное⁽⁷²⁹⁾. Въ двухъ только случаяхъ важныхъ преступленій встрѣчаются денежные взысканія, которыя противурѣчатъ цѣлой системѣ наказаній, принятой Уложеніемъ. Появленіе этихъ двухъ исключеній надобно приписать вліянію Литовскаго Статута: за отсѣченіе членовъ при мучительскомъ паруганіи, виновный, какъ мы уже видѣли, подвергался возмездію, и сверхъ того платилъ по пятидесяти рублей за каждый членъ⁽⁷³⁰⁾, и если похвалявшійся, противу котораго взята была *опасная грамота*, учинилъ убійство, тогда съ него взыскивалась заповѣдь, написанная въ записи, изъ которой половина поступала въ казну, а другая въ пользу родственниковъ убитаго⁽⁷³¹⁾. Впрочемъ, съ убійцы иногда взыскивались деньги, но онѣ поступали не къ родственникамъ убитаго, а на заплату его кабальныхъ долговъ⁽⁷³²⁾. Денежныя наказанія полагались за слѣдующіе проступки: 1) за ловлю рыбы изъ Государевыхъ прудовъ и озеръ, бралось на Государя пени, сколько Государь указывалъ⁽⁷³³⁾; 2) за ложное сказываніе купцовъ, что они служилые люди, для избѣжанія платежа мыта, взыскивались пени пять рублей⁽⁷³⁴⁾; 3) за неправосудіе, съ судей брали истцовъ искъ втрое, который отдавался истцу, а на Государя брали пошлины, пересудъ, и правый десятокъ⁽⁷³⁵⁾; 4) за требованіе лишняго иска взыскивались тройныя пошлины⁽⁷³⁶⁾; 5) за нанесеніе продажъ и убытковъ городскимъ и уѣзнымъ жителямъ, взыскивалось съ воеводы и дьяковъ на Государя пени, сколько Государь указывалъ⁽⁷³⁷⁾; 6) за допущеніе дѣла до суда владѣльцомъ, котораго скотъ сдѣлалъ поврежденіе въ чужой землѣ, взыскивалась двойная пошлина на Государя⁽⁷³⁸⁾, за держаніе у себя людей съ рѣзаными ушами, которые не отсидали въ тюрьмѣ положеннаго для нихъ срока⁽⁷³⁹⁾ и за нарушеніе корчемныхъ правъ⁽⁷⁴⁰⁾.

Конфискація имущества существовала съ самыхъ древнѣйшихъ временъ въ Россіи; она была известна при Великомъ князѣ Владимірѣ; въ Русской Правдѣ она опредѣлена была противу преступниковъ, уличенныхъ въ разбой, за кражу княжескаго копя и закигательство княжескаго гумна, не смотря на то, что виновный сверхъ того выдавался князю головою. Въ позднѣйшія времена, конфискація имущества встрѣчалась весьма часто, пре-

преимущественно въ соединеніи съ смертною казнію, хотя бывали примѣры, что преступникъ не лишаясь жизни, терялъ имущество. Изъ уставныхъ и жалованныхъ грамотъ видно, что *статокъ* или *штрафъ* преступника, уличеннаго въ душегубствѣ, разбоѣ и татѣбѣ, употреблялось частію на удовлетвореніе истца; но преимущественно поступало въ руки намѣстниковъ или князей. Въ судебныхникахъ Іоанновъ III и IV, конфискація получила гораздо точнѣйшія правила; она преимущественно употреблялась въ тяжайшихъ преступленіяхъ, когда преступникъ подвергался смертной казни. Все имущество, за исключеніемъ части, служившей для удовлетворенія иска, поступало въ казну (741). По Уложенію, конфискація имущества полагалась за слѣдующія преступленія: 1) за измѣну брались все вотчины, помѣстья на Государя, и имущество родственниковъ, знавшихъ про измѣну (742); но для предупрежденія злоупотребленій тѣ только купчія и закладныя на имѣнія измѣнниковъ признавались действительными, которыя были совершены до измѣны (743); 2) за оставленіе за собою послѣ срока заклада людьми, не принадлежавшими къ сословію посадскихъ, подложнымъ образомъ имущество, лежавшихъ въ посадахъ, которыя отнимались безденежно на Государя (744); 3) разбойничьи животы, которые оставались отъ истцовой выти, продавались на Государя (745); 4) за укрываніе помѣщикомъ своихъ людей и крестьянъ разбойниковъ, и не представленіе въ губу, отнимались у помѣщика помѣстья и отдавались въ раздачу (746); 5) за держаніе и продажу табаку, дворы и животы продавались, а деньги вырученныя поступали въ Государеву казну (747); 6) за третій побѣгъ со службы ратныхъ людей, помѣстье отъ нихъ отнималось и давалось въ раздачу (748).

За второй побѣгъ ратныхъ людей со службы, отнималась часть имущества: съ помѣстнаго оклада у нихъ убавлялось пятьдесятъ четвертей, да денегъ съ помѣстнаго ихъ оклада со ста четвертей по рублю (749).

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

ЛИШЕНІЕ ЧЕСТИ.

Вообще наказанія тѣлесныя не лишали чести; впрочемъ, кажется, что торговая казнь, совершаемая публично, имѣла между прочимъ въ виду пристыдить преступника; съ этою цѣлію встрѣчаемъ въ Уложеніи *сказаніе вины*

при многихъ людяхъ (750). Однако упоминается въ Уложеніи объ отпятіи чести-наказаніи, которому подвергался бояре, окольничіе и думные люди за неправосудіе, учиненное изъ видовъ корысти, дружбы или недружбы (751). Къ этому разряду наказаній слѣдуетъ отнести *выговоры*, *опалу* и *выдачу головою*. Выговоръ состоялъ въ объявленіи виновному, что онъ учинилъ *негораздо* и употреблялся, если отвѣтчикъ отбивался отъ пристава и по приставной памяти поруки по себѣ не давалъ (752). Опала означала преимущественно гибель Царскій, удаленіе виновнаго отъ двора, съ *глазъ Государя*, и угрожала преступнику потерей довѣренности Царской, лишеніемъ знатной должности при дворѣ, службою въ отдаленномъ городѣ (753). Царская опала, падая преимущественно на приближенныхъ къ престолу, была въ особености чувствительна для Царедворцевъ, по нелицемѣрной любви къ Монарху, которою издревле отличались Русскіе. По Уложенію, подвергались опалѣ воеводы, которые проѣзжихъ грамотъ вскорѣ кому не давали, и тѣмъ чинили простой и убытки (754), и люди всякихъ чиновъ и крестьяне въ Москвѣ, которые покупали недвижимую собственность въ посадахъ (755). Выдача головою назначалась за высшія степени обиды, когда истецъ не могъ довольствоваться денежной пеней, вообще опредѣляемой за личную обиду и требовалъ наказанія болѣе удовлетворительнаго для своей оскорбленной чести, отъ котораго бы могло въ свою очередь оскорбиться честолюбіе его соперника. Въ этомъ значеніи выдача головою отличалась отъ выдачи преступника на произволь или въ собственности истца, и отъ выдачи неисправнаго должника займодавцу въ услуженіе, т. е. выдачи головою *до искупа*, и можно сказать, что она была не что иное какъ обрядъ, оскорбляющій чувство чести виновнаго. Этотъ обрядъ состоялъ въ слѣдующемъ: истца или отвѣтника, обвиненнаго по суду, приводили на дворъ его соперника пристава, въ сопровожденіи дьяка или же подъячаго. На нижнемъ крыльцѣ онъ долженъ былъ ожидать прихода соперника. Когда онъ являлся на крыльцѣ дьякъ или подъячій говорилъ, что Великій Государь указалъ, бояре приговорили такого челоука къ нему отдать головою. Бояринъ благодарилъ за *Царское жалованье*, отпускалъ соперника, довольствуясь его униженіемъ и даже одаривъ дьяка или подъячаго, а на другой день ѣздилъ къ самому Царю благодарить за его *жалованье* (756). Выдача головою преимущественно производилась за споры о мѣстничествѣ, о которомъ въ Уложеніи ничего не упомянуто; за то выдача головою была опредѣлена за оскорбленіе словомъ Патріарха болрами, окольничими и думными людьми (757).

ОТДѢЛЪ ОСЬМОЙ.

ОТРЪШЕНІЕ ОТЪ ДОЛЖНОСТИ.

Отрѣшеніе отъ должности назначалось за некоторыя преступленія, опредѣленныя закономъ. Уложеніе нашло это наказаніе въ законахъ предшествовавшихъ ему. По судебнику, подъячій и недѣльщики отрѣшались отъ должности: во первыхъ когда находили у нихъ за городомъ или на подворьѣ списки съ судебныхъ дѣлъ, которые должны были храниться въ приказахъ: во вторыхъ, когда они брали *посуль*. Въ Стоглавѣ судьямъ угрожался отрѣшеніемъ отъ должности, не только за лихоимство, но также за продажу и насильство. Достаточнымъ доказательствомъ въ этихъ преступленіяхъ считалось показаніе добрыхъ свидѣтелей, и виновные подвергались наказанію безъ суда⁽⁷⁸⁰⁾. По уложенію судьямъ неправосуднымъ не велѣно было впредь *быть у дѣла*⁽⁷⁸⁰⁾. За выносъ дѣлъ изъ приказа, Уложеніе постановляетъ тоже самое наказаніе, которое существовало въ судебникѣ⁽⁷⁸⁰⁾. Недѣльщикъ за медленную ставку отвѣтчика къ суду и за взятіе лишняго жоженана сверхъ указа, когда въ этомъ былъ изобличенъ во второй разъ, выкидался изъ недѣльщиковъ⁽⁷⁸¹⁾. Губные цѣловальники тоже выкидывались изъ цѣловальниковъ за освобожденіе татей и разбойниковъ⁽⁷⁸²⁾; тому же наказанію подвергались объѣзжіе головы и дѣти боярскія, которые взявъ откупъ, отпускали табачниковъ и корчемниковъ⁽⁷⁸³⁾.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ВНУТРЕННЕЕ ОТНОШЕНІЕ НАКАЗАНІЯ КЪ ПРЕСТУПЛЕНІЮ.

Нѣтъ, можетъ быть, ничего труднѣе, какъ пайти внутреннія отношенія между наказаніемъ и преступленіемъ. Средства, находящіяся въ рукахъ нашихъ, съ трудомъ могутъ преодолѣть встрѣчаемыя препятствія. Исторія Уголовнаго права представляетъ много попытокъ для достиженія этой цѣли, которые проявились въ трехъ системахъ, въ Греческой, въ Италіанско-Французской и Нѣмецкой; двѣ послѣднія системы явились послѣ изданія Уложенія, потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Кодексъ Царя Алексѣя Михайловича не встрѣчаются начала такъ называемой полятики Уголовнаго права, преимущественно созданной знаменитыми трудами Монтескье, Филапжіери и Пасторетти; тѣмъ болѣе, Уложенію не могли быть извѣстны начала новой Нѣмецкой школы, которая полагаетъ, что мѣра наказанія должна быть основана на личныхъ качествахъ преступника. Словомъ, можно сказать, что въ Уложеніи преимущественно господствуютъ древнія понятія о справедливости, развитыя въ древности Греками, по которымъ для опредѣленія внутренняго отношенія между преступленіемъ и наказаніемъ, нужно было прибѣгнуть къ началамъ возмездія.

Возмездіе, встрѣчаемое въ Уложеніи, было формальное; матеріальное, господствовавшее въ древнемъ Русскомъ правѣ, начало исчезать прежде Уложенія. Оно существовало во время господства кровной или родовой мести и являлось еще иногда во времена близкія къ изданію судебника, чему примѣры находимъ въ исторіи: во первыхъ въ убійствѣ Дмитріемъ Тверскимъ, по прозванію *грозныя очи*, въ ордѣ дяди его Георгія Даниловича, по извѣтамъ ко-

торого былъ лишенъ жизни отецъ Дмитрій Святый Михаилъ Тверской, и вторыхъ въ ослѣпленіи Димитріемъ Шемякою Великаго Князя Василія, получившаго отъ того названіе Темнаго: Шемяка мстилъ за ослѣпленіе своего брата Василія Косаго, и потому считалъ это достаточнымъ оправданіемъ своей жестокости въ глазахъ народа и Великаго князя. Когда наказаніе сдѣлалось принадлежностію верховной власти, замѣтки были вначалѣ слѣды вліянія матеріальнаго взгляда; сюда относятся съ одной стороны, наказанія, подвергавшія преступника тому же злу, какое онъ причинилъ своимъ преступленіемъ; съ другой—лишеніе членовъ, которые служили орудіемъ для исполненія тѣхъ или другихъ преступленій. За воровство отсѣкала руку, за клевету и злорѣчіе языкъ, за ослѣпленіе лишали зрѣніи, за отравленіе умерщвляли ядомъ.

Въ Уложеніи остались весьма слабыя слѣды физическаго или матеріальнаго возмездія, въ немъ основаніемъ соразмѣрности между наказаніемъ и преступленіемъ, служило формальное или юридическое возмездіе. Вся преступленія, которыя уничтожали бытіе частныхъ лицъ, или угрожали общественному быту, наказывались отнятіемъ юридическаго бытія у того, кто совершалъ такія преступленія. Это наказаніе было смертная казнь, которая по чистымъ юридическимъ началамъ справедливости, только одна можетъ соответствовать величинѣ совершеннаго противузаконнаго дѣйствія и самымъ удовлетворительнымъ образомъ можетъ уравниваться это дѣйствіе. Второй родъ преступленій состоялъ изъ дѣйствій, которыя производятъ нарушеніе правъ не въ цѣлости, но въ какой нибудь части, и притомъ такихъ, которыя могутъ быть возстановлены. Противу этихъ преступленій, Уложеніе полагаетъ отнятіе членовъ; это наказаніе преимущественно было заимствовано изъ Литовскаго Статута и Градскихъ законовъ. Въ Уложеніи отнятіе членовъ теряетъ свой прежній характеръ матеріальнаго возмездія, чему лучшимъ доказательствомъ служить отъсѣченіе руки за воровство, отрѣзанія языка за клевету и т. п. Кромъ отсѣченія членовъ, за этотъ родъ преступленій Уложеніе опредѣляетъ тяжкія тѣлесныя наказанія и тюремное заключеніе. Третій родъ преступленій составляютъ Полицейскіе проступки, къ которымъ относятся такія дѣйствія, которыя не нарушаютъ самаго права, но только ограничиваютъ средства, употребляемыя для обезпеченія правъ. Противъ нарушеній третьяго рода, Уложеніе опредѣлило денежныя наказанія, кратковременное тюремное заключеніе и легчайшія тѣлесныя наказанія. Уложеніе тоже обращало ви-

маніе на волю и на дѣйствіе вѣншее; но объ этомъ предметѣ мы уже говорили, разсматривая сущность преступленій.

Обращая вниманіе на наказанность преступленій со стороны личныхъ свойствъ и качествъ преступника, можно замѣтить, что кромъ наказанности объективной, должно имѣть еще въ виду наказанность субъективную, и что преступленія по разнымъ отношеніямъ лица, совершившаго запрещенное дѣйствіе, могутъ быть наказываемы строже или легче. Къ обстоятельствамъ, увеличивающимъ наказаніе, могутъ быть отнесены слѣдующія: 1) Повтореніе преступленія; этотъ случай былъ извѣстенъ въ законахъ до Уложенія, по которымъ за воровство, учиненное въ первый разъ, преступникъ наказывался только торговою казнію и отдавался на крѣпкую поруку; по за второе и третье, подвергался пыткамъ и смертной казни. Подобно тому, за одинъ или за два разбоя виновный освобождался иногда отъ смертной казни, между тѣмъ, какъ признаніе въ трехъ разбояхъ во всякомъ случаѣ, подвергало лишенію жизни (765). Въ Уложеніи есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ отъ повторенія преступленія измѣнялись не только степень, но и самый родъ наказанія. Говоря о преступленіяхъ, мы уже подробно разсматривали и взысканія; посему, не повторяя сказаннаго выше, мы здѣсь ограничимся исчисленіемъ только однихъ случаевъ. Такъ усиливалось наказаніе отъ повторенія татъбы и разбоя (766), отъ непослушанія распоряженіямъ правительства (767), отъ злоупотребленія по службѣ (768), отъ побѣга съ военной службы (769), отъ воровства на Государевомъ дворѣ (770), и наконецъ за повтореніе нарушенія правилъ по дѣламъ табачнымъ и корчемнымъ (771); 2) *стеченіе преступленій*. Если изъ двухъ преступленій одно превышало другое, то виновный подвергался наказанію, опредѣленному закономъ за большее преступленіе. Такъ, преступникъ, изобличенный въ учиненіи убійства на татъбѣ или разбоѣ, прямо подвергался смертной казни (772); 3) *учиненіе преступленія съдомымъ лицомъ* членомъ, чему основаніемъ служило, частью предположеніе что онъ учинилъ преступленіе злопамѣренно, частию же, что онъ оказывался виновнымъ во многихъ преступленіяхъ, какъ скоро былъ уже извѣстенъ за лихаго человека (773); 4) *стеченіе лица физическаго или нравственнаго*, права котораго были нарушены преступленіемъ. Такъ мы уже видѣли, что тоже самое преступленіе, совершенное въ присутствіи Государя или на Государевомъ дворѣ, или въ судѣ, строже наказывалось чѣмъ, когда оно было учинено не въ этихъ мѣстахъ; равнымъ образомъ въ обидахъ, чѣмъ выше было званіе обиженнаго и чѣмъ ниже званіе обидчика, тѣмъ взысканіе было

строже; 5) степень лица, учинившаго преступленіе: такъ за неправосудіе у бояръ, окольничихъ и думныхъ людей отнималась честь, а судьи не изъ думныхъ людей подвергались торговой казни⁽⁷⁷⁴⁾. За записку дѣла не такъ какъ въ судѣ было, дьякъ подвергался торговой казни и отрѣшался отъ должности, а подъячему за тоже преступленіе отсѣкалась рука⁽⁷⁷⁵⁾. За медленность въ рѣшеніи дѣла, дьяки наказывались батогами, а подъячій кнутомъ⁽⁷⁷⁶⁾, за подачу челобитень мимо приказовъ прямо Государю, челобитчики подвергались наказанію батогами, а кто почестнее того велено было сажать въ тюрьму на недѣлю⁽⁷⁷⁷⁾.

Уложеніе не знаетъ обстоятельствъ, служащихъ основаніемъ къ уменьшенію наказанія. Къ обстоятельствомъ, освобождающимъ отъ наказаній, можно причислить необходимую оборону, о которой мы уже говорили. Сроки давности нигдѣ не опредѣлены въ Уложеніи, а о помилованіи встрѣчаемъ только правило, что, если Государь проститъ измѣнника, то не возвращаетъ ему конфискованныхъ помѣстій⁽⁷⁷⁸⁾. Впрочемъ, въ исторіи встрѣчаются многіе примѣры помилованія, которые могли только исходить отъ верховной власти.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Правила, изложенныя въ Уложеніи о судопроизводствѣ, въ главныхъ чертахъ не представляютъ ничего новаго; все существенное есть продолженіе постановленій судебника и правилъ, собранныхъ въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа. Уложеніе не составляетъ эпохи въ судопроизводствѣ, которое оставалось неизмѣненнымъ до радикальнаго измѣненія, сдѣланнаго мудрымъ преобразователемъ Россіи Петромъ Великимъ.

Въ Уложеніи для всѣхъ родовъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, существовалъ одинъ порядокъ судопроизводства, который въ подробности изложенъ въ X главѣ; къ этому общему правилу допущены нѣкоторыя дополненія, относящіяся къ татинымъ и разбойнымъ дѣламъ. Эти дополненія не такъ много отличались отъ общаго порядка, чтобы составить другой родъ, а могли только образовать особый видъ общаго порядка судопроизводства. Для объясненія этихъ общихъ началъ, надобно въ частности изслѣдовать всѣ отдѣлы, входящіе въ составъ судопроизводства.

— 116 —
ОТДѢЛЬ ВТОРОЙ.

О ПОДСУДНОСТИ.

Всѣ учрежденія, пося въ себѣ отпечатокъ исторической необходимости, отличались въ особенности спеціальностію своею. Приказы, высшія учрежденія Россіи во времена Уложения, отличаются этимъ характеромъ; въ особенности замѣтна была склонность классифицировать вѣдомства управленія по сословіямъ; отъ того образовалось общее правило, что если кому случилось обратиться въ Приказъ, подѣ которымъ кто въ вѣдомствѣ написанъ, судимъ (770). Для дѣлъ разбойныхъ, татинныхъ и убійственныхъ, со временъ Іоанна учрежденъ Разбойный Приказъ и губные старосты; въ послѣдствіи для тѣхъ же преступленій, совершенныхъ въ Москвѣ, учрежденъ земскій дворъ; впрочемъ вѣдомству этихъ установленій подчинены были разбойныя и татинныя дѣла, когда истцы были челомъ съ личнымъ, или, когда подозрѣваемые были лихованы въ обыскахъ или были обвиняемы язычною молвою; въ противномъ случаѣ эти дѣла разсматривались въ Судномъ приказѣ, гдѣ кто судимъ (780). Но если дѣло доходило до пытокъ, то истцы и ответчики отсылались въ Разбойный Приказъ. Изъ чего можно заключить, что порядокъ движенія дѣлъ убійственныхъ, татинныхъ и разбойныхъ, былъ скороокончательный и употреблялся тогда, когда не пужно было прибѣгать къ сложнымъ доказательствамъ, для удостовѣренія въ фактѣ.

Приказы были не только административныя установленія, но и судебныя, которыя рѣшали всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, кромѣ предоставленныхъ Разбойному Приказу. Во внутреннемъ устройствѣ приказовъ, начало единовластнаго управленія было преобладающимъ во времена Уложения. Хотя въ царствованіе Алексѣя Михайловича Московскими приказами, областями и уѣздами завѣдывало уже не одно, но многія лица: воеводы съ товарищами; но это назначеніе нѣсколькихъ лицъ не имѣло въ виду введенія коллегіальнаго устройства, а только облегченіе воеводы, которому поручался приказъ, потому что многосложность занятій, связанныхъ съ извѣстнымъ управленіемъ, превышала силы одного человѣка. Право суда и расправы въ дѣлахъ гражданскихъ имѣли всѣ приказы безъ исключенія; но чрезвычайно трудно опредѣлить предметы и лица, на которые простиралась судебная власть

каждаго приказа въ особенности; эта трудность происходитъ отъ неправильнаго распределенія предметовъ вѣдомства между приказами и зависѣла отъ историческаго развитія судоустройства въ этомъ періодѣ. Дабы составить понятіе о кругѣ дѣйствія Московскихъ приказовъ, надобно обратить вниманіе на юридическія начала, опредѣляющія ихъ занятія. Главнѣйшія изъ этихъ началъ были слѣдующія:

1. Начала управленія областями или странами. Приказъ, которому было ввѣрено управленіе областію Московскаго царства, имѣлъ въ ней право суда и расправы во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ и между всеми лицами. Этимъ началомъ опредѣляется подсудность въ приказахъ: 1) Казанскаго дворца, 2) Сибирскомъ, 3) въ четвертныхъ приказахъ: Владимірскомъ, Галицкомъ и Устюжскомъ, 4) Великороссійскомъ, 5) Литовскомъ, 6) Лифляндскихъ дѣлъ, 7) Малороссійскомъ и 8) Смоленскомъ. Эти приказы состояли подѣ вѣдомствомъ Государственнаго Посольскаго приказа, они учреждались по мѣрѣ присоединенія этихъ областей и царствъ къ Россіи. Судебная власть ихъ простиралась на всѣ гражданскіе споры, возникавшіе въ подвѣдомственной имъ области.

2. Начало отдѣльнаго управленія гражданскими сословіями. Судебная власть приказовъ, подѣ вѣдомствомъ которыхъ состояли цѣлыя гражданскія сословія, ограничивалась болѣею частію судными дѣлами между лицами, принадлежащими къ этимъ сословіямъ. Приказы, завѣдывающіе цѣлыми сословіями, были слѣдующіе: 1) Аптекарскій, имѣвшій судебную власть въ некоторыхъ дѣлахъ между иностранными докторами и врачами, которые находились въ Россіи, и молодыми Русскими, отданными имъ на обученіе; 2) Иноземскій, между иноземцами, служившими въ Русскомъ войскѣ; 3) Казачій, между атаманами и всѣмъ казачьимъ войскомъ, кормовымъ и бѣломѣстнымъ, кобынымъ и пѣшимъ въ Москвѣ и городахъ; 4) Монастырскій, между митрополитами, архіепископами, епископами, приказными людьми, дѣтьми боярскими, состоявшими на службѣ у духовенства, ихъ дворовыми людьми и крестьянами, монастырями, архимандритами, игуменами, всѣмъ монашескимъ и священническимъ чиномъ, монастырскими слугами и крестьянами, и церковнослужителями; 5) Патріаршій разрядъ между всеми состоявшими на службѣ у патріарха, патріаршими приказными людьми, его крестьянами и дворовыми людьми, и всеми живущими въ его домовыхъ вотчинахъ; 6) Пушкарскій, между пушкарями, засѣчными головами, затнищниками, воротничками городовыми, селитренными и колодезными мастерами; 7) Рейтар-

ской, между рейтарами; 8) Разрядный, между дворянами пшжих чиновъ до стольниковъ; 9) Стрѣлецкій, между Стрѣльцами Московскими и городовыми; 10) Ямской между ямщиками; 11) Посольскій, между всеми иностранцами, какого бы званія ни были, кромѣ тѣхъ, которые вѣдались въ иноземномъ приказѣ; 12) большого двора, между дворцовыми крестьянами, и 13) большія казны, между гостями, гостинными и суконными сотнями, и купцами.

3. Начало администраціи, по различнымъ отраслямъ управления: 1-е) вотчинный приказъ по дѣламъ вотчиннымъ и поместнымъ; 2-е) холопній приказъ завѣдывалъ дѣлами о крѣпостныхъ людяхъ; 3-е) судные приказы по спорамъ и тяжбамъ, возникавшимъ влѣдствіе договоровъ и гражданскихъ преступленій. Судныхъ приказовъ, кромѣ патриаршаго и дворцоваго, было во время Уложенія три: Новгородскій, Московскій и Владимірскій; 4-е) наместъ, патриаршій разрядъ судилъ дѣла о духовныхъ и рядныхъ записяхъ⁽⁷⁸¹⁾.

Дѣла разбойныя, убійственныя и татинныя при тѣхъ условіяхъ, которыхъ мы выше упомянули, совершенныя въ Московскомъ уѣздѣ, вѣдались въ разбойномъ приказѣ⁽⁷⁸²⁾. Совершенныя въ Москвѣ вѣдались въ Земскомъ дворѣ⁽⁷⁸³⁾; въ другихъ же городахъ вѣдались губными старостами и цѣловальниками, по наказамъ изъ Разбойнаго Приказа, а гдѣ не было губныхъ старостъ, тамъ губныя дѣла вѣдали воеводы и приказные люди⁽⁷⁸⁴⁾.

Разбойный Приказъ существовалъ уже въ самомъ началѣ Царствованія Іоанна IV. Въ грамотѣ, данной Бѣлозерцамъ въ 1539 г., упоминается о боярахъ Московскихъ, которымъ приказаны разбойныя дѣла⁽⁷⁸⁵⁾. Бояре въ Разбойномъ Приказѣ руководствовались при исправленіи своей должности такъ называемою *Уставною книгою Разбойнаго Приказа*, которая хранилась въ приказѣ за подписью дяковъ Василія Щелкалова и Мясоѣда Вислаго. Въ случаяхъ сомнительныхъ, бояре испрашивали разрѣшенія Государя. Приговоръ думныхъ бояръ записывался также въ Уставную книгу, отчего въ ея спискахъ вмѣстѣ съ первоначальнымъ текстомъ содержатся и позднѣйшія дополненія⁽⁷⁸⁶⁾. Уставная книга служила основаніемъ XXI главъ Уложенія. Съ 1663 по 1683 годъ Разбойный Приказъ именовался *Сыскныхъ дѣлъ приказомъ*, но въ 1681 и 1684 г. въ записныхъ книгахъ писанъ Разбойнымъ Приказомъ, а въ 1684 г. Цари Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ указали Разбойный Приказъ писать Сыскнымъ; а въ 1701 году Ноября во 2-й день по именному указу, сыскному приказу быть невелѣно; имѣющіеся же въ томъ приказѣ дѣла, были отосланы въ тѣ приказы, въ которыхъ которые чины расправою вѣдомы⁽⁷⁸⁷⁾.

Губнымъ старостамъ поручена судебная расправа по дѣламъ разбойнымъ, а въ послѣдствіи и въ татинныхъ дѣлахъ Царемъ Іоанномъ IV; причины побудившія его передать такую огромную власть, изложены нами выше. Губные старосты и цѣловальники получали указы изъ Разбойнаго Приказа. Въ губные старосты назначались дворяне добрые и прожиточные, которые были уволены отъ службы за старостью или за ранами, или такіе, за которыхъ служили дѣти и племянники. Необходимымъ условіемъ, чтобы занять должность губнаго старосты, было знаніе грамоты. Въ городахъ, въ которыхъ не было дворянъ, позволялось выбирать дѣтей боярскихъ, съ тѣмъ, чтобы они соединяли все условія, постановленныя для дворянъ. Въ городахъ въ выборъ губныхъ старостъ участвовали дворяне, дѣти боярскія, посадскіе и люди всякихъ чиновъ, жилецкіе и уѣздные сошныя. Избранные губные старосты присылались изъ городовъ въ Москву въ Разбойный Приказъ, гдѣ они приводились къ присягѣ и отпускались въ города съ наказными памятями. Съ губными старостами были губные цѣловальники и дяки, которые приводились къ присягѣ въ городахъ воеводами при губныхъ старостахъ, а присяжныя ихъ записи отсылались изъ городовъ въ Разбойный Приказъ⁽⁷⁸⁸⁾; губнымъ старостамъ приказывалось и въ наказахъ писалось имъ съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобы они про татей и разбойниковъ сыскивали и того смотрѣли и берегли накрѣпко, чтобы не бѣжать татей, разбойниковъ и разбойничьихъ становъ и пріѣздовъ не было⁽⁷⁸⁹⁾.

Если споръ возникалъ между лицами, подсудимыми двумъ различнымъ приказамъ, то дѣло разсматривалось въ томъ приказѣ, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ отвѣтчикъ⁽⁷⁹⁰⁾. Изъ этого правила были сдѣланы нѣкоторыя исключенія а именно: встрѣчный искъ судился въ приказѣ, которому былъ подчиненъ истецъ⁽⁷⁹¹⁾. Если кто либо вчинялъ искъ, и по рѣшеніи дѣла отвѣтчикъ, не сходя съ суда, вчинялъ другой искъ противу своего истца, то послѣдній искъ назывался *встрѣчнымъ*. Въ дѣлахъ вѣдомыхъ Разбойнымъ Приказомъ и губными старостами подсудимость опредѣлялась не только мѣстомъ жительства преступника, но и мѣстомъ, гдѣ совершено преступленіе, и мѣстомъ поимки виновнаго.

Въ судахъ письменоводствомъ занимались дяки и подъячіе, исполнителями же судебныхъ опредѣленій были *медельщики, приставы, тюремные сторожа и палачи*.

Тяжущимся и подсудимымъ позволялось отводить судей: такъ, если истцы были челомъ на котораго губнаго старосту недружною или поповою,

и у того дѣла съ тѣмъ старостою, на котораго была челобитная, вѣлно было *быть много города губному старостѣ* (702). Относительно прочихъ судей полагалось слѣдующее правило, что тѣмъ изъ нихъ, на котораго били челомъ, истецъ или отвѣтчикъ, не вѣлно было судить, а судить ихъ другому судѣ, кому Государь укажетъ (703). Впрочемъ, просить объ отводѣ можно было до суда, а не послѣ суда (704).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПОВОДЫ КЪ НАЧАТІЮ ДѢЛА.

1). *Общія правила.*

Дѣло получало начало подачею челобитни въ судъ или приводомъ виновнаго съ поличнымъ. Въ древней первоначальной формѣ суда не только дѣла гражданскія и искн о убыткахъ, ущербахъ и обидахъ и увѣчь преслѣдовались закономъ, когда частныя лица искали покровительства установленныхъ властей, но и самыя уголовныя преступленія подходили подъ сіе общее правило. Впослѣдствіи же, когда верховная власть сознала, что нарушение правъ частныхъ лицъ есть вмѣстѣ нарушение началъ, на которыхъ зиждется все Государственное устройство; кромѣ жалобы частныхъ лицъ были приняты для преслѣдованія преступленій другія начала. Въ особенности эти понятія развились съ установленіемъ губныхъ старостъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность сыскивать всеми средствами о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ.

Въ слѣдствіе сего, кромѣ челобитни и привода съ поличнымъ, поводомъ къ началу суда могло быть извѣстіе о запрещенномъ дѣяніи; это извѣстіе пріобрѣталось повѣркою народной молвы посредствомъ обысковъ и оговоромъ лицъ, изобличенныхъ въ преступленіи, въ участіи съ ними другихъ лицъ.

2). *Объ искѣ.*

Искъ вчиналъ истецъ, подавая въ судъ прошеніе. Хотя не было формы прошенія, определенной закономъ, но изъ многихъ примѣровъ видно, что практикой была введена общая форма, именно слѣдующая: *Царю Государю и Великому Князю бьетъ челомъ* (такой то); потомъ слѣдовали самыя обстоятельства дѣла: излагалось содержаніе иска, приводились его основанія и проч., за тѣмъ:

Царь Государь смилуйся пожалуй вели (то и то), и на концѣ *Царь Государь смилуйся*. Называя себя по имени, приводя въ прошеніи названіе деревень, упоминая о людяхъ, зѣмляхъ и проч., челобитники употребляли самыя уничижительныя выраженія: *нищихъ, людешекъ*, а въ собственныхъ именахъ: *Митька, Мелешка, Лавринка*, и т. п. Обычаемъ даже были введены нѣкоторыя выраженія, которыя челобитчики неоднократно повторяли въ своихъ жалобахъ, на примѣръ: *бьетъ челомъ и плачется* (такой-то). *Смилуйся пожалуй Государь вели* (то и то) *учинить, чтобы мы нищіе* (отъ такого то) *великаго утѣшенія съ конецъ не загибли; чтобы намъ голодною смертію не умереть* и пр. (705). Въ прошеніи слѣдовало назначать цѣну иска; если же цѣны не было выставлено, то отвѣтчикъ могъ не отвѣчать (706). Къ прошеніямъ надобно отнести письменныя явки, которыя подавались въ приказы къ воеводамъ и губнымъ старостамъ тогда, когда покрали животы или взяли разбоемъ. Въ явкахъ имущество описывалось подробно (707).

3). *Приводъ съ поличнымъ.*

Если виновный приведенъ былъ съ поличнымъ, то разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла поступало въ Разбойный Приказъ или въ Губы. Вынимать поличное слѣдовало съ приставомъ и съ понятыми (708). При этомъ условіи поличное служило полнымъ доказательствомъ, и приведенный подвергался пытке (709). Если кто не давалъ вынуть поличнаго съ приставами и понятыми, или, если вышутое поличное отобралъ, тогда объ этомъ обстоятельствѣ дѣлался обыскъ, и если по обыску было сказано, что онъ поличнаго у себя вынуть не далъ, спряталъ, то тоже подвергался пытке (800). Вліяніе поличнаго было весьма значительно; отъ него зависѣла особая подсудность, а вмѣстѣ съ тѣмъ преступленіе считалось доказаннымъ; истцамъ не было болѣе нужды представлять доказательства для обличенія приводнаго человѣка, который подвергался пытке. Для предупрежденія злоупотребленій, если виновный приведенъ былъ безъ пристава, то приводъ сохранялъ свою силу тогда только, когда приведенный человѣкъ не билъ челомъ, что его истцы ополчили насильно; въ противномъ случаѣ сыскивались всеми сыски *накрѣпко*, гдѣ его съ поличнымъ поймали; если же не было *нѣтъ сыскать*, то истцамъ съ приводнымъ человѣкомъ давался судъ (801).

4). *Обыскъ.*

Обыскъ употреблялся губными старостами и Разбойнымъ Приказомъ, какъ мѣра правительственная, которою часто пользовались не имѣя въ виду частнаго иска, единственно для того, чтобы обнаружить преступленія, которыя могли бы остаться неизвѣстными. Въ такомъ значеніи, повальный обыскъ составлялъ первую обязанность губныхъ старостъ, при самомъ вступленіи ихъ въ должность. Съ этой цѣлью губные старосты и цѣловальники съѣзжались въ одно мѣсто, куда изъ всей губы должны были явиться къ нимъ князья, боярскія дѣти и ихъ прикащики, крестьяне различныхъ владѣльцевъ кречетники, сокольничьи, рыболовы, бобровники и вообще всѣ сословія *безъ омыли, чей кто нибудь, съ выти по челоуьку.* На съѣздъ губные старосты спрашивали людей свѣтскаго состоянія по крестному цѣлованію, а духовенство по священству: «кто у нихъ въ губѣ лихихъ людей татей и разбойниковъ? къ кому разбойники и тати прѣзжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ? отъ кого на разбой ѣздятъ и кому разбойную рухлядь продаютъ за разбойное». Показанія *обыскныхъ* людей записывалъ губный дьякъ *по старьямъ, порознь,* и сами прикладывали руки, если знали грамотъ. Если на кого показывали въ обыскъ, что они лихіе люди, а *истецъ нѣтъ,* то старосты спрашивали о такихъ оговорныхъ людяхъ *подлинно:* «что чье лихо кто кого разбилъ или кто кого кралъ и сколь давно, и къ кому съ разбою и на разбой ѣздили». Если обыскные люди объявляли преступленія, то оговариваемые назывались *лихими людьми съ доводомъ.* Правительство пользовалось обыскомъ, сверхъ мѣры необходимой для открытія неизвѣстныхъ преступленій, какъ доказательствомъ, когда имѣло какую либо причину подозрѣвать обвиняемаго. На этомъ основаніи, обыскъ употреблялся не только когда уголовные судьи узнавали о преступленіи изъ дописовъ, обвиненія со стороны истца или собственнаго усмотрѣнія, но также преимущественно противъ тѣхъ, кого преступникъ, подвергаемый пыткѣ, называлъ своими собищниками⁽⁸⁰²⁾. Кто былъ оговоренъ лихимъ челоуькомъ, тотъ подвергался пыткѣ, дворянъ, животовъ, хлѣбъ молочный печатывался, а стоячій отдавался на береженіе окольнымъ людямъ впередъ до рѣшенія дѣла⁽⁸⁰³⁾. Кого же одобряли въ обыскъ, тотъ отдавался на чистую поруку съ записью тѣхъ, кто его дарилъ⁽⁸⁰⁴⁾.

5). *Язычная молка.*

Молкою называлось, когда преступникъ подвергаемый пыткѣ обвинялъ другихъ въ разбой и татѣбъ; но послѣ полугодоваго содержанія въ тюрьмѣ, *молкъ* татей и разбойниковъ не вѣрно было вѣрить, такъ что язычная молка сохраняла силу только въ первое полугодіе поимки⁽⁸⁰⁵⁾. Прежде всего *языку* давалась съ обвиняемымъ очная ставка, т. е. онъ долженъ былъ узнать его въ числѣ другихъ стороннихъ людей и въ его преступленіи *съ очей на очи* подтвердить свое обвиненіе. Впрочемъ, узнавалъ ли обвиняемаго или нѣтъ, во всякомъ случаѣ касательно послѣдняго дѣлался обыскъ⁽⁸⁰⁶⁾. Исключеніе составляли только слѣдующія два обстоятельства: во первыхъ, когда кто либо будучи *бродящимъ челоуькомъ* самъ не требовалъ обыска⁽⁸⁰⁷⁾; во вторыхъ, когда на одного показывали два или три языка съ пытки⁽⁸⁰⁸⁾. Что касается до самаго обвинителя, то, если онъ не узнавалъ на очной ставкѣ обвиняемаго, или сговаривалъ съ него свое прежнее показаніе, его самаго допрашивали пыткою; *не по засылкѣ ихъ не узнали или узнавъ сговариваютъ.* Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, ему давалась очная ставка съ тѣми, которые приходили уговаривать. Судьбу послѣднихъ рѣшалъ также обыскъ; если народная молва ихъ обвиняла, то они подвергались торговой казни и штрафу; напротивъ, если въ обыскъ ихъ *добрили,* они освобождались отъ всякаго наказанія⁽⁸⁰⁹⁾.

6). *Распросъ и пытка.*

Чтобы не возвращаться къ особому порядку движенія тѣхъ дѣлъ, которыя были въ вѣдѣніи Разбойнаго Приказа, здѣсь изложимъ дальнѣйшее движеніе ихъ, послѣ того какъ онъ получали свое начало. Судьи требовали признанія, которое было необходимо для того, чтобы обвиняемый подвергался полному наказанію, положенному въ законахъ за его преступленіе; впрочемъ, собственное признаніе не было необходимымъ условіемъ для обвиненія; такъ если на кого языкъ съ пытки въ разбой говорилъ, а въ обыскахъ многіе люди называли лихими, хотя бы они на себя съ пытки не говорили, тѣмъ не менѣе подвергались смертной казни⁽⁸¹⁰⁾. Средства, которыми судьи пользовались для того, чтобы получить отъ подсудимаго признаніе, состояли въ *распросѣ* и *пыткѣ.*

Въ *распросѣ* преступниковъ спрашивали: «какъ давно они разбиваютъ» и крадутъ, кого именно разбивали и крали, что у кого лошадей и денегъ

и всякаго живота на разбой и татьбу взяли? Когда же подсудимый не признавался по допросу, или, если подозревали его въ другихъ преступленіяхъ, то онъ подвергался еще пыткамъ; такъ тать, противу котораго была доведена одна или двѣ татьбы, пытался въ иныхъ татьбахъ и убійствѣ⁽⁸¹¹⁾. Тому же правилу подвергались разбойники⁽⁸¹²⁾.

Пыткой назывались различныя средства мученія, которыми судьи вынуждали у обвиняемыхъ признаніе въ томъ случаѣ, когда они не давали его добровольно. Пытка употреблялась еще въ періодъ удѣловъ, встрѣчается въ судебникѣ Іоанна III, а при Іоаннѣ IV считалось важнѣйшимъ средствомъ доказательства, относительно болѣе тяжкихъ преступленій⁽⁸¹³⁾. Пытка вообще тогда только употреблялась, когда были другія доказательства, заставлявшія подозревать совершеніе преступленія; обыкновенно пытка предшествовала обыску и только слѣдующіе случаи были исключеніемъ изъ общаго правила: 1) когда человекъ, оговоренный языкомъ, былъ человекъ бродящій и говорилъ, что его нигдѣ не знаютъ⁽⁸¹⁴⁾; 2) когда два или три разбойника съ пытокъ говорили въ разбой на *причинныхъ* людей⁽⁸¹⁵⁾. Но когда разбойники оговаривали на знатныхъ людей, на дворянъ, на дѣтей боярскихъ или на торговыхъ людей, которые прежде въ приводѣ не бывали и ни на какомъ воровствѣ не объявлялись, и ни въ какихъ *причинахъ* не бывали, то по просьбѣ ихъ назначался обыскъ⁽⁸¹⁶⁾; 3) когда дворяне, приказные люди и дѣти боярскіе приводили своихъ крестьянъ или людей и дворниковъ, обвиняя ихъ въ разбой, татьбу и приводъ⁽⁸¹⁷⁾; когда кого приводили съ поличнымъ, вынутымъ приставомъ и полатыми, и обвиняемый не могъ очистить поличнаго и дать ему отводъ⁽⁸¹⁸⁾.

Изъ дошедшихъ описаній способа производства пытки и по сказаніямъ современниковъ Іоанна IV видно, что вбивали за ногти острые ногти или длинныя иглы, мучили желѣзными клещами, сковородами и т. п. Павелъ Ювій рассказываетъ, что подсудимыхъ обливали холодной водою⁽⁸¹⁹⁾. Изъ словъ Олеарія видно, что пытка состояла въ томъ, что подсудимымъ брили часть головы, на которую капали холодную воду, причинявшую ужасныя мученія, или, завернувъ подсудимымъ руки назадъ, ихъ поднимали вверхъ; къ ногамъ привязывали тяжелыя колодки, на которыя становился палачъ, и несчастнымъ растягивали члены. Подъ ногами зажигали огонь, отъ котораго жаръ и дымъ приводили пытаемаго въ совершенное изнеможеніе⁽⁸²⁰⁾. Иногда, чтобы увеличить мученія, преступниковъ сѣкли или били кнутомъ, а раны терли раскаленнымъ желѣзомъ. Кошихинъ же описываетъ пытку слѣ-

дующимъ образомъ: съ вора снимали рубаху и руки его назадъ связывали подлѣ кисти веревкою, обшитою войлокомъ; послѣ подымали вверхъ. Орудіе пытки уподоблялось висѣлицѣ; ноги преступника связывали ремнемъ; палачъ вступалъ ему въ ноги на ремень своею ногою и тѣмъ его стягивалъ, такъ что руки становились прямо противу головы его, вышедъ изъ составовъ. Палачъ билъ сзади по спинѣ кнутомъ взрѣдка, ударя въ часъ тридцатью или сорока ударами, и какъ ударить по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станеть такъ слово въ слово будто бы большой ремень вырванъ ножомъ, чуть не до костей. Кнутъ былъ изъ ремня плетеный, толстый; на концѣ ввязалъ ремень толстый, шириною въ палецъ, а длиною былъ въ пять локтей. Кто съ первой пытки не винылся, тотъ подвергался второй и третьей пыткамъ. Въ этихъ вторичныхъ пыткахъ жгли огнемъ, для чего связывали руки и ноги и вкладывали между рукъ и ногъ бревна, а послѣ того подымали на огонь, а пылымъ разжегши желѣзныя клещи *накрасно*, ломали ребра. Женщины подвергались пыткамъ такъ какъ и мужчины, съ тою только разницею, что ихъ на огнѣ не жгли и ребръ не ломали⁽⁸²¹⁾.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ДВИЖЕНІЕ И ОКОПЧАНІЕ ДѢЛА.

По имени прочимъ родамъ исковъ, кромѣ дѣлъ подлежащихъ вѣдѣнію Разбойнаго Приказа и губныхъ старостъ, т. е. по общему порядку судопроизводства, послѣ подачи челобитни истцомъ, судьи дѣлали распоряженіе о вызовѣ ответчика. Впрочемъ, истецъ и ответчикъ могли межъ собою договариваться о срокѣ, когда имъ стать передъ судомъ; а если который изъ нихъ на срокъ не являлся, или кого нибудь вмѣсто себя не присылалъ, то обвинялся въ искѣ, кромѣ дѣлъ крѣпостныхъ⁽⁸²²⁾. Если истецъ съ ответчикомъ не договорились, тогда истецъ подавалъ за своею подписью память, которую дякъ подписывалъ, записывалъ въ книгу и отдавалъ приставу для того, чтобы онъ, сыскавъ ответчика, взялъ съ него поруки, что станеть къ отвѣту⁽⁸²³⁾. Когда ответчикъ являлся по зазывной памяти въ указный срокъ, а истецъ не являлся на срокъ или въ продолженіе недѣли послѣ срока, то истецъ лишался своего иска, кромѣ крѣпостныхъ дѣлъ⁽⁸²⁴⁾. Впрочемъ, въ

и некоторых случаях давалась отсрочка до трех зазывных грамотъ. Судъ бралъ съ истца и отвѣтника ставочныя поручныя записи въ томъ, что имъ до вершенія дѣла безъ указа съ Москвы не связать⁽⁸²⁵⁾. Когда въ назначенный срокъ тяжущіеся являлись въ судъ, то судья выслушавъ искъ истца, допрашивалъ отвѣтника. Отвѣтникъ опровергалъ истца; на возраженія отвѣтника истецъ могъ дѣлать свои возраженія, и т. д. Конечно, чтобы закономъ было опредѣлено число опроверженій. Къ числу доказательствъ, служащихъ для подкрѣпленія иска или возраженій отвѣтника, принадлежала ссылка на третье лице⁽⁸²⁶⁾, повальный обыскъ⁽⁸²⁷⁾, который употреблялся, когда у тяжущихся не было ближнихъ общихъ ссылокъ⁽⁸²⁸⁾. Въ общую ссылку принимались крестьяне и женщины⁽⁸²⁹⁾; но холопы и рабы, ступившіе на волю, не принимались въ ссылку⁽⁸³⁰⁾. Родителей запрещалось отводить⁽⁸³¹⁾, а жену запрещалось допрашивать противу мужа⁽⁸³²⁾. Кроме этихъ доказательствъ допускалась присяга, которой подвергался тотъ изъ тяжущихся, который принималъ на душу⁽⁸³³⁾. Порядокъ привода къ присягѣ опредѣленъ съ подробностію въ Уложеніи. Очистительная присяга называлась крестнымъ цѣлованіемъ, и этому предмету посвящена въ Уложеніи XIV глава, состоящая изъ 10 статей.

Тяжущіеся объясняли свои дѣла словесно: подъячіе записывали ихъ рѣчи въ приказахъ, такъ чтобы въ запискахъ не было приписки и скобленія. Когда *судъ отойдетъ*, т. е. когда судоговореніе оканчивалось, истецъ и отвѣтникъ къ этимъ запискамъ прикладывали руки. Когда подъячій съ этой записки судное дѣло напишетъ набѣло, то дѣлу вѣрно было, справя дѣло съ прежнею запискою, закрѣпить своею рукою⁽⁸³⁴⁾. Послѣ судоговоренія запрещалось принимать дополненія къ дѣлу⁽⁸³⁵⁾. Дѣло рѣшали всѣ судьи *воше*; а кто не присутствовалъ, о томъ вѣрно было описывать въ приговорѣ⁽⁸³⁶⁾. Виновный, когда обвинялся въ искѣ, долженъ былъ вознаградить оправданнаго за всѣ убытки и проѣзды, кроме того удовлетворенія, которое виновный вообще долженъ былъ заплатить по существу самаго преступленія; наконецъ, съ виновнаго взыскивалась пошлина въ пользу казны, которая соразмѣрялась съ состояніемъ обвиненнаго⁽⁸³⁷⁾.

Изслѣдованіе началъ уголовного права, изложенныхъ въ Уложеніи, показываетъ то великое значеніе, которое оно имѣло въ развитіи уголовного права въ Россіи. Заключивъ въ себѣ почти всѣ постановленія древняго права, Уложеніе останется навсегда выраженіемъ народнаго духа и силы въ тотъ священный для насъ періодъ, когда Московское государство, возвысившись предъ прочими частями обширнаго отечества нашего, завязало ядро могущества Россійской Имперіи. Заимствованіе многихъ постановленій изъ Литовскаго Статута, отъ чего наши законы получили только высшую степень полноты, но ничуть не измѣнили своего характера и направленія, пребудетъ постояннымъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, что княжества западной Россіи, хотя въ политическомъ управленіи составляли Государство отдѣльное отъ Московскаго Государства, по по развитію элементовъ народнои жизни были одною и тою же Россіею, въ которой вліяніе чуждыхъ началъ не могло заглушить первоначальныхъ коренныхъ формъ развитія народнои жизни.

Значеніе Уложенія, какъ уголовного кодекса, чрезвычайно важно: въ немъ встрѣчаемъ выраженіе борьбы началъ Римскаго права, принесенныхъ изъ Греціи послѣ того какъ Россія была озарена свѣтомъ христіанскаго ученія, съ началами уголовного права, развившимися въ возрожденной Европѣ. Борьба этихъ двухъ началъ составляетъ отличительную черту древняго Русскаго уголовного права не только до Уложенія, но до Воинскихъ Артикуловъ, съ издачіемъ которыхъ начинается новый періодъ для Русскаго уголовного права — періодъ, въ которомъ Великій Преобразователь Россіи ознакомилъ отечество наше съ результатами трудовъ итальянской и нѣмецкой практики. Соединеніе Уложенія съ Воинскими Артикулами поставило уголовное право въ Россіи на высокую степень, такъ что эти два кодекса долго удовлетворяли требованіямъ своего времени, а именно до тѣхъ поръ, пока вѣлѣдствіе исполнскихъ устѣховъ науки, ознаменовавшихъ періодъ намъ современный, и подъ вліяніемъ популярной школы и новѣйшей Нѣмецкой теоріи совершилось полное преобразование въ наукѣ Уголовнаго Права, и явилась потребность такого кодекса, каково Уложеніе о наказаніяхъ Уголовныхъ и исправительныхъ, изданное по повелѣнію Благополучно Царствующаго Императора НИКОЛАЯ I-го.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ МІЩНИКОВА

ПРИМЪЧАНІЯ.

(¹) Отмѣтки напечатаны въ Московскомъ Телеграфѣ, Ч. XXXVIII, № 7, въ статьѣ подъ заглавіемъ: Объ источникахъ, изъ коихъ взято Уложеніе Царя Алексія Михайловича. Слѣдующія статьи отмѣчены; противу каждой изъ нихъ помѣрованы источники, изъ которыхъ они заимствованы.

Глава.	Пунктъ.	
I.	1	изъ Моисеева закона.
II.	1	изъ Литовскаго.
»	4	изъ Градскихъ.
VII.	20	изъ Градскихъ.
»	29	изъ Градскихъ.
»	30	изъ Литовскаго.
VIII.	2	146 году.
IX.	19	изъ Уложенія 154 году.
X.	11	изъ нынѣшняго Уложенія.
»	14	изъ стараго Судебника и изъ нынѣшняго Уложенія.
»	21	изъ Уложенія 154 году.
»	22	изъ Литовскаго.
»	25	предъ словами: «Въ день Рождества Христова», написано: отъ стараго закона.
»	109	изъ Литовскаго.
»	110	изъ Уложенія.
»	111	попомнить.
»	116	изъ Литовскаго.
»	133	изъ Литовскаго.
»	136	изъ стараго судебника.
»	137	вновь.
»	142	изъ Литовскаго.
»	144	изъ стараго судебника.

Глава.	Пунктъ.	
X.	146	вновь прибавлено.
»	147	вновь же прибавлено.
»	148	изъ стараго судебника.
»	149	вновь написано.
»	151	изъ Уложенія 154 году.
»	153	изъ Уложенія.
»	154	изъ Литовскаго.
»	155	изъ Уложенія.
»	156	изъ Уложенія.
»	157	изъ Уложенія.
»	171	изъ Градскихъ.
»	183	изъ Литовскаго.
»	184	изъ Литовскаго.
»	185	вновь.
»	186	изъ Литовскаго.
»	189	изъ Уложенія 143 г. Поговорить о той статьѣ съ бояры.
»	194	изъ Литовскаго.
»	195	изъ Литовскаго.
»	196	изъ Литовскаго.
»	197	изъ Литовскаго.
»	198	изъ Литовскаго.
»	202	изъ Литовскаго.
»	207	изъ Литовскаго.
»	208	изъ Литовскаго.
»	210	изъ Литовскаго.
»	211	изъ Литовскаго.
»	214	изъ Литовскаго.
»	217	} изъ Литовскаго.
»	218	
»	219	
»	220	

Глава.	Пунктъ.	
X.	221	изъ Литовскаго.
»	223	
»	224	изъ Градскихъ.
»	228	
»	226	
»	227	
»	228	
»	230	
»	233	изъ градскихъ.
»	234	изъ Литовскаго.
»	238	
»	236	вновь пополнено.
»	238	изъ Литовскаго.
»	239	
»	244	
»	245	136 году.
»	258	
»	258	137 году.
»	259	изъ Градскихъ.
»	260	изъ того же.
»	261	изъ Уложения.
»	269	151 года.
»	272	изъ Градскихъ.
»	273	
»	275	
»	276	изъ Литовскаго.
»	277	
»	278	
»	280	
XI.	15	вновь.
»	16	
»	17	149 году.
»	18	
»	23	изъ Уложения.
»	28	
»	29	изъ Уложения 156 году.
»	30	вновь.
XII.	1	149 году.
XIV.	3	изъ Уложения.
»	8	
»	6	
»	8	
»	10	предъ словами: »И того ради подобаетъ отцемъ духовнымъ дѣтей« и проч. написано: изъ Стоглава.

Глава.	Пунктъ.	
XV.	2	вновь.
»	3	вновь.
XVI.	8	135 году.
»	10	129 и 130 году.
»	17	128 г.
»	24	128 г.
»	27	131 г.
»	31	132 г.
»	40	156 г. договорить съ бояры.
»	41	123 г.
»	48	136 г.
»	49	144 г.
»	66	136 г.
»	67	136 г.
»	68	135 г.
»	69	144 г.
XVII.	15	изъ Градскихъ.
»	17	129 и 130 годахъ.
»	30	изъ стараго Судебника.
»	32	
»	33	изъ стараго.
»	34	вновь пополнено.
»	35	
XX.	7	156 году.
»	16	105 и 118 году.
»	17	69 году.
»	37	67 году написано.
»	39	69 году.
»	41	111 году написано.
»	43	изъ Литовскаго.
»	44	150 г.
»	46	143 г.
»	49	116 г.
»	52	117 г.
»	54	132 году.
»	57	вновь.
»	58	
»	60	въ Уложении 140 г. написано.
»	63	въ Уложении 142 г. написано.
»	66	въ Уложении 143 г. написано.
»	69	146 г.
»	72	148 г.
»	75	въ Уложении 150 г. написано.
»	78	въ Уложении 151 г. написано.
»	82	въ Уложении 154 г. написано.
»	83	156 году.

Глава.	Пунктъ.	
XX.	88	изъ Литовскаго.
»	89	
»	90	
»	105	въ Уложении 148 г. написано.
XXI.	30	изъ Земскаго.
»	31	147 году.
»	47	105 году.
»	51	изъ стараго Судебника.
»	52	
»	53	
»	77	107 году.
»	88	изъ Литовскаго.
»	89	
»	90	
»	91	изъ Градскихъ.
XXII.	1	
»	2	
»	3	изъ Литовскаго.
»	4	
»	5	
»	6	изъ Стоглава.
»	7	изъ Литовскаго.
»	8	
»	9	
»	13	изъ Градскихъ.
»	14	
»	15	изъ стараго Судебника.
»	16	изъ Градскихъ.
»	17	изъ Литовскаго.
»	19	
»	20	
»	21	изъ Литовскаго.
»	22	
»	25	
»	26	Уложение. Гл. I.
»	26	
»	26	Уложение. Гл. I.
»	26	Ул. Гл. I, стат. 2, 6, 7.
»	26	Ул. Г. II, ст. 12, 14.
»	26	Ул. Г. II, ст. 4.
»	26	Ул. Г. II, ст. 2.
»	26	Ул. Г. II, ст. 13.
»	26	Ул. Г. II, ст. 4.
»	26	Ул. Г. II, ст. 21.
»	26	Ул. Г. XXI, ст. 59.
»	26	Текстъ Русской Правды Калачова. Москва, 1846, стр. 6, 22, 43.

(13) Судебникъ Царя Иоанна Васильевича IV, ст. 90.

(14) Акты Археографической Экспедиции, Т. I, № 273, 208 и 217. Акты Историческіе, Т. I. № 147, 178 и 188 и другія жалованья и уставныя грамоты.

(15) Акты Истор. Т. III. № 167.

(16) Ул. Г. X, ст. 276.

(17) Ул. Г. XXI, ст. 71 и 73.

(18) Ул. Г. XXI, ст. 72.

(19) Ул. Г. II, ст. 4.

(20) Ул. Г. X, ст. 281, 282, 223, 228.

(21) Ул. Г. X, ст. 13, 224, 197.

(22) Ул. Г. X, ст. 223, 227, 272.

(23) Ул. Г. XXII, ст. 18, 20.

(24) Ул. Г. X, ст. 268.

(25) Ул. Г. X, ст. 200, 201 и Г. XXI, ст. 88.

(26) Ул. Г. XXI, ст. 88, 89.

(27) Ул. Г. X, ст. 194, 197, 223, 226.

(28) Ул. Г. X, ст. 10.

(29) Ул. Г. IV, ст. 4.

(30) Constitutio criminalis carolina.

(31) Ул. Г. II, ст. 1.

(32) Ул. Г. II, ст. 2.

(33) Ул. Г. X, ст. 133, 135.

(34) Ул. Г. X, ст. 202.

(35) Ул. Г. XXII, ст. 8.

(36) Губныя грамоты помѣщены въ актахъ Археогр. Эксп. Т. I, и въ дополненіи къ Акт. Ист. Т. I. № 31.

(37) Клятвенныя и поручныя записи помѣщены въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ въ Час. I, подъ № 149, 152, 153, 154, 157, 161.

(38) Дополн. къ Акт. Истор. Т. II, № 1.

(39) Ул. Г. II, ст. 15.

(40) Ул. Г. II, ст. 18.

(41) Ул. Г. II, ст. 19.

(42) Ул. Г. II, ст. 6.

(43) Ул. Г. II, ст. 9.

(44) Ул. Г. II, ст. 13.

(45) Ул. Г. XXII, ст. 12 и 19. Гл. X, ст. 133. Гл. XXV, ст. 9.

(46) Ул. Г. XXII, ст. 16.

(47) Ул. Г. X, ст. 108 и 199. Гл. XXI, ст. 21.

(48) Ул. Г. X, ст. 251.

(49) Ул. Г. XXII, ст. 21.

- (10) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. I.
 (100) Акт. Ист. Т. III, № 167, ст. 27, 30, 31, 32, 33, 34, 35.
 (101) Тамъ же, ст. 28.
 (102) Юридич. Акты. Поручиная запись, № 310 и др.
 (103) Ул. Г. XXI, ст. 20, 60.
 (104) Ул. Г. XXI, ст. 78.
 (105) Ул. Г. XXI, ст. 64.
 (106) Ул. Г. XXI, ст. 77.
 (107) Ул. Г. XXI, ст. 13.
 (108) Ул. Г. XXI, ст. 60.
 (109) Ул. Г. XXII, ст. 22.
 (110) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 23.
 (111) Акты Ист. Т. I. № 20, 21, 22, 23, 24, 26, 31, 33, 34, 35, 60, 63, 64.
 (112) Акты Ист. Т. I. № 109.
 (113) Ист. Государ. Россійск. Карамзина. Т. IX, стр. 432 втораго издаиия.
 (114) Въ 1628 г. у дьячка Семейка найдены гадальныя тетради: старецъ Варсунофей извѣстилъ, что тотъ дьячекъ держитъ у себя книги недобрыя, ересныя, да приговору полсемь строки; по разсмотрѣнн тѣхъ бумагъ оказалось, что тѣ тетради гадальныя и млануются Рафим. Всѣ втѣ бумаги были сожжены на столбцѣ, а дьячку велѣно быть годъ въ черныхъ монастырскихъ службахъ.
 (115) Истор. Государ. Росс. Т. XI, стр. 461.
 (116) Истор. Государ. Росс. Т. VI, ст. 198 и 109.
 (117) Акты Археогр. Эксп. Т. I. № 238.
 (118) Ул. Г. I, ст. 1.
 (119) См. примѣчаніе 1-е.
 (120) Ул. Г. XII, ст. 24.
 (121) Акты Арх. Эксп. Т. I. № 338.
 (122) Ул. Г. I, ст. 2.
 (123) Ул. Г. I, ст. 3.
 (124) Ул. Г. I, ст. 4.
 (125) Ул. Г. I, ст. 5.
 (126) Ул. Г. I, ст. 6.
 (127) Ул. Г. I, ст. 7.
 (128) Ул. Г. I, ст. 8.
 (129) Акты Арх. Эксп. Т. III. № 264.
 (130) Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи, Морозкина. Москва, 1830 г. стр. 34.
 (131) Собраніе Государ. грам. и догов. Т. I. № 140, 152, 153, 154, 157, 159, 162, 163, 165, 169, 172, 177, 182, 201 и др.

- (132) Собр. Гос. грам. и догов. Т. I. № 194.
 (133) Тамъ же, № 193.
 (134) Тамъ же, № 185.
 (135) Тамъ же, № 166, 175, 180.
 (136) Тамъ же, № 178, 189, 190.
 (137) Тамъ же, № 197.
 (138) Собр. Гос. грам. и догов. Т. II. № 143.
 (139) Акты Арх. Эксп. Т. II. № 10.
 (140) Ул. Г. II, ст. 1.
 (141) Ул. Г. II, ст. 2.
 (142) Ул. Г. II, ст. 3.
 (143) Ул. Г. II, ст. 4.
 (144) Ул. Г. II, ст. 5.
 (145) Ул. Г. II, ст. 7.
 (146) Ул. Г. II, ст. 6.
 (147) Ул. Г. II, ст. 8.
 (148) Ул. Г. II, ст. 9, 10.
 (149) Ул. Г. II, ст. 11.
 (150) Ул. Г. II, ст. 20 и 21.
 (151) Стат. Лит. Раздѣль I. Артикуль 3.
 (152) Ст. Лит. в. п. м.
 (153) Ст. Лит. в. п. м.
 (154) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 6.
 (155) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 8.
 (156) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 6, 7.
 (157) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 7.
 (158) Коричная книга. Ч. II. Л. 29 на оборотѣ и Л. 73.
 (159) Ул. Г. III, ст. 1.
 (160) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 9. § 1.
 (161) Ул. Г. III, ст. 2.
 (162) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 9. § 2.
 (163) Ул. Г. III, ст. 3.
 (164) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 9. § 3.
 (165) Ул. Г. III, ст. 4.
 (166) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 9. § 3.
 (167) Ул. Г. III, ст. 3.
 (168) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 9. § 3. Вообще гдѣ въ Литовскомъ Статутѣ денежное наказаніе полагается *совитов*, тамъ въ Уложеніи установлено двойное безчестіе.
 (169) Ул. Г. III, ст. 6.
 (170) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 10. § 1.
 (171) Ул. Г. III, ст. 7.
 (172) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 10. § 2.
 (173) Ул. Г. III, ст. 9.
 (174) Ул. Г. XXI, ст. 81.
 (175) Ул. Г. XXI, ст. 57.

- (180) Ул. Г. X, ст. 119.
 (181) Ул. Г. X, ст. 139.
 (182) Ул. Г. X, ст. 140.
 (183) Ул. Г. X, ст. 141.
 (184) Ул. Г. X, ст. 106.
 (185) Стат. Лит. Разд. IV. Арт. 7. § 1.
 (186) Ул. Г. X, ст. 106.
 (187) Стат. Лит. Разд. IV. Арт. 7.
 (188) Ул. Г. X, ст. 106.
 (189) Стат. Лит. Разд. IV. Арт. 7.
 (190) Ул. Г. X, ст. 106.
 (191) Стат. Лит. Разд. IV. Арт. 7.
 (192) Ул. Г. X, ст. 106.
 (193) Стат. Лит. Разд. IV. Арт. 7.
 (194) Ул. Г. X, ст. 106. Ст. Лит. Разд. IV. Арт. 62.
 (195) Ул. Г. X, ст. 142. Ст. Лит. Разд. I. Арт. 24 и Разд. IV. Арт. 11.
 (196) Ул. Г. XXI, ст. 101.
 (197) Ул. Г. IV, ст. 1.
 (198) Ул. Г. IV, ст. 2.
 (199) Ул. Г. IV, ст. 3.
 (200) Ул. Г. IV, ст. 4.
 (201) Ул. Г. VI, ст. 1.
 (202) Ул. Г. VI, ст. 3.
 (203) Ул. Г. VI, ст. 4.
 (204) Ул. Г. VI, ст. 5.
 (205) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Истори и древностей Россійскихъ. Москва, 1846. № 1. Отдѣленіе 4, ст. 53, 57.
 (206) Чтенія Моск. Общ. Ист. и др. № 1. Объ отроковѣхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ. С. Соловьева, ст. 16 и 102.
 (207) Объ отроковѣхъ Новг. къ Великимъ Князьямъ, ст. 29 и 61.
 (208) Судебникъ, ред. Татищевымъ. Москва, 1786 стр. 32.
 (209) Татищевъ, в. пр. соч., ст. 29.
 (210) Акты Арх. Эксп. Т. I. № 234.
 (211) Карамзинъ, Ист. Государ. Росс. Т. VII, ст. 203.
 (212) Акты Истор. Т. I. № 110.
 (213) Юридич. Записки. Москва, 1842. Томъ II. О Судебникѣ г. Калачова, ст. 319.
 (214) О Россіи въ царствованіи Алексіа Михайловича. С. Петербургъ, 1840, ст. 79.
 (215) Кошкинъ, в. п. соч., ст. 93.
 (216) Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ. Часть III, ст. 36.
 (217) Судебникъ Царя В. К. Іоанна Васильевича, ст. 1. Акты Истор. Часть I. № 153.

- (218) Суд. ст. 3.
 (219) Суд. ст. 32.
 (220) Суд. ст. 53.
 (221) Ул. Г. X, ст. 5.
 (222) Ул. Г. X, ст. 6.
 (223) Ул. Г. X, ст. 7.
 (224) Ул. Г. X, ст. 8.
 (225) Ул. Г. X, ст. 148.
 (226) Ул. Г. XXI, ст. 83.
 (227) Суд. ст. 1.
 (228) Акты Археогр. Эксп. Т. I. № 243.
 (229) Суд. ст. 2.
 (230) Ул. Г. X, ст. 10.
 (231) Ул. Г. X, ст. 12.
 (232) Суд. ст. 4 и 5.
 (233) Ул. Г. X, ст. 13.
 (234) Ул. Г. X, ст. 129.
 (235) Ул. Г. X, ст. 251.
 (236) Ул. Г. VI, ст. 2.
 (237) Ул. Г. X, ст. 15.
 (238) Ул. Г. X, ст. 16.
 (239) Ул. Г. X, ст. 130.
 (240) Ул. Г. X, ст. 123.
 (241) Ул. Г. XXI, ст. 84.
 (242) Ул. Г. X, ст. 24.
 (243) Ул. Г. VII, ст. 2.
 (244) Библиотека для чтенія. Т. II. С. Петербургъ, 1834 г. Разное дѣло въ Россіи до Петра Великаго, Устрялова, стр. 72—86.
 (245) Ул. Г. VII, ст. 17.
 (246) Ул. Г. VII, ст. 2.
 (247) Ул. Г. VII, ст. 3.
 (248) Ул. Г. VII, ст. 4.
 (249) Ул. Г. VII, ст. 6.
 (250) Ул. Г. VII, ст. 5.
 (251) Ул. Г. VII, ст. 7.
 (252) Ул. Г. VII, ст. 8.
 (253) Ул. Г. VII, ст. 9.
 (254) Ул. Г. VII, ст. 13.
 (255) Ул. Г. VII, ст. 14.
 (256) Ул. Г. VII, ст. 11.
 (257) Ул. Г. VII, ст. 16.
 (258) Ул. Г. VII, ст. 18.
 (259) Ул. Г. VII, ст. 19.
 (260) Ул. Г. VII, ст. 22.
 (261) Ул. Г. VII, ст. 21.
 (262) Ул. Г. VII, ст. 24.

(207) Ул. Г. VII, ст. 28.
 (208) Ул. Г. VII, ст. 29.
 (209) Ул. Г. VII, ст. 30.
 (210) Ул. Г. VII, ст. 32.
 (211) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 1.
 (212) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 1 и 10.
 (213) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 6.
 (214) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 7.
 (215) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 11.
 (216) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 12.
 (217) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 14.
 (218) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 19 и 20.
 (219) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 19.
 (220) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 21.
 (221) Корм. Кн. Ч. II. Л. 63.
 (222) Корм. Кн. Ч. II. Л. 61.
 (223) Разысканія о финансахъ древней Россіи, Гагемейстера. С. Петербургъ, 1833, ст. 66.
 (224) Карамзинъ, Исторія Госуд. Россійск. Т. V. пр. 376.
 (225) Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. Т. VIII, прим. 67. Въ этомъ примѣчаніи Карамзинъ выписываетъ Синод. Мѣтоп. Л. 143, Арх. Ростов. Мѣт. и Синод. Мѣт. № 363.
 (226) Акты Археогр. Экспед. Т. II. № 266, и Собр. Госуд. грам. и дог. Т. III, ст. 360.
 (227) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, ст. 78 и слѣд.
 (228) Ул. Г. V, ст. 1.
 (229) Псковская грамота, изд. Н. Мурзакевичемъ. Одесса, 1847, ст. 17.
 (230) Исторія Росс. Госуд. Т. III, прим. 323.
 (231) Истор. Рос. Госуд. Т. VI, прим. 42.
 (232) Акты Археогр. Эксп. Т. I. № 234.
 (233) Ул. Г. XXV, ст. 1.
 (234) Ул. Г. XXV, ст. 2.
 (235) Ул. Г. XXV, ст. 3.
 (236) Ул. Г. XXV, ст. 6.
 (237) Ул. Г. XXV, ст. 8.
 (238) Въ Актахъ Историческихъ и въ Актахъ Археографической Экспедиціи есть много такихъ жалованныхъ грамотъ.
 (239) Ул. Г. IX, ст. 9, 10.
 (240) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 29.
 (241) Ул. Г. IX, ст. 16.
 (242) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 29.
 (243) Ул. Г. IX, стр. 19.

(244) Ул. Г. IX, ст. 20.
 (245) Ул. Г. IX, ст. 14 и 15.
 (246) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 29.
 (247) Ул. Г. IX, ст. 11.
 (248) Ул. Г. IX, ст. 12.
 (249) Ул. Г. IX, ст. 13.
 (250) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 29.
 (251) Ул. Г. X, ст. 17 и 18.
 (252) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 29.
 (253) Ул. Г. IX, ст. 7.
 (254) Ул. Г. IX, ст. 4.
 (255) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 30.
 (256) Ул. Г. IX, ст. 2 и 3.
 (257) Ул. Г. IX, ст. 4.
 (258) Ул. Г. IX, ст. 5.
 (259) Ул. Г. IX, ст. 9.
 (260) Ул. Г. XXI, ст. 20 и 62.
 (261) Ул. Г. XXI, ст. 79.
 (262) Ул. Г. XXI, ст. 78.
 (263) Ул. Г. X, ст. 18.
 (264) Ул. Г. X, ст. 19.
 (265) Ул. Г. X, ст. 186.
 (266) Ул. Г. X, ст. 187.
 (267) Ул. Г. X, 188.
 (268) Ул. Г. X, ст. 252.
 (269) Ул. Г. X, ст. 161.
 (270) Ул. Г. X, ст. 162 и 163. Гл. XXI, ст. 41.
 (271) Ул. Г. XXI, ст. 61.
 (272) Акты Истор. Т. I. № 167, ст. 27.
 (273) Ул. Г. XI, ст. 1.
 (274) Ул. Г. XI, ст. 2.
 (275) Ул. Г. XI, ст. 5.
 (276) Ул. Г. XI, ст. 9.
 (277) Ул. Г. XI, ст. 10.
 (278) Ул. Г. XI, ст. 12, 15, 17, 18.
 (279) Ул. Г. XI, ст. 13.
 (280) Ул. Г. XIX, ст. 37.
 (281) Ул. Г. XI, ст. 20.
 (282) Ул. Г. XI, ст. 21.
 (283) Ул. Г. XI, ст. 23.
 (284) Ул. Г. XI, ст. 27.
 (285) Ул. Г. XI, ст. 34.
 (286) Ул. Г. XX, ст. 80.
 (287) Ул. Г. XXII, ст. 25.
 (288) Стат. Лит. Разд. XIV. Арт. 31.
 (289) Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи, Морошкина. Москва, 1839, стр. 43.

(290) Акты Арх. Эксп. Т. IV. № 32.
 (291) Акты Арх. Эксп. Т. IV. № 39.
 (292) Ул. Г. XIX, ст. 1.
 (293) Ул. Г. XIX, ст. 5.
 (294) Ул. Г. XIX, ст. 10.
 (295) Ул. Г. XIX, ст. 13.
 (296) Ул. Г. XIX, ст. 14.
 (297) Ул. Г. XIX, ст. 15.
 (298) Ул. Г. XIX, ст. 18.
 (299) Ул. Г. XIX, ст. 39.
 (300) Ул. Г. XX, ст. 22.
 (301) Ул. Г. XX, ст. 23.
 (302) Ул. Т. XIX, ст. 40.
 (303) Карамзинъ, Истор. Госуд. Россійск. Т. I, примѣч. 478.
 (304) Карамз., Ист. Госуд. Росс. Т. III, пр. 248.
 (305) Акты Арх. Эксп. Т. I, № 7.
 (306) Акты Арх. Эксп. Т. I, № 17.
 (307) Судебн., ст. 60.
 (308) Акты Истор. Т. III, № 167.
 (309) Ул. Г. XXII, ст. 1.
 (310) Кормчая книга. Часть II. Л. 62.
 (311) Ул. Г. XXII, ст. 2.
 (312) Ул. Г. XXII, ст. 3.
 (313) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 7.
 (314) Ул. Г. XXII, ст. 7.
 (315) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 8.
 (316) Ул. Г. XXII, ст. 9 и 8.
 (317) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 9.
 (318) Ул. Г. XXII, ст. 14.
 (319) Ул. Г. XXI, ст. 72.
 (320) Ул. Г. XXII, ст. 22.
 (321) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 25.
 (322) Ул. Г. XXII, ст. 24.
 (323) Ул. Г. X, ст. 198.
 (324) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. I.
 (325) Ул. Г. XXI, ст. 13 и 18.
 (326) Акты Истор. Т. III. № 167.
 (327) Ул. Г. XXII, ст. 26.
 (328) Ул. Г. XXII, ст. 17.
 (329) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 15.
 (330) Ул. Г. XXI, ст. 69 и 70.
 (331) Ул. Г. XXI, ст. 73.
 (332) Ул. Г. XXI, ст. 71.
 (333) Акты Истор. Т. III. № 167, ст. 303.
 (334) Ул. Т. XXII, ст. 18 и 20.
 (335) Ул. Г. X, ст. 268.

(336) Ул. Г. X, ст. 200.
 (337) Ул. Г. XXI, ст. 88.
 (338) Ул. Г. XXI, ст. 89.
 (339) О платѣ за убійство въ древнемъ Русскомъ и другихъ Славянскихъ Законодательствахъ въ сравненіи съ Германскою вирою. Кіевъ, 1839, стр. 93.
 (340) Назиданія о Русской Правдѣ, Калачова. Его систематическаго текста, ст. 92.
 (341) Того же текста, ст. 134 и 135.
 (342) Того же текста, ст. 94.
 (343) Того же текста, ст. 95.
 (344) Того же текста, ст. 96.
 (345) Того же текста, ст. 97 и 98.
 (346) Того же текста, ст. 99.
 (347) Того же текста, ст. 100.
 (348) Договоръ Игоря, ст. 12, Олега — 4.
 (349) Русскія достопамятности. Ч. II. Москва, 1843, ст. 184 и 185.
 (350) Тамъ же, ст. 230 и 231.
 (351) Назиданія о Русской Правдѣ, ст. 149.
 (352) Назиданія о Русской Правдѣ, Калачова, ст. 153.
 (353) Русскія достопамятн. Ч. II, ст. 243—286.
 (354) Юридическіе акты. № 276.
 (355) Судебникъ, ст. 26.
 (356) Акты Археогр. Эксп. Т. I. № 257.
 (357) Акты истор. Т. I. № 163.
 (358) Плавиншевъ. О платѣ за убійство, ст. 107.
 (359) Ул. Г. XXII, ст. 10.
 (360) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 27.
 (361) Ул. Г. XXII, ст. 11.
 (362) Ул. Т. XXII, ст. 12.
 (363) Ул. Г. XXI, ст. 88.
 (364) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 28.
 (365) Ул. Г. X, ст. 199.
 (366) Ст. Лит. Разд. XI. Арт. 2.
 (367) Ул. Г. X, ст. 94.
 (368) Ст. Лит. Разд. XI. Арт. 27 и Разд. XII. Арт. 3, 4, 5, 6 и 7.
 (369) Ул. Г. VII, ст. 32.
 (370) Судеб., ст. 26.
 (371) Ул. Г. X, ст. 27.
 (372) Ул. Г. X, ст. 28.
 (373) Ул. Г. X, ст. 29.
 (374) Ул. Г. X, ст. 30.
 (375) Ул. Г. X, ст. 31.

- (376) Ул. Г. X, ст. 81.
- (377) Ул. Г. X, ст. отъ 32 до 62.
- (378) Ул. Г. X, ст. 81.
- (379) Ул. Г. X, ст. 83.
- (380) Ул. Г. X, ст. 86.
- (381) Ул. Г. X, ст. 87.
- (382) Ул. Г. X, ст. 88.
- (383) Ул. Г. X, ст. 89.
- (384) Ул. Г. X, ст. 97.
- (385) Ул. Г. X, ст. 98.
- (386) Ул. Г. X, ст. 95.
- (387) Ул. Г. X, ст. 96.
- (388) Ул. Г. X, ст. 83.
- (389) Ул. Г. X, ст. 84.
- (390) Ул. Г. X, ст. 90.
- (391) Ул. Г. X, ст. 91.
- (392) Ул. Г. X, ст. 92.
- (393) Ул. Г. X, ст. 93.
- (394) Ул. Г. X, ст. 94.
- (395) Ул. Г. X, ст. 280.
- (396) Стат. Лит. Разд. III. Арт. 24.
- (397) Ул. Г. I, ст. 7.
- (398) Ул. Г. X, ст. 99.
- (399) Ст. Лит. Раз. XI. Арт. 27 и Раз. XII. Арт. 5.
- (400) Ул. Г. X, ст. 99.
- (401) Ул. Г. XXII, ст. 16.
- (402) Корм. книга. Ч. II. Л. 62.
- (403) Корм. книга. Ч. II. Л. 73.
- (404) Корм. книга. Ч. II. Л. 28 на оборотъ.
- (405) Русскія достопамяти. Ч. II. ст. 143.
- (406) Ул. Г. II, ст. 17.
- (407) Ул. Г. II, ст. 22.
- (408) Ул. Г. VII, ст. 31.
- (409) Ул. Г. X, ст. 9.
- (410) Ул. Г. X, ст. 17.
- (411) Ул. Г. X, ст. 143.
- (412) Ул. Г. X, ст. 171.
- (413) Ул. Г. XXI, ст. 53.
- (414) Акты Ист. Т. III. № 167, ст. 22.
- (415) Ул. Г. XXV, ст. 9.
- (416) Ул. Г. X, ст. 133.
- (417) Ул. Г. X, ст. 133.
- (418) Ул. Г. X, ст. 133.
- (419) Ул. Г. XXII, ст. 5.
- (420) Ул. Г. XXII, ст. 6.
- (421) Czacki o Litewskich i Polskich Prawach. Warszawa, 1801, ст. 225, прим. 1659.

- (422) Justinii Historiarum Philippicarum. Lib. II, cap. 2.
- (423) Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развлітн ст. 58 и 59.
- (424) Ист. Рос. Рос. Т. IV, ст. 319.
- (425) Ист. Рос. Рос. Т. V, ст. 370.
- (426) См. Русскія грамоты, помѣщенные въ Актахъ Археогр. Экс. Т. I. № 187, 194, 224, 230 и Дополненіе къ Актамъ Ист. Т. I, № 31 и Юридическія Записки, изд. П. Рѣдкимъ Т. II, ст. 374—377.
- (427) Суд. ст. 60.
- (428) Бѣлозерская Губная гр. напечатана въ Акт. Арх. Экс. Т. 1, № 187, и Каргопольская въ Дополненіи къ Актамъ Ист. Т. I, № 31.
- (429) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 192.
- (430) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 194.
- (431) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 224.
- (432) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 281.
- (433) Русскія Достопамятности Ч. 1. Москва, 1814, стр. 151.
- (434) Акты Ист. Т. III, № 167.
- (435) Ул. Г. XXI, ст. 16.
- (436) Ул. Г. XXI, ст. 17.
- (437) Ул. Г. XXI, ст. 18.
- (438) Ул. Г. XXI, ст. 20.
- (439) Ул. Г. XXI, ст. 22.
- (440) Ул. Г. XXI, ст. 23.
- (441) Ул. Г. XXI, ст. 24.
- (442) Ул. Г. XXI, ст. 26.
- (443) Ул. Г. XXI, ст. 28.
- (444) Ул. Г. XXI, ст. 63.
- (445) Ул. Г. XXI, ст. 64.
- (446) Акты Археогр. Экс. Т. 1. № 123 и 150.
- (447) Калачова Систем. Текста, ст. 83.
- (448) Тамъ же ст. 86.
- (449) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 13, 123 и 150.
- (450) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 13.
- (451) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 123.
- (452) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 150.
- (453) Судебникъ ст. 60.
- (454) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 224.
- (455) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 211.
- (456) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 330.
- (457) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 224.
- (458) Акты Ист. Т. III. № 167 ст. 37.
- (459) Тамъ же ст. 38.

- (460) Тамъ же, ст. 39.
- (461) Тамъ же, ст. 40.
- (462) Улож. Г. XXI, ст. 9.
- (463) Улож. Г. XXI, ст. 10.
- (464) Улож. Г. XXI, ст. 12.
- (465) Улож. Г. XXI, ст. 13 и 14.
- (466) Улож. Г. XXI, ст. 11.
- (467) Улож. Г. X, ст. 208.
- (468) Стат. Лит. Раз. XIII Арт. 2.
- (469) Ул. Г. X, ст. 209.
- (470) Ул. Г. X, ст. 210.
- (471) Ул. Г. XXIV, ст. 1.
- (472) Ст. Лит. Раз. XIII, Арт. 1 и 2.
- (473) Ст. Лит. Раз. XIII, Ар. 5, 6, 7, 8 и 9.
- (474) Ул. Г. X, ст. 211.
- (475) Ст. Лит. Раз. IX. Арт. 22.
- (476) Ул. Г. X, ст. 213.
- (477) Ул. Г. X, ст. 214.
- (478) Стат. Лит. Разд. X. Арт. 9.
- (479) Ул. Г. X, ст. 213.
- (480) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 10.
- (481) Ул. Г. X, ст. 216.
- (482) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 11.
- (483) Ул. Г. X, ст. 217.
- (484) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 12.
- (485) Ул. Г. X, ст. 218.
- (486) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 13.
- (487) Ул. Г. X, ст. 219.
- (488) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 14.
- (489) Ул. Г. X, ст. 220.
- (490) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 13.
- (491) Ул. Г. X, ст. 221.
- (492) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 16.
- (493) Ул. Г. X, ст. 222.
- (494) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 16.
- (495) Ул. Г. X, ст. 223.
- (496) Корм. Кн. Ч. II. Л. 62 на оборотъ.
- (497) Ул. Г. X, ст. 238.
- (498) Стат. Лит. Раз. IX. Арт. 21.
- (499) Ул. Г. X, ст. 242.
- (500) Ст. Лит. Раз. X. Арт. 4.
- (501) Ул. Г. V, ст. 2.
- (502) Ул. Г. X, ст. 272.
- (503) Ул. Г. X, ст. 273.
- (504) Ул. Г. X, ст. 281.
- (505) Стат. Лит. Раз. XIII. Арт. 13.
- (506) Ул. Г. X, ст. 282.

- (507) Стат. Лит. Раз. XIII. Арт. 13.
- (508) Ул. Г. X, ст. 283.
- (509) Стат. Лит. Раз. XIII. Арт. 13.
- (510) Ул. Г. X, ст. 284.
- (511) Ул. Г. X, ст. 228.
- (512) Корм. кн. Ч. II. Л. 73.
- (513) Ул. Г. X, ст. 223.
- (514) Стат. Лит. Разд. X. Арт. 17.
- (515) Ул. Г. X, ст. 224.
- (516) Корм. кн. Ч. II. Л. 73 на оборотъ.
- (517) Ул. Г. XXI, ст. 63.
- (518) Ул. Г. X, ст. 274.
- (519) Ул. Г. X, ст. 197.
- (520) Стат. Литов. Разд. VII, Арт. 29.
- (521) Ул. Г. X, ст. 193.
- (522) Эверса, древнѣйшее право Руссовъ, ст. 309.
- (523) Ул. Г. XI, ст. 10.
- (524) Ул. Г. VI, ст. 4.
- (525) Ул. Г. VII, ст. 16.
- (526) Ул. Г. VII, ст. 23.
- (527) Ул. Г. X, ст. 20.
- (528) Ул. Г. X, ст. 133.
- (529) Ул. Г. XX, ст. 22.
- (530) Ул. Г. XXI, ст. 20.
- (531) Ул. Г. XXIII, ст. 3.
- (532) Ул. Г. XXV, ст. 15.
- (533) Ул. Г. XXV, ст. 19.
- (534) Ул. Г. III, ст. 9.
- (535) Ул. Г. XXII, ст. 26.
- (536) Ул. Г. XXV, ст. 16.
- (537) Ул. Г. II, ст. 18.
- (538) Ул. Г. III, ст. 8.
- (539) Ул. Г. VII, ст. 11.
- (540) Ул. Г. IX, ст. 7.
- (541) Ул. Г. X, ст. 8.
- (542) Ул. Г. X, ст. 15.
- (543) Ул. Г. X, ст. 24.
- (544) Ул. Г. X, ст. 130.
- (545) Ул. Г. VII, ст. 6.
- (546) Ул. Г. VII, ст. 32.
- (547) Ист. Гос. Росс. Т. V, прим. 44.
- (548) Судебн., ст. 60, 61 и 71.
- (549) Юридич. Записки. Ч. II, ст. 332.
- (550) Ул. Г. I, ст. 1.
- (551) Ул. Г. XXII, ст. 24.
- (552) Ул. Г. I, ст. 2.
- (553) Ул. Г. I, ст. 4.

(834) Ул. Г. II, ст. 1.
 (835) Ул. Г. II, ст. 2.
 (836) Ул. Г. II, ст. 3.
 (837) Ул. Г. II, ст. 4.
 (838) Ул. Г. II, ст. 6 и 9.
 (839) Ул. Г. II, ст. 19.
 (840) Ул. Г. II, ст. 21.
 (841) Ул. Г. III, ст. 3.
 (842) Ул. Г. III, ст. 5 и 6.
 (843) Ул. Г. IV, ст. 1 и 2.
 (844) Ул. Г. IV, ст. 3.
 (845) Ул. Г. V, ст. 1.
 (846) Ул. Г. VI, ст. 3.
 (847) Ул. Г. VII, ст. 20.
 (848) Ул. Г. VII, ст. 30 и 32.
 (849) Ул. Г. X, ст. 103.
 (850) Ул. Г. X, ст. 106.
 (851) Ул. Г. X, ст. 142.
 (852) Ул. Г. X, ст. 198.
 (853) Ул. Г. XXI, ст. 12.
 (854) Ул. Г. XXI, ст. 13.
 (855) Ул. Г. XXI, ст. 14.
 (856) Ул. Г. XXI, ст. 17.
 (857) Ул. Г. XXI, ст. 18.
 (858) Ул. Г. XXII, ст. 1 и 2.
 (859) Ул. Г. XXII, ст. 7.
 (860) Ул. Г. XXII, ст. 13.
 (861) Ул. Г. XXII, ст. 14.
 (862) Ул. Г. XXII, ст. 16.
 (863) Ул. Г. XXII, ст. 17.
 (864) Ул. Г. XXII, ст. 19.
 (865) Ул. Г. XXII, ст. 26.
 (866) Ул. Г. XXV, ст. 11.
 (867) Ист. Госуд. Росс. Т. II, прим. 141. Т. III, пр. 167. Т. IV, пр. 42. Т. V, стр. 163 и пр. 374. Т. VI, стр. 243 и 194. Т. IX, стр. 83, 142, 150, 164, 165, 188, прим. 187 и 320, и Судебникъ, ст. 59 и 60.
 (868) Ул. Г. I, ст. I. Г. II, ст. 1. Г. X, ст. 228. Т. XXII, ст. 24.
 (869) Ул. Г. VII, ст. 20.
 (870) Ул. Г. XXII, ст. 14.
 (871) Ул. Г. V, ст. 1.
 (872) Кошхивъ, стр. 98.
 (873) Ул. Г. XXI, ст. 34.
 (874) Ул. Г. XXII, ст. 13.
 (875) Юридич. Записки. Ч. II, ст. 333.

(876) Кошхивъ, стр. 92.
 (877) Отечествен. записки, изд. Павломъ Свищевымъ 1829. Часть 40, ст. 47.
 (878) Арх. Эксп. Т. I. № 13.
 (879) Юридич. Записки. Ч. II, стр. 335.
 (880) Ист. Гос. Росс. Т. II, прим. 182. Т. III, ст. 33, прим. 30. Т. IV, ст. 77. Т. V, ст. 135 и 286, прим. 278, 351 и 365. Т. VI, ст. 206 и 276. Т. VII, ст. 175. Т. VIII, ст. 16 и Т. IX, пр. 190.
 (881) Юридич. Записки. Ч. II, стр. 335.
 (882) Ул. Г. XXII, ст. 10.
 (883) Ул. Г. XXII, ст. 90.
 (884) Ул. Г. III, ст. 4.
 (885) Ул. Г. III, ст. 5.
 (886) Ул. Г. III, ст. 9.
 (887) Ул. Г. VII, ст. 29.
 (888) Ул. Г. X, ст. 12.
 (889) Ул. Г. X, ст. 106.
 (890) Ул. Г. X, ст. 199.
 (891) Ул. Г. X, ст. 231.
 (892) Ул. Г. XXV, ст. 16.
 (893) Ул. Г. XXI, ст. 9.
 (894) Ул. Г. XXI, ст. 10.
 (895) Ул. Г. XXI, ст. 16.
 (896) Czacki o Litewskich i Polskich Prawach. Ч. II, ст. 150, прим. 1472.
 (897) Ул. Г. II, ст. 14.
 (898) Ул. Г. III, ст. 9.
 (899) Ул. Г. V, ст. 2.
 (900) Ул. Г. VI, ст. 4.
 (901) Ул. Г. VII, ст. 8.
 (902) Ул. Г. IX, ст. 2.
 (903) Ул. Г. IX, ст. 3.
 (904) Ул. Г. IX, ст. 7.
 (905) Ул. Г. X, ст. 13.
 (906) Ул. Г. X, ст. 14.
 (907) Ул. Г. X, ст. 16.
 (908) Ул. Г. X, ст. 105.
 (909) Ул. Г. X, ст. 106.
 (910) Ул. Г. X, ст. 142.
 (911) Ул. Г. X, ст. 198.
 (912) Ул. Г. XIX, ст. 39.
 (913) Ул. Г. XX, ст. 23.
 (914) Ул. Г. XXI, ст. 9.
 (915) Ул. Г. XXI, ст. 83.
 (916) Ул. Г. XXI, ст. 84.

(917) Ул. Г. XXI, ст. 86.
 (918) Ул. Г. XXI, ст. 90.
 (919) Ул. Г. XXII, ст. 4.
 (920) Ул. Г. XXIII, ст. 3.
 (921) Ул. Г. XXV, ст. 1 и 2.
 (922) Ул. Г. XXV, ст. 18.
 (923) Ул. Г. II, ст. 13.
 (924) Ул. Г. VII, ст. 9.
 (925) Ул. Г. VII, ст. 19.
 (926) Ул. Г. VII, ст. 28.
 (927) Ул. Г. X, ст. 170.
 (928) Ул. Г. X, ст. 198.
 (929) Ул. Г. XX, ст. 22.
 (930) Ул. Г. XXI, ст. 104.
 (931) Ул. Г. XXII, ст. 17.
 (932) Ул. Г. XXII, ст. 23.
 (933) Ул. Г. X, ст. 186.
 (934) Ул. Г. X, ст. 129.
 (935) Ул. Г. X, ст. 188.
 (936) Ул. Г. XI, ст. 27.
 (937) Ул. Г. I, ст. 3.
 (938) Ул. Г. X, ст. 5.
 (939) Ул. Г. X, ст. 12.
 (940) Ул. Г. X, ст. 129.
 (941) Ул. Г. XIX, ст. 13.
 (942) Ул. Г. XIX, ст. 15.
 (943) Ул. Г. XXII, ст. 11.
 (944) Ул. Г. XXV, ст. 1.
 (945) Акты Юридическіе. № 30.
 (946) Beschreibung der muskowitzischen und persischen Reise. 2-е издание. 1636, ст. 273.
 (947) Ул. Г. I, ст. 6.
 (948) Ул. Г. III, ст. 7.
 (949) Ул. Г. VII, ст. 10.
 (950) Ул. Г. X, ст. 14.
 (951) Ул. Г. X, ст. 16.
 (952) Ул. Г. X, ст. 20.
 (953) Ул. Г. X, ст. 105.
 (954) Ул. Г. X, ст. 119.
 (955) Ул. Г. X, ст. 141.
 (956) Ул. Г. XXI, ст. 90.
 (957) Ул. Г. XXV, ст. 1.
 (958) Ул. Г. X, ст. 123.
 (959) Ул. Г. X, ст. 146.
 (960) Ул. Г. X, ст. 217.
 (961) Олсариі, в. у. соч., стр. 273 и Сказ. современн. о Дмитріѣ Самозванцѣ. Ч. III, стр. 82.

(962) Ул. Г. X, ст. 133.
 (963) Записки Общества Исторіи и Древн. Росс. Ч. III. Историческій взглядъ на правосудіе въ Россіи, стат. Илар. Васильева, стр. 100.
 (964) Исторія Гос. Росс. Т. II, стр. 115. Т. VI, ст. 176 и 181. Т. VIII, ст. 70 и 81. Т. IX, ст. 16, прим. 18, 109, 84 и Герберштейнъ Regum mosk., ст. 50.
 (965) Ист. Гос. Росс. Т. VI, ст. 140, 192 и 193. Т. VII, ст. 42. Т. IX, ст. 145 и 470 и пр. 282.
 (966) Ул. Г. XXV, ст. 16.
 (967) Ул. Г. XXI, ст. 9, 10 и 16.
 (968) Ул. Г. X, ст. 129.
 (969) Ул. Г. XIX, ст. 13.
 (970) Акты Ист. Т. III, № 167, ст. 7 и Судеб., ст. 52.
 (971) Судеб., ст. 49, 54, 55 и 56 и Акты Истор. Т. III, № 167.
 (972) Ул. Г. XXI, ст. 10.
 (973) Ул. Г. XXI, ст. 16.
 (974) Ул. Г. XXI, ст. 9.
 (975) Ул. Г. XI, ст. 27.
 (976) Ул. Г. XXII, ст. 3.
 (977) Ул. Г. XXV, ст. 3.
 (978) Ул. Г. III, ст. 9.
 (979) Ул. Г. X, ст. 231.
 (980) Ул. Г. XXV, ст. 3.
 (981) Ул. Г. III, ст. 5.
 (982) Ул. Г. X, ст. 135.
 (983) Ул. Г. X, ст. 142.
 (984) Ул. Г. III, ст. 2.
 (985) Ул. Г. I, ст. 5 и 7.
 (986) Ул. Г. III, ст. 2.
 (987) Ул. Г. X, ст. 141.
 (988) Ул. Г. XXV, ст. 3.
 (989) Ул. Г. XXV, ст. 3.
 (990) Ул. Г. III, ст. 1.
 (991) Ул. Г. III, ст. 7.
 (992) Ул. Г. X, ст. 20.
 (993) Ул. Г. X, ст. 139.
 (994) Ул. Г. I, ст. 9.
 (995) Ул. Г. VI, ст. 6, Г. XXI, ст. 42 и 86 и Г. XXV ст. 2.
 (996) Ул. Г. VII, ст. 16.
 (997) Ул. Г. X, ст. 202 и Г. XXI, ст. 38.
 (998) Ул. Г. XXI, ст. 9, 10 и 16.
 (999) Ул. Г. XXI, ст. 94.

(720) Ул. Г. XXI, ст. 98.
 (721) Ул. Г. XXI, ст. 97.
 (722) Ул. Г. XXI, ст. 98.
 (723) Ул. Г. XXI, ст. 101.
 (724) Кошхивъ, стр. 97.
 (725) Акты Юрид. № 30.
 (726) Ул. Г. XXI, ст. 31.
 (727) Ул. Г. X, ст. 5. Г. VII, ст. 32. Г. IX, ст. 2, 3, 4.
 (728) Ул. Г. V, ст. 2. Г. VII, ст. 6 и 27. Г. IX, ст. 13. Г. X, ст. 16.
 (729) Ул. Г. VI, ст. 2. Г. VII, ст. 22, 24, 28, 30.
 (730) Ул. Г. XXII, ст. 10.
 (731) Ул. Г. X, ст. 133.
 (732) Ул. Г. X, ст. 108.
 (733) Ул. Г. III, ст. 8.
 (734) Ул. Г. IX, ст. 5.
 (735) Ул. Г. X, ст. 5.
 (736) Ул. Г. X, ст. 19.
 (737) Ул. Г. X, ст. 130.
 (738) Ул. Г. X, ст. 208.
 (739) Ул. Г. XXI, ст. 20.
 (740) Ул. Г. XXV, ст. 3.
 (741) Юридическіе Записки. Ч. II, ст. 350.
 (742) Ул. Г. II, ст. 5 и 9.
 (743) Ул. Г. XVII ст. 38, 39, 40.
 (744) Ул. Г. XIX, ст. 16.
 (745) Ул. Г. XXI, ст. 26.
 (746) Ул. Г. XXI, ст. 79.
 (747) Ул. Г. XXV, ст. 11.
 (748) Ул. Г. VII, ст. 8.
 (749) Ул. Г. VII, ст. 8.
 (750) Ул. Г. VII, ст. 16.
 (751) Ул. Г. X, ст. 5.
 (752) Ул. Г. X, ст. 139.
 (753) Истор. Сборникъ. Т. II, стр. 247, 260, 340. Ист. Гос. Рос. Т. IX, прим. 143. Акты Арх. Экс. Т. I. № 172.
 (754) Ул. Г. VI, ст. 2.
 (755) Ул. Г. XIX, ст. 15.
 (756) Кошхивъ, ст. 34 и 35.
 (757) Ул. Г. X, ст. 27.
 (758) Суд., ст. 28 и 32. Акты Истор. Т. I. № 155.
 (759) Ул. Г. X, ст. 5.
 (760) Ул. Ул. Г. X, ст. 18.
 (761) Ул. Г. X, ст. 146.
 (762) Ул. Г. XXI, ст. 84.

(763) Ул. Г. XXV, ст. 18.
 (764) Ист. Гос. Рос. Т. IV, ст. 200 и Т. V, ст. 319.
 (765) Суд., ст. 35 и 36 и Акты Истор. Т. III, ст. 10 и 37.
 (766) Ул. Г. XXI, ст. 9, 10, 16.
 (767) Ул. Г. X, ст. 141.
 (768) Ул. Г. X, ст. 146 и 129.
 (769) Ул. Г. VII, ст. 3.
 (770) Ул. Г. III, ст. 9.
 (771) Ул. Г. XXV, ст. 3.
 (772) Ул. Г. XXI, ст. 13, 18.
 (773) Ул. Г. XXI, ст. 35, 41, 42, 43.
 (774) Ул. Г. X, ст. 8.
 (775) Ул. Г. X, ст. 12.
 (776) Ул. Г. X, ст. 16.
 (777) Ул. Г. X, ст. 20.
 (778) Ул. Г. II, ст. 11.
 (779) Кошхивъ, стр. 92.
 (780) Ул. Г. XXI, ст. 49.
 (781) Юридическія Записки, Т. II. Статья Г. Канцелярн, Устройство Гражданскихъ Судовъ отъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича до Петра Великаго.
 (782) Ул. Г. XXI, ст. 1.
 (783) Ул. Г. XXI, ст. 2.
 (784) Ул. Г. XXI, ст. 3.
 (785) Акты Арх. Экс. Т. I. № 187.
 (786) Уставная книга напечатана въ Актахъ Арх. Экс. Т. II, № 223 и въ Актахъ Истор. Т. III, № 167 и издава особо княземъ Оболенскимъ подъ заглавіемъ: Уголовныя Законы Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича.
 (787) Новый памятникъ Законовъ Рос. Имперіи. С.-Петербургъ, 1825. Ч. I, стр. XLII.
 (788) Ул. Г. XXI, ст. 4.
 (789) Ул. Г. XXI, ст. 8.
 (790) Ул. Г. XII, ст. 1, 3. Гл. XIII, ст. 1, 2. Г. XIV, ст. 3. Г. XXIII, ст. 2.
 (791) Ул. Г. XII, ст. 3. Гл. XIII, ст. 2.
 (792) Ул. Г. XXI, ст. 7.
 (793) Ул. Г. X, ст. 3.
 (794) Ул. Г. X, ст. 4.
 (795) Примѣры такихъ челобитень встрѣчаются въ правыхъ грамотахъ. Въ Юридическихъ Актахъ они помѣщены подъ № 31 — 44.
 (796) Ул. Г. X, ст. 100, 101, 102.

(797) Ул. Г. XXI, ст. 51.
 (798) Ул. Г. XXI, ст. 87.
 (799) Ул. Г. XXI, ст. 50.
 (800) Ул. Г. XXI, ст. 57.
 (801) Ул. Г. XXI, ст. 54.
 (802) Юрид. Записки. Ч. II, ст. 393.
 (803) Ул. Г. XXI, ст. 33.
 (804) Ул. Г. XXI, ст. 36.
 (805) Ул. Г. XXI, ст. 33.
 (806) Ул. Г. XXI, ст. 44.
 (807) Ул. Г. XXI, ст. 38.
 (808) Ул. Г. XXI, ст. 40.
 (809) Ул. Г. XXI, ст. 44.
 (810) Ул. Г. XXI, ст. 41.
 (811) Ул. Г. XXI, ст. 9 и 10.
 (812) Ул. Г. XXI, ст. 16 и 17.
 (813) Юрид. Записки. Т. II, ст. 388.
 (814) Ул. Г. XXI, ст. 38.
 (815) Ул. Г. XXI, ст. 40.
 (816) Ул. Г. XXI, ст. 39.
 (817) Ул. Г. XXI, ст. 48.

(818) Ул. Г. XXI, ст. 50.
 (819) Ист. Гос. Рос. Т. IX, ст. 165, прим. 324. Павелъ Іовіи въ Reg mosc., ст. 128.
 (820) Оларій в. п. л. стр. 272.
 (821) Кошхивъ, ст. 91 и 92.
 (822) Ул. Г. X, ст. 108 и 109.
 (823) Ул. Г. X, ст. 137.
 (824) Ул. Г. X, ст. 109 и 111.
 (825) Ул. Г. X, ст. 123.
 (826) Ул. Г. X, ст. 158, 159 и 160.
 (827) Ул. Г. X, ст. 161.
 (828) Ул. Г. X, ст. 167.
 (829) Ул. Г. X, ст. 173.
 (830) Ул. Г. X, ст. 174.
 (831) Ул. Г. X, ст. 176.
 (832) Ул. Г. X, ст. 177.
 (833) Ул. Г. X, ст. 236.
 (834) Ул. Г. X, ст. 11.
 (835) Ул. Г. X, ст. 21 и 23.
 (836) Ул. Г. X, ст. 23.
 (837) Ул. Г. X, ст. 124, 128, 126 и 127.

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О СОСТОЯНІИ И ДѢЙСТВІЯХЪ РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ,

съ 20-го Юля 1846 по 20-е Юлѣ 1847 года.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

Онуимені

Мм. Гг.!

Оканчивая настоящимъ торжественнымъ актомъ учебный годъ, мы считаемъ обязанностію, по примѣру предшедшихъ лѣтъ, представить вниманію Вашему краткій отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевского Лицея въ минувшемъ году.

Въ самомъ почти началѣ академическаго года, а именно Августа 3-го дня 1846 года, послѣдовалъ Высочайшій Именной Указъ, данный Правительствующему Сенату, о назначеніи Попечителемъ Одесскаго Учебнаго Округа действительнаго статскаго совѣтника Бугайскаго.

Въ теченіе истекшаго года послѣдовало нѣсколько распоряженій высшаго Начальства, которыхъ предметомъ было дополненіе или развитіе прежде состоявшихся мѣръ и постановленій.

Такъ, въ дополненіе къ утвержденнымъ въ 1845 году правиламъ для перевода и выпуска Студентовъ Ришельевскаго Лицея, разрѣшено г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, отъ 31-го Іюля 1846 года, допускать къ переекзаменованію, для перевода изъ курса въ курсъ и выпуска, тѣхъ Студентовъ Ришельевскаго Лицея, у которыхъ при отбѣткѣ 2 изъ какого либо предмета, общій результатъ полученныхъ отбѣтокъ будетъ выражаться цифрою не меньше 4-хъ, съ такимъ при томъ условіемъ, если они благопріемъ и прилежаніемъ заслужатъ особое вниманіе Профессоровъ.

Тѣми же правилами опредѣлены были условія приема въ Лицей Студентовъ Университетовъ; но правила эти не были примѣнимы къ Студентамъ тѣхъ Университетовъ, въ коихъ не существуетъ раздѣленія на курсы и ежегодныхъ испытаній для перехода изъ курса въ курсъ. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, согласно мнѣнію Сената Лицей, дозволилъ Студентовъ

НАУКОВА

такихъ Университетовъ припмать во 2-й или 3-й курсы тѣхъ же факультетовъ, въ которыхъ они находились въ Университетѣ, съ наблюденіемъ слѣдующихъ условій: 1) чтобы поступающій пробылъ въ Университетѣ въ первомъ случаѣ не менѣе года, во второмъ — не менѣе двухъ лѣтъ; 2) чтобы онъ выслушалъ въ Университетѣ большую часть факультетныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ предыдущихъ Лицейскихъ курсовъ; 3) если не держалъ въ нихъ экзамена, то выдержалъ бы таковой при вступленіи въ Лицей. Въ остальныхъ предметахъ своего факультета, равно какъ въ предметахъ общихъ входящихъ въ составъ предыдущихъ Лицейскихъ курсовъ, предоставляется держать экзамень въ послѣдствіи, на основаніи правилъ; 4) Студентъ, поступающій въ Университетъ въ одномъ, или въ нѣкоторыхъ предметахъ, входящихъ въ составъ Лицейскаго курса, такую отмѣтку, которая по принятымъ для Лицея правиламъ воспрепятствовала бы переходу въ высшій курсъ, а въ послѣдствіи и полученію аттестата, можетъ быть принятъ въ Лицей не выше того курса, гдѣ сіи предметы преподаются.

Въ 1845 году послѣдовало распоряженіе, чтобы Студенты не только Камеральнаго, но и прочихъ отдѣленій Лицея могли слушать Агрономическія науки и получать въ томъ, сверхъ аттестатовъ, особыя свидѣтельства. — Въ прошломъ году, вслѣдствіе представленія Совѣта Лицея, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ допускать къ слушанію лекцій агрономическихъ наукъ въ Ришельевскомъ Лицѣ окончившихъ уже курсъ Студентовъ Юридическаго и Математическаго отдѣленій, извѣстныхъ Начальству хорошимъ поведеніемъ и благоправіемъ, съ правомъ полученія по выдержаніи экзамена установленныхъ свидѣтельствъ.

Начальство Лицея съ своей стороны заботилось о приведеніи въ исполненіе мѣръ, состоявшихся въ прошедшемъ году. — Въ прошлогоднемъ отчетѣ мы подробно излагали измѣненія, которыя предположено было ввести въ распредѣленіе учебныхъ предметовъ Лицея. Съ началомъ истекшаго учебнаго года всѣ эти измѣненія были приведены въ дѣйствіе. По случаю перемѣщенія Государственнаго Права изъ перваго курса во второй, а Правственной Философіи изъ втораго курса въ третій, предметы сіи въ прошломъ году читаны не были: такъ какъ Студенты 2-го и 3-го курса слушали ихъ уже въ предыдущихъ курсахъ.

Въ прошлогоднемъ отчетѣ упомянуто было объ учрежденіи сбора за слушаніе лекцій. Въ истекшемъ году Начальство Лицея имѣло уже возможность съ разрѣшенія г. Попечителя Учебнаго Округа употребить часть со-

бранной суммы на пособіе недостаточнымъ Студентамъ. Одному изъ нихъ назначена стипендія въ 100 руб. серебр., а 8-mero получили единовременныя пособія, всего 265 руб. серебр.

Умноженіе числа Студентовъ заставило предпринять нѣкоторыя мѣры къ распространенію аудиторій, чего можно было достигнуть только стѣснивъ помѣщеніе коллекцій Лицея; но неудовлетворительность этихъ мѣръ, и въ отношеніи къ безпрестанно возрастающей потребности, и къ удобству и благовидности, заставляетъ насъ съ нетерпѣніемъ ожидать приведенія въ исполненіе предположеній о возведеніи новыхъ зданій для Ришельевского Лицея.

Г. Попечитель Одесскаго Учебнаго Округа съ самаго вступленія своего въ управленіе Округомъ съ живѣйшимъ участіемъ заботится о движеніи и успѣшномъ окончаніи этого предположенія, съ которымъ связана вся будущность нашего заведенія. — По порученію Его Превосходительства, Совѣтъ Лицея занимался составленіемъ новой программы Лицейскихъ зданій, наблюдая возмможную бережливость въ размѣщеніи и ограничиваясь только необходимымъ.

Занятія Совѣта.

Въ теченіе года Совѣтъ имѣлъ 22 засѣданія; кромѣ того составляемы были изъ среды онаго, подъ предсѣдательствомъ Помощника Попечителя, Комитеты для производствъ испытаній и начертанія проектовъ по дѣламъ, требовавшимъ особеннаго соображенія.

Испытанію подвергались: на званія старшаго учителя Гимназій 1, младшаго учителя Гимназій 3 и на званіе надзирателя благороднаго пансіона при Гимназій Лицея 1. Для полученія правъ: на званіе домашняго учителя 1, на исправленіе сей должности изъ иностранцевъ 3, на званіе домашней учительницы 5, на исправленіе сей должности изъ иностранокъ 1. Свидѣтельствъ на право обученія чтенію и письму на разныхъ языкахъ и первымъ четыремъ правиламъ ариметики выдано 9.

Занятія Членовъ Лицея.

Помощникъ Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, Начальствующій надъ Ришельевскимъ Лицеемъ, управлялъ Одесскимъ учебнымъ округомъ по

— 6 —
23 Октября 1846 года, и исправлялъ должность Попечителя, по случаю отсутствія Его Превосходительства изъ Одессы, для обозрѣнія учебныхъ заведеній округа съ 16-го Апрѣля по 3-е Мая 1847 года.

Надзоръ за частными учебными заведениями продолжали имѣть, какъ и въ предшествовавшемъ году, профессоры: *Г. Брунъ* и *Петровский*, и адъюнктъ *Пахманъ*.

Въ торжественномъ собраніи Лицея, происходившемъ въ концѣ прошлаго академическаго года, профессоръ Русской Исторіи и Статистики *Мурзакевичъ* прочелъ составленный имъ очеркъ успѣховъ Новороссійскаго края и Бессарабіи въ истекшее двадцатипятилѣтіе, т. е. съ 1820 по 1846 годъ и Лекторъ Французскаго языка *Шапельонъ* — стихотвореніе, подъ заглавіемъ: *De la langue française et des mouvemens de sa littérature au XIX siècle*. Сверхъ того чиновники и преподаватели Лицея, независимо отъ исполненія служебныхъ своихъ обязанностей, трудились въ пользу науки отдѣльно или какъ члены ученыхъ обществъ, и помѣщали статьи свои въ запискахъ Обществъ, или отдѣльныхъ сочиненіяхъ.

Инспекторъ Лицея, *Соколовъ*, составилъ проектъ преобразованій и измѣненій въ Уставѣ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи совокупно съ прочими членами Коммисіи, для сего предмета назначенной; помѣщала многія статьи оригинальныя и переводныя въ Одесскомъ Вѣстникѣ и въ запискахъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, издачіе коихъ поручено ему Обществомъ съ Января мѣсяца 1847 года, въ качествѣ Редактора.

Профессоръ Естественной Исторіи, *Нордманъ*, по случаю сдѣланнаго имъ открытія обильнаго количества ископаемыхъ остатковъ допотопныхъ животныхъ въ разныхъ мѣстахъ Южной Россіи, написалъ по сему предмету шесть статей на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ, кои помѣщены въ журналахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ дѣлъ; въ Одесскомъ Вѣстникѣ № 24, въ Journal d'Odessa № 24, въ сочиненіи: *Jubileum semi-seculare doctoris Fischer de Waldheim, die 10 febr. 1847*, и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ ученыхъ запискахъ.

Профессоръ Всеобщей Исторіи и Статистики *Брунъ* написалъ для помѣщенія въ Новороссійскомъ календарѣ статью о внешней торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи въ 1845 году.

Профессоръ Философій, *Михневичъ*, занимался редакціею Новороссійскаго календаря на 1847 годъ, и издалъ сочиненіе: »Опытъ постепеннаго развитія

главныхъ дѣйствій мышленія, какъ руководство для первоначальнаго преподаванія логики.»

Профессоръ Исторіи и Статистики *Мурзакевичъ* издалъ »Псковскую судную грамоту, составленную на вѣчъ въ 1476 году«; по званію члена и секретаря Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, доставлялъ археологико-этимологическія статьи и занимался дополненіемъ и измѣненіемъ Устава Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, а также разсмотрѣніемъ и оцѣнкою книгъ, назначенныхъ къ пріобрѣтенію въ Тифлисскую публичную бібліотеку.

Профессоръ Римской Словесности, *Беккеръ*, издалъ четвертый томъ составленной имъ учебной книги: »Гимназическій курсъ Латинскаго языка«.

Профессоръ Русской Словесности, *Зеленецкій*, издалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: »Измѣдованіе о реторикѣ.«

Профессоръ прикладной математики, *Петровский*, издалъ »Курсъ Физической Географіи«, и помѣщала статьи въ листкахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.

Помощникъ Инспектора, *Шевелевъ*, написалъ статью, подъ заглавіемъ: »Замѣтки для путешествующихъ по Крыму« помѣщенную въ Новороссійскомъ календарѣ на 1847 годъ.

Лекторъ Англійскаго языка, *Гревсъ*, написалъ исторію Британской Литературы XVII и XVIII столѣтій и занимался составленіемъ курса Англійскаго языка по методу Робертсона.

Профессоръ Физики, *Левтеропуло*, читалъ публичный курсъ Популярной Физики, и полученный за слушаніе лекцій сборъ назначилъ употребить для благотворительной цѣли.

Сверхъ того, по случаю увольненія исправлявшаго должность Адъюнкта Бакунина сперва въ отпускъ, а потомъ вовсе отъ службы, преподаваніе предметовъ, относящихся въ каедръ Энциклопедіи и исторіи Правовѣднія было раздѣлено между различными преподавателями Юридическаго отдѣленія, и въ слѣдствіе того Профессоръ Практическаго Судопроизводства, *Линовскій*, читалъ сверхъ своей обязанности Исторію Русскаго права и обозрѣніе Русскихъ законовъ по части Государственнаго, Гражданскаго и Уголовнаго правъ, съ 13-го Сентября 1846 по 19-е Марта 1847 года, а Энциклопедію законовѣднія — сперва исправляющій должность Адъюнкта *Комарницкій* съ 13 Сентября по 20-е Декабря 1846 года, а потомъ, съ 1-го по 19-е Марта, Адъюнктъ Римскаго права *Пахманъ*.

Награды и измненія въ составъ Лицея.

Директору Лицея, статскому совѣтнику *Петрову*, Всемилоствивѣйше повельно быть Помощникомъ Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, съ предложеніемъ ему, по прежнему, начальства надъ Ришельевскимъ Лицеємъ. Утверждены: Инспекторомъ Лицея, исправлявшій сію должность надворный совѣтникъ *Соколовъ*, профессоромъ по кафедрѣ Прикладной Математики, Адъюнктъ *Петровский*, и Адъюнктомъ по кафедрѣ Сельскаго Хозяйства и Животноводства исправлявшій сію должность Магистръ *фонъ-Гавель*. За выслугу уваженныхъ лѣтъ, Всемилоствивѣйше пожалованы въ слѣдующіе чины: профессора, коллежскіе совѣтники: *Павель Беккеръ*, *Юсифъ Михневичъ* и *Христіанъ Гаспагенъ* въ статскіе совѣтники; профессоръ *Владиміръ Петровский* въ коллежскіе совѣтники, лекторъ Нѣмецкаго языка *Морицъ Эртель* въ надворные совѣтники; Бухгалтеръ Лицея *Димитрій Корейша* и Казначей исполнительъ *Григорій Новицкій* въ титулярные совѣтники. Награждены знаками отличія безпорочной службы: Помощникъ Попечителя *Петровъ* за XXV лѣтъ; Инспекторъ Лицея *Соколовъ*, Профессоры: *Филиппъ Брунъ*, *Николай Мурзакевичъ* и *Василій Левтеропуло* за XV лѣтъ; орден. св. Анны 2-й степени профессоръ, коллежскій совѣтникъ *Николай Мурзакевичъ*; подарками по чину: помощникъ Инспектора, коллежскій ассесоръ *Егоръ Шевелевъ* и Секретарь Правленія, коллежскій секретарь *Демьякъ Логиновъ*. Профессоръ коммерціи, статскій совѣтникъ *Платонъ Симоновичъ*, за выслугу 25-ти лѣтъ по учебной части пожалованъ пенсіею по 857 руб. 76 коп. сереб. въ годъ, съ оставленіемъ при настоящей должности на 5 лѣтъ. Определены: профессоръ *Михневичъ*, Совѣтникомъ Правленія Лицея; кандидатъ С. Петербургскаго Университета, *Михаилъ Михайловъ*, исправляющимъ должность Адъюнкта по кафедрѣ Энциклопедіи и Исторіи Правовѣдѣнія, съ утвержденіемъ въ чинъ коллежскаго секретаря. Уволены: отъ должности Совѣтника Правленія Лицея, профессоръ *Симоновичъ* и исправлявшій должность Адъюнкта по кафедрѣ Энциклопедіи и Исторіи Правовѣдѣнія, кандидатъ *Александръ Бакуничъ*.

Учебныя пособія Лицея.

1) Основная библіотека Лицея состоитъ изъ 5,675 названій, 12,134 томовъ, на сумму 17,822 руб. 35³/₄ коп. Завѣдываетъ ею профессоръ *Беккеръ*.

2) Библіотека Института Восточныхъ языковъ заключаетъ въ себѣ 356 названій, 469 томовъ, на сумму 3,285 руб. 28³/₄ коп. сер.; находится въ завѣдываніи исправляющаго должность профессора, *Кузьмина*.

3) Студентская библіотека имѣетъ 344 названія, 638 томовъ, на сумму 677 руб. 63 коп. сереб. Ею завѣдываетъ Инспекторъ Лицея, *Соколовъ*.

4) Кабинетъ для чтенія получалъ Русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ 31. Завѣдываетъ онымъ Инспекторъ Лицея.

5) Въ Минцъ-Кабинетъ находится монетъ: серебряныхъ 128, мѣдныхъ 711; медалей: серебряныхъ 1, бронзовыхъ 461; жетоновъ 17 и оловянныхъ образцовъ медалей 230; всего на сумму 1,198 руб. серебромъ. Находится въ завѣдываніи профессора *Беккера*.

6) Физическій кабинетъ состоитъ изъ 302 снарядовъ, на сумму 5,342 руб. 13 коп. сереб.; кабинетомъ завѣдываетъ профессоръ *Левтеропуло*. При кабинетѣ состоитъ механикъ *Фалькъ*.

7) Кабинетъ Астрономическихъ и Геодезическихъ инструментовъ состоитъ изъ 13 снарядовъ, стоящихъ 2,740 руб. 84 коп. сереб. Завѣдываетъ имъ профессоръ *Петровскій*.

8) Въ Химической лабораторіи 12 снарядовъ, 362 препарата, 12 аппаратовъ и 171 штука фарфоровой и стеклянной посуды, на сумму 1,095 руб. 29 коп. сереб.

9) Въ Минералогическомъ кабинетѣ состоитъ 3,178 штукъ, на сумму 2,151 руб. 29 коп. сереб.

10) Въ Технологическомъ кабинетѣ находится 30 моделей на сумму 422 руб. 11 коп. сереб.

11) Въ кабинетѣ земледѣльческихъ орудій находится 27 моделей, 1 шерстомѣръ и собраніе овечьей шерсти, на 361 руб. 7 коп. сереб.

Химическая лабораторія, равно какъ и послѣдніе три кабинета, находятся въ завѣдываніи профессора *Гаспагена*.

12) Зоологическій кабинетъ заключаетъ въ себѣ 5,485 экземпляровъ, на сумму 1,860 руб. 1 коп. сереб.

13) Дендрологическое собраніе состоитъ изъ 54 экземпляровъ, на сумму 57 руб. 14 коп. сереб.

14) Гербаріумъ содержитъ въ себѣ 4,600 определенныхъ породъ, на сумму 992 руб. 70 коп. сереб.

15) Собраніе окаменѣлостей состоитъ изъ 251 экземпляра на 274 р. 30 коп. сереб.

Зоологическимъ кабинетомъ и тремя послѣдними собраніями завѣдываетъ профессоръ Нордманъ.

Не говоря о приобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ для нѣкоторыхъ кабинетовъ покупкою на счетъ ассигнованныхъ по штату суммъ, мы упомянемъ только о предметахъ, принесенныхъ въ даръ Лицею. Профессоръ Гассгагенъ доставилъ 5 замѣчательныхъ штуфовъ минераловъ, болѣе мамонта и четыре раковины; отставной майоръ Аркудинскій экземпляръ летучей рыбы «*exocoelus volitans*» для Зоологическаго кабинета и титулярный советникъ Масаловъ 37 древнихъ монетъ.

Занятія учащихся.

Нѣкоторые изъ Студентовъ Лицея, кромѣ посѣщенія лекцій, составленія журналовъ и сочиненій, задаваемыхъ преподавателями, занимались еще сочиненіемъ разсужденій на тѣмы, заданныя Совѣтомъ Лицея. Тѣмы эти, объявленныя имъ въ началѣ курса, были слѣдующія: по предмету Римскихъ древностей — «*de singulis mutationibus, quibus judicia publica obnoxia fuerint apud Romanos*» и по предмету Сельскаго Хозяйства — сравнить Англійское Сельское Хозяйство съ нашимъ степнымъ. На первую тѣму представлено 2, а на послѣднюю 3 разсужденія.

За удовлетворительное рѣшеніе первой задачи, удостоены награды серебряною медалью студентъ II-го курса Юридическаго отдѣленія Клементій *Голышевскій*. — Другое на эту же тѣму сочиненіе Студента III-го курса Юридическаго отдѣленія Авраама *Акимова* удостоено похвальнаго отзыва и принято за курсовое сочиненіе съ отмѣткою 5. За рѣшеніе второй задачи Совѣтъ Лицея удостоилъ Студента III-го курса Камеральнаго отдѣленія Эдмунда *Руккера* награды золотою медалью, принявъ при семъ, на основаніи § 82 Устава Лицея, въ особенное соображеніе отличные его успѣхи и нравственность. — Другія два разсужденія, написанныя на вторую тѣму, принадлежащія Студентамъ II-го курса Камеральнаго отдѣленія Одиссею *Врето* и Александру *Шведову* приняты за курсовыя сочиненія съ отмѣткою 5, а послѣднее — Александра *Шведова*, по вниманію къ отличнымъ его успѣхамъ и поведенію, удостоено и похвальнаго отзыва.

На слѣдующій годъ утверждены Совѣтомъ слѣдующія тѣмы: по предмету Философій: «о направленіяхъ Философій XVII и XVIII столѣтій, ихъ причинахъ и слѣдствіяхъ» и по предмету физики: «Объ атмосферѣ въ тер-

мометрическомъ и гигрометрическомъ отношеніи.» Послѣднимъ срокомъ для представленія разсужденій на означенныя тѣмы полагается 30 Апрѣля 1848 года. Изъ сочиненій, представленныхъ по предметамъ отдѣлений Студентами окончивающими курсъ, нѣкоторыя признаны разсматривавшими ихъ преподавателями отлично хорошими. Таковы сочиненія Студентовъ: Александра *Осиискаго*, Александра *Дебрюкса*, Корнелія *Кристалева*, Степана *Канелли*.

Выпускные и переводные экзамены Студентовъ и пріемные — учениковъ VII класса состоящей при Лицеѣ Гимназіи начались съ 8-го Мая и продолжались ежедневно по 15 Іюня; они производились, на основаніи правилъ, особо назначенными изъ Гг. Преподавателей Комитетами, а пріемные въ засѣданіяхъ Совѣта. Его Превосходительство, г. Попечитель Одесскаго Учебнаго Округа присутствовалъ при всѣхъ испытаніяхъ. Испытаніе по предмету Богословія удостоилъ и въ настоящемъ году своимъ присутствіемъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Херсонскій и Тавричeskій Гавріилъ. Столь лестное и постоянное вниманіе къ нашему заведенію — обязываетъ насъ принести Его Высокопреосвященству нашу глубочайшую признательность.

Измѣненія въ составѣ учащихся.

Кромѣ 44-хъ учениковъ, поступившихъ въ Лицей въ концѣ прошлаго учебнаго года изъ VII класса состоящей при Лицеѣ Гимназіи, явилось въ началѣ слѣдующаго учебнаго года изъ другихъ учебныхъ заведеній, желающихъ поступить въ Студенты 51. Изъ нихъ выдержали экзаменъ, и приняты въ Лицей 40, а именно: въ Юридическое отдѣленіе 17, въ Математическое 7 и Камеральное 16; остальнымъ 11-ти, невыдержавшимъ экзамена, отказано въ пріемъ. Въ продолженіе года уволено изъ Лицея 29; за тѣмъ осталось къ концу года 183, а именно: въ Юридическомъ отдѣленіи 49, въ Математическомъ 52 и Камеральномъ 82.

По окончаніи въ семь году полнаго курса наукъ, Студенты III-го курса удостоены полученія аттестатовъ — Юридическаго отдѣленія: Александръ *Осиискій*, Авраамъ *Акимовъ*, Андрей *Ярошевъ*, Иванъ *Ратко*, Юлій *Мацѣвичъ*, Константинъ *Ивановъ*; Физико-Математическаго отдѣленія: Александръ *Дебрюксъ*, Корнелій *Кристалевъ*, Гавріилъ *Токаржевскій*, Викторъ *Каретниковъ*, Николай *Поповъ*, Виталій *Шижковскій*, Федоръ *Эргардъ*, Владиміръ *Покотило*, Витольдъ *Богенскій*; и Камеральнаго отдѣленія: Эдмундъ *Руккеръ*,

Сергій Бьленко, Федоръ Андреевъ, Фаддей Зальскій, Николай Картамышевъ, Самеонъ Рафановичъ, Юліанъ Малуа, Людвигъ Гумницкій, Степанъ Канелли, Яковъ Милковскій, Александръ Филиповъ, Анатолій Нарышкинъ, Григорій Чарыковъ, Фабіанъ Патерновскій, Владиміръ Кузицъ и Петръ Альянаки.

Изъ втораго въ третій курсъ переходятъ — Юридическаго отдѣленія: Корнелій Стецкій, Зиновій Комарницкій, Михаилъ Будянскій, Константинъ Катакази, Клементій Голишевскій, Собѣславъ Барневскій, Василій Корвинъ-Павловскій, Діонисій Прушинскій, Земомыслъ Бачовскій, Василій Живковичъ, Иванъ Антоновъ, Аванасій Манто, Константинъ Гуренко, Фокіонъ Булатовъ, Петръ Пасхаловъ; Математическаго отдѣленія: Венедиктъ Жадановъ, Иванъ Пугачевъ, Владиміръ Чарновскій, Маркъ Финкель, Владиміръ Михневичъ, Іосифъ Янскій, Владиміръ Сушинскій, Константинъ Баевскій, Гавріиль Іенни, Левъ Геевскій; Камеральнаго отдѣленія: Александръ Яновичъ, Макарь Головченко, Александръ Шведовъ, Иванъ Яновичъ, Антонъ Чирскій, Августъ Сциславскій, Леонъ Черневичъ, Ашибалъ Симоновичъ, Константинъ Володковичъ, Станиславъ Жульцинскій, Григорій Маркаревъ, Павелъ Поповъ, Иванъ Павловъ.

Изъ перваго курса во второй, по Юридическому отдѣленію: Адольфъ Фельдманъ, Константинъ Мельниковъ, Степанъ Фонтани, Михаилъ Ягницкій, Михаилъ Синеековъ, Константинъ Палеологъ, Николай Васильевъ, Василій Рудковскій, Алексѣй Мазараки, Адріанъ Лосіевскій, Михаилъ Борзенко, Николай Фумели, Константинъ Сандуци, Павелъ Ръзниковъ, Станиславъ Собанскій, Вильгельмъ Швамбергъ, Дмитрій Трощинскій, Матвій Лучичъ; Физико-математическаго отдѣленія: Аркадій Павловскій, Михаилъ Корвинъ-Павловскій, Владиміръ Сикорскій, Василій Поливановъ, Бенонъ Дидковскій, Іосифъ Герценштейнъ, Константинъ Титаренко, Ипполитъ Дульскій, Самуиль Левензонъ, Павелъ Любовицкій, Георгій Биличенко, Федоръ Еловицкій, Игнатъ Прушинскій, Дмитрій Сизаревъ, Иванъ Бартевевъ, Дмитрій Дынга, Іеронимъ Лосицкій, Наполеонъ Сарнецкій, и Камеральнаго отдѣленія: Александръ Малиновскій, Константинъ Милевскій, Исаакъ Красносельскій, Баронъ Николай Корфъ, Гутманъ Сарсеръ, Алексѣй Юзевовичъ, Юлій Бржозовскій, Андрей Товбичъ, Степанъ Милановичъ, Николай Длугоборскій, Исидоръ Свищевскій, Владиміръ Новохацкій, Октавій Качинскій, Іосифъ Краевскій, Егоръ Лангъ, Юліанъ Ижицкій, Николай Вороничъ, Діомидъ Швецовъ, Викторъ Домбровскій, Константинъ Маклаковъ, Людоміръ Скибневскій, Брониславъ Скибневскій,

Иванъ Носовъ, Григорій Кириковъ, Людвигъ Петрушевскій, Петръ Ремгильдъ и Георгій Аріонъ.

По окончаніи курса наукъ въ состоящей при Лицеѣ Гимназіи, удостоены поступленія въ Студенты: Константинъ Дмитріевъ, Андрей Славинскій, Николай Казанскій, Николай Бѣлый, Апполонъ Карякинъ, Герцъ Герценштейнъ, Григорій Короевъ, Василій Волошинъ, Иванъ Гродскій, Михаилъ Филиповъ, Маркъ Бельцеръ, Александръ Лангъ, Николай Ръзниковъ, Андрей Агте, Петръ Липковскій, Ксенофонтъ Лондисъ, Дмитрій Колбасинъ, Дмитрій Пелино, Михаилъ Крамаревъ, Викторъ Делавосъ, Ипполитъ Свѣйковскій, Леопольдъ Подлевскій, Іосифъ Чарновскій, Игнатій Цыбульскій, Василій Ръзниковъ, Діонисій Кропивяцкій, Степанъ Касперскій, Дмитрій Шмидтъ, Иванъ Таборовскій, Мечиславъ Сабанскій, Даниль Размарицынъ, Владиміръ Деденевъ, Болеславъ Зальскій, Николай Сизиневскій, Иванъ Филиповъ, Ипполитъ Кропивницкій, Станиславъ Моргулецъ, Людвигъ Делавосъ, Гавріиль Борисполецъ и Викторъ Ижицкій. Сверхъ-того Петръ Вейбергъ, выдержавшій въ прошломъ году испытаніе съ отличимъ успѣхомъ, но не поступившій тогда въ число Студентовъ, по недостиженію узаконеннаго возраста, нынѣ, на основаніи предписанія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, принимается въ первый курсъ Юридическаго отдѣленія.

Заключая симъ краткій обзоръ дѣятельности и состоянія Лицея въ истекшемъ году — припомнимъ, что этимъ годомъ оканчивается первое десятилетіе существованія Лицея въ нынѣшнихъ его формахъ, опредѣленныхъ Уставомъ, Высочайше дарованнымъ Лицею Мая 29 дня 1837 года; — и позволимъ себѣ надѣяться, что Вы, Милостивые Государи, выражающіе ежегоднымъ поощреніемъ нашихъ актовъ лестное для насъ участіе въ судьбахъ Лицея, раздѣляете съ нами убѣжденіе, что заведеніе наше, покровительствуемое и руководствуемое Попечительнымъ Начальствомъ, стремится постоянно и успѣшно по пути, назначенному для него Державною волею Августѣйшаго нашего Монарха.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА